А. И. Архангельский

(БУКА)

Komu sluzhit?

КОМУ СЛУЖИТЬ?

С вступительной статьей И. И. Горбунова-Посадова

Arkhangelskii

А. И. Архангельский

МОСКВА — 1920.

Об А. И. Архангельском, и его книге „Кому служить?"

В замечательнейшей из книг — в „Круге чтения" Льва Николаевича Толстого — среди собранных им там мыслей мудрых людей, помещен ряд мыслей остававшегося никому неведомым до тех пор мыслителя, подписанных словом „Бука". Мысли эти принадлежали замечательному мыслителю и скромнейшему вместе с тем трудовому человеку — бывшему ветеринарному фельдшеру, а потом часовому мастеру Архангельскому, скрывшемуся под псевдонимом того слова „Бука", которым пугают детей и которым прозвали в детстве Архангельского за его упорный нрав.

Родился Александр Иванович Архангельский в пятидесятых годах прошлого века в одном из сел Орловского уезда, Вятской губернии. Будучи сыном дьякона, он обучался, как все почти дети духовенства, в духовном училище, впоследствии-же кончил курс ветеринарной школы. В конце 80-х годов, на 29-м году своей жизни, Александр Иванович очутился на службе по ветеринарной части — сначала ветеринарным статистиком, а затем ветеринарным фельдшером — в Бронницком уезде, Московской губернии, и принялся, со свойственной ему энергией и добросовестностью, за обслуживание скотолечебных нужд местного крестьянства.

Это продолжалось пять лет. Но в течении этих

пяти лет в убеждениях А. И. Архангельского произошел переворот, повлекший уход его со службы и совершенную перемену его деятельности.

Вытекло все это из глубокой внутренней работы, которая происходила в это время в Александре Ивановиче, на духовную жизнь которого имело огромное влияние знакомство его с религиозными произведениями Льва Николаевича Толстого, запрещенными в те времена у нас к печати и ходившими в рукописях.

Среди этой внутренней, духовной своей работы Архангельский пришел, между прочим, к ставшим для него особенно важными выводам о том, что никакие люди, а потому и никакая власть человеческая, не имеют никакого права, ни ради чего, ни по каким поводам производить никакое насилие над другими людьми, потому что этим нарушается самое основное — любовь между людьми и свобода человеческая.

Между тем и на своей службе ветеринарного фельдшера А. И. Архангельский должен был предпринимать различного рода насильственные мероприятия относительно крестьян по ветеринарной части: он должен был всеми способами—вплоть до насилия, штрафа, тюрьмы и суда—насильно заставлять крестьян убивать заразившийся тою или другою эпидемической болезнью, или даже только подозрительный по этой болезни, скот и применять разные другие насильственные полицейско-ветеринарные мероприятия, против которых крестьяне всячески боролись, и потому в борьбе с ними приходилось прибегать к услугам полиции и тюрьмы.

Это сделалось, наконец, совершенно невозможным для Архангельского, глубоко проникшагося духом отрицания всякого насилия.

Перед ним ярко встал вопрос, великолепно разра-

ботанный им потом в предлагаемой замечательной его книге, —, вопрос о том, кому служить: истине братства и любви или человеческой власти с ея насилиями, присущими всякой власти.

Архангельский безповоротно решил, что служить надо Богу любви и братства, и отказался навсегда от исполнения правил о насильственных мероприятиях против людей-братьев. И когда ему было об‘явлено, что этого потерпеть не могут, Архангельский оставил службу.

Он не был подготовлен ни к какой другой работе. Никакого совершенно другого заработка у него не имелось в виду. Но раз совесть требовала от него отказа от службы, он безповоротно исполнил ея требования.

Он решил, что с этих пор он не пойдет ни на какую службу, потому что на всех службах люди исполняют не то, что угодно любви и братству, не то, что угодно Высшей воле, Высшему разуму, который живет в них, а исполняют то, что угодно той или другой власти, тому или другому начальству, тому или другому своевластию, или выгоде властвующих, начальствующих, управляющих.

Сбережений никаких, понятно, от скромного фельдшерского жалованья у Александра Ивановича не было, ремесла никакого он не знал, и в первую минуту он очутился с женою без всяких средств и способов к существованию.

Но А. И. Архангельский не потерялся.

Самое первое время они с женою существовали распродажею кое-каких вещей, а затем Архангельский стал браться за разные работы, которые не противоречили его совести. Он пытался взяться за такие

тяжелые работы, как копать погреба и пахать. Но эти работы оказались непосильны. От них у него делались боли в спине. „Вероятно,—замечает в своей книжке о нем Х. Н. Абрикосов,—у него тогда же уже начиналась та болезнь почек, от которой он впоследствии жестоко страдал.“

Пришлось переменить труд.

За последнее время перед этим он вошел в самые тесные дружеские сношения с нашим народным книгоиздательством „Посредник“, откуда постоянно выписывал книги для себя и для распространения. И вот, выписав от нас себе партию книжек побольше, Александр Иванович стал продавать книжки „Посредника“ народу на рынке и этим кормиться.

Приставала порою полиция. Натравляло на него духовенство, преследовавшее „Посредниковские“ книжки. Находились люди, глумившиеся, порою, над бывшим фельдшером, превратившимся в рыночного торговца, но А. И. Архангельский продолжал торговать любимыми книжечками, распространения которых в народе он считал чрезвычайно важным делом.

В материальном отношении это приносило ему, конечно, самую малость, так как наши грошевые книжки он продавал с самой ничтожной надбавкой за свой труд по продаже. Тогда он в некоторое дополнение к этому заработку выучился еще заливать калоши. Но и это, конечно, давало черезчур мало и только в известные времена года.

Исследуя, каким ремеслом ему заняться, А. И. Архангельский остановился в конце концов на часовом мастерстве. И мы видим, что уже через несколько недель обучения у местного еврея часовщика Архангельский начинает кормиться этим ремеслом, а через

несколько лет становится первоклассным часовым мастером.

С этих пор и до конца своей жизни он твердо стоит на собственных ногах, живя только трудами рук своих, обслуживая постоянную нужду окружающих в починке часов, но, вместе с тем, не состоя ни у кого на службе, живя всегда и во всем совершенно свободным человеком, живя в этом рабском мире гражданином того будущего мира, в котором не будет никаких начальствующих и подчиненных, гражданином будущего мира совершенного братства и совершенной свободы.

Кроме постоянного своего часового дела, А. И. Архангельский исполняет десятки разных других починок: починки швейных машин, разных мелких механизмов, утвари и т. д. и т. д., и делается в своем городке незаменимым специалистом по всем таким делам.

Все исполняется им с величайшей добросовестностью, тщанием, искусством. Круг его заказчиков все растет. Все, кто имеют с ним дело, остаются глубоко благодарны ему за работу, не нахвалятся ею. И все, вместе с тем, чувствуя нравственную прелесть и духовную силу этого деятельного, энергичного, мудрого и твердо стойкого в своих убеждениях человека, проникаются особенным к нему уважением.

„К этому времени,—пишет Х. Н. Абрикосов в своей книжке „Жизнь А. И. Архангельского",—относится и первое знакомство Архангельского с Л. Н. Толстым. Придя в Москве ко Льву Николаевичу, Архангельский принес ему в подарок экземпляр переписанной им „В чем моя вера". Архангельский поразил Льва Николае-

вича своей последовательностью и твердостью, тем, что он, сразу, придя к убеждению, что служить нельзя, оставил службу и стал жить личным трудом. Следующее посещение Архангельским Льва Николаевича было в Ясной Поляне. Архангельский пошел из Бронниц в Ясную Поляну пешком, около 250 верст, денег с собой он не взял, а взял с собой небольшой набор инструментов для починки часов, замков и других мелких слесарных работ. В деревнях он предлагал свои услуги, работал и этим кормился в пути".

Мы часто переписываемся с Архангельским. И в его письмах всегда встречаются такие глубокие мысли и чувства.

Переписка наша становится все более и более оживленной. В то время передо мной, на ряду с созданием литературы, удовлетворяющей духовные потребности народа, особенно ярко встала необходимость создания ряда книг, которые обслуживали бы своими знаниями самые необходимые хозяйственныя нужды народа. Одной из первейших задач в этом направлении было создание простого, всякому читателю доступного, лечебника болезней скота, предлагающаго, по возможности, те способы и средства, которые, более или менее, находятся под рукою у крестьянина. Я предложил составление такого скотолечебника А. И. Архангельскому, который сам то же думал об этом. Он самым живым образом откликнулся на мой призыв и чрез непродолжительное, сравнительно, время я получил от него рукопись скотолечебника, который оказался именно такою книгою для крестьян, какой мне хотелось, составленной и с большим знанием дела и с большим

знанием крестьянской жизни, крестьянских потребностей.

При редактировании книги я привлек к просмотру ея некоторых таких своих друзей из крестьян, которые дополнили скотолечебник еще некоторыми народными советами, средствами, способами, особенно успешно и много проверенными в народной практике.

Таким-то образом, благодаря отклику и прекрасной работе А. И. Архангельского, скромного ветеринарного фельдшера, почти выгнанного, можно сказать, со службы за негодностью, т.-е. за неисполнение законов и предписаний власти, получился, изданный „Посредником", прекрасный народный скотолечебник, обслуживший впоследствии десятки тысяч крестьянских хозяйств, спасший здоровье и жизнь множеству того рабочего скота, от благополучия которого в такой огромной мере зависит благополучие самого крестьянства.

Первое издание скотолечебника разошлось. Когда я представил (как это тогда полагалось) исправленный для второго издания скотолечебник в предварительную цензуру, скотолечебник пошел в специальную ветеринарную цензуру, и цензура потребовала включения в скотолечебник тех правил об обязанностях исполнения крестьянами всех принудительных полицейско-ветеринарных мероприятий, из-за отказа в исполнении которых А. И. Архангельский ушел со службы.

Когда я послал А. И. Архангельскому сообщение об этом требовании цензуры, с приложением „отношения" цензуры по этому поводу, требование это вызвало в душе Архангельского целую бурю, и в ответ на него он прислал мне большое письмо—страстный, подробный протест против таких требований.

Я был согласен с ним, что эти требования цензуры мы не должны исполнить. И мы решили дождаться

того времени, когда можно будет выпустить лечебник без таких добавлений, против которых возмущалась совесть составителя книги.

Но буря, поднятая этим требованием властей в душе Архангельского, с особенною силою всколыхнула в нем великий вопрос: „Кому служить?“ И письмо его ко мне послужило зерном, из которого выросло огромное дерево—предлагаемое его сочинение.

Это сочинение является, по-моему, одним из замечательнейших творений нашего времени — по своим мыслям, по оригинальности своих взглядов, по своей силе.

Л. Н. Толстой, который оказал такое громадное влияние на Архангельского и с которым он вошел в постоянную духовную связь, высоко оценил произведение Архангельского.

Вот что писал Л. Н. Толстой Александру Ивановичу по прочтении его рукописи „Кому служить?“:

„Дорогой Александр Иванович, сейчас дочел вашу статью и давно не испытывал такой радости. Эта статья сделает много добра людям и подвинет дело Божие. Видно, он решил сделать это через вас. Очень жалею, что мало видел вас, я был нездоров. Теперь мне лучше. Я отметил карандашом кое-какие подлежащие изменению места. Надо не дать врагам добра—дьяволу—повода ради—как он это любит делать—слабых и ошибочных мест освободиться от сокрушающей его дела убедительности этой превосходной статьи. Ваш друг и брат Лев Толстой.“

„Архангельский не оставлял своего писания,—пишет Х. Н. Абрикосов,—а продолжал всю жизнь работать над ним, исправляя и дополняя его“.

Вот что Архангельский писал впоследствии Л. Н. Толстому:

ник
лась

й в
нула
его
ом-

аме-
оим
иле.
ное
л в
зве-

но-

шу
Эта
ело
ень
ерь
ле-
а—
ла-
ей
ьи.

ин-
знь

Н.

Для костю
и к

ММП

ШВЕЙНА

Киевского

Наим. товара

Фасон ____

Размер____

Прейскурант

Наимен. ткан

Цена 1-го со

Сорт________

Цена со скидк

Цена с отдел

Дата выпуска

„Я
мое
давно
вам э
рые
разум
потом
это м

Та
рейск
прибо
гранд
нравс
в наш
дал ч
хотя
ской
разре
долже
было.
силик
миро
кое р
гой ф
—иде
дей н
гих.
У
одна
мог
тать

„Я слышал, что вы одобряете, мысль о том, чтобы мое сочинение „Кому служить?“ было напечатано. Я давно об этом мечтаю и теперь на этот конец присылаю вам экземпляр с добавлениями и исправлениями, которые соответствуют моему теперешнему состоянию разумения... Но пуще всего мне дорог ваш контроль, потому что дело это я считаю более чем серьезным: это мое богослужение“.

Также, как когда-то, в 17-м еще веке, скромный еврейский мастер, шлифовавший стекла для оптических приборов, Барух Спиноза дал человечеству великий грандиозный трактат о коренных вопросах религии, нравственности, философии под заглавием „Этика“, так в наше время скромный часовой мастер Архангельский дал человечеству замечательный трактат, посвященный хотя как будто и одному лишь из вопросов человеческой жизни, но вопросу первостепенной важности, от разрешения которого зависит все направление жизни: должен-ли, будет-ли служить человек каким бы то ни было властям, какому бы то ни было человеческому насилию или служить великому идеалу всечеловеческой, мировой правды, любви и свободы, исключающему всякое рабство одних людей другим людям в той или другой форме устанавливаемой ими государственной власти, —идеалу, исключающему всякое господство одних людей над другими, всякое подчинение себе одними других, всякое насилие в какой бы то ни было форме.

У обоих этих замечательных „ремесленников“ была одна общая черта огромного значения: философ Спиноза мог бы прекрасно кормиться преподаванием или работать над научными трудами, получая за это содержа-

ние от каких-либо ученых учреждений или завися (как это бывало всего чаще в те времена с учеными, художниками, писателями) от подачек богачей, вельмож, правителей, в угоду которым философ, ученый, профессор должен был так или иначе да приспособляться кое в чем со своей философией и наукой, угождая сильным мира сего или исполняя то или другое требование академий и университетов.

Для того, чтобы быть свободным, совершенно независимым творцом своего учения, великий Спиноза часть своей жизни добывал средства к пропитанию ремесленным трудом и умер в крайней добровольной бедности.

Скромный, до сих пор неведомый для всех, кроме маленького круга друзей, скрывавшийся под псевдонимом „Бука“ в „Круге чтения“, русский мудрец Архангельский, уйдя со службы, которая давала ему заработок, стал добывать себе хлеб ремеслом, чтобы провести в жизни и показать на деле пример истинно свободного человека в то время, когда тысячи кричавших и кричащих о свободе людей жили и живут в той или другой форме на счет государственной или общественной власти или учреждений, исполняя их требования, принося в жертву им свою драгоценнейшую независимость.

Книга „Кому служить?“ перед вами. Прочтя ее, вы наверно перечитаете потом не один раз эту замечательную книгу и захотите познакомить с нею широкий круг друзей и знакомых.

О, если бы каждый молодой человек в начале пути своей жизни поставил бы перед собою вопрос, поставленный в этой книге Архангельским, и ответил бы себе

на него во всей полноте, силе, искренности и провел бы свой ответ в жизни с тою глубочайшей искренностью, твердостью, убежденностью и независимостью, с какой провел свой ответ в жизни Архангельский!

Мир стал бы тогда совершенно иным. Перед нами появилось бы поколение новых, истинно просвещенных светом истины и истинно свободных людей.

Если духовное течение, вызванное работою Льва Толстого, назвать Толстовскою школой, то книга „Кому служить?“ является одним из самых выдающихся произведений духовной работы этой школы.

А по своей поразительной искренности, с которой Архангельский обнажает перед нами все свои душевные глубины, все свои духовные слабости, все колебания, над которыми в нем, в конце концов, с такою силою торжествует великая правда, это сочинение одно из редчайших на свете, по моему мнению.

Кроме этого сочинения, в котором Архангельский, исходя из разрешения одного великого для него вопроса, с такою силой изложил и все свое жизнепонимание,— кроме этой работы и своего скотолечебника, А. И. Архангельский написал еще две работы для нашего издательства. Первой работой было руководство по починке часов, в котором он изложил все свои знания и весь свой глубокий опыт по этой части. Эта образцовая в своем роде книга называется „Общедоступный часовщик“ А. Букова.

По этой книжке каждый желающий может чрезвычайно ясно и точно усвоить себе науку починки часов, столь необходимую в жизненном обиходе.

Второй работой было руководство к переплету книг

Постепенно переплетая все свои книги для того, чтобы они долго сохранялись и не портились, обслуживая широкий круг братьев людей, Архангельский выработал чрезвычайно легкий, простой способ переплетанья книг без помощи всяких специальных переплетных инструментов,—просто с одним перочинным ножиком, иголкой и нитками.

Этот способ он, опять таки с своей необыкновенной ясностью и точностью, изложил в изданной нами книжечке „А. А. Как переплетать книги без особых переплетных инструментов“.

Кроме занятия часовым ремеслом и своими писаниями, Архангельский посвящал часть своего времени совершенно особому, замечательному по своему значению, труду. Он был тайным типографом типографии, где печатались запрещенные к печати произведения Льва Николаевича Толстого.

Вплоть до первой русской революции в 1905 году, как известно, громадное большинство религиозных и социальных произведений Льва Николаевича оставалось неизвестной русским, благодаря цензурному запрету. Их переписывали, литографировали, печатали на гектографе в России, печатали за границей, но все это в общем давало такое малое количество экземпляров и доставать их было чрезвычайно трудно.

Пока наше издательство не могло (как оно это сделало при первой открывшейся возможности) свободно печатать религиозные книги Льва Николаевича, А. И. Архангельский стал одним из тех вольных тайных типографщиков, благодаря которым только и могли рас-

множаться и доходить до людей запрещенные сочинения Толстого.

Весь рабочий состав его типографии составлял он сам. Типографским станком служил ему гектограф, который он сам приготовлял себе с большим искусством, все совершенствуя (как совершенствовал он все, что делал) устройство гектографа и поэтому самое печатанье.

Рано поутру, когда население городка еще спало, Архангельский, с запертыми ставнями, зажигал свою лампочку и принимался за печатание произведений Льва Николаевича.

Когда же в городке наступало движение, Толстовская типография кончала свою работу, ставни открывались, и часовых дел мастер Архангельский начинал свой рабочий день, свой лечебный прием пациентов с больными часами, швейными машинами и пр. и пр.

Одно время против Архангельского жил исправник. Этот начальник уездной полиции не подозревал, что в нескольких шагах от него творилось беззаконнейшее дело—печатались запретные произведения Льва Толстого, провозглашавшие не власть, а любовь основою жизни мира и свергавшие всякую власть, всякое насилие в мире.

Если бы он узнал это, и если бы ему пришлось арестовать за это Архангельского, исправник приступил бы к этому, наверно, с величайшей неохотой, потому что этот, удивительно порядочный для своей должности, полицейский питал глубочайшее уважение и симпатию к Архангельскому, убеждения которого он прекрасно знал. Вернее всего, что он постарался бы перед обыском предупредить Архангельского.

Напечатав то или другое наиболее необходимое из

прежде напечатанных или только-что появившееся произведение Льва Николаевича в количестве нескольких десятков экземпляров, Александр Иванович привозил их, нам в Москву, откуда мы и распространяли их, стараясь переправить по экземпляру в различнейшие местности России, где наши единомышленники переписывали и перепечатывали уже с них.

Таким образом типографийка Архангельского имела важное значение в деле распространения истины.

Всякий, приходивший в соприкосновение с Архангельским, с этим неказистым с виду, несколько топорным, по пословице: „нескладно скроенным, да крепко сшитым“ человеком, речь которого, при всей ее мудрости, часто дышала еще таким своеобразным тонким юмором,—всякий выносил сильное впечатление от всей его глубоко оригинальной духовной личности.

Все, кто знали его, глубоко уважали его и ценили.

На многих, многих людей он имел глубокое влияние. Целый ряд людей обязан ему своим духовным пробуждением, полным перерождением своей жизни на основе раскрывшихся им через Архангельского великих идеалов жизни.

Последние годы жизни Александр Иванович страдал тяжкою болезнью почек. Страдания свои он сносил со стоическим терпением мудреца.

„Жизнь есть страдание,—пишет Александр Иванович,—но она может быть и радостью, и надо постараться это последнее оправдать, насколько это от нас зависит“.

„И он действительно,—говорит Х. Н. Абрикосов,—умел оправдать это и находить всюду радости жизни“.

„Посмотришь, как другие люди бедствуют в жизни, не могут устроиться, а моя-то жизнь сложилась как хорошо!“—сказал как-то Х. Н. Абрикосову Александр Иванович.

„Вообще мы живем, слава Богу, хорошо, а, главное дело, не воруем, не обманываем, не насильничаем,—вообще можно быть довольным“,—пишет в письме Абрикосову Александр Иванович .

Его глубоко духовная, возвышенно религиозная жизнь его души ни на минуту не покидала его, все углубляясь к концу дней его страданий, которые были очень велики.

До конца дней своих Алексанр Иванович, несмотря на усиление страданий болезни, продолжал деятельно работать, добывая хлеб насущный часовым мастерством, и даже, как пишет Х. Н. Абрикосов, стал увлекаться огородничеством. „Он умел радоваться на каждое растение, на каждый росток, вылезающий из земли.“

В своих письмах к Х. Н. Абрикосову за это время он каждый раз писал о своем огородничестве, об опытном крошечном огородике своем на окне и о своих опытах на огородике в 9 кв. сажен близь его двора, где он насажал всяких овощей.

Работали до конца его трудовые руки. Работал до конца его дух, все совершенствуя книгу „Кому служить?“, в которую он вложил всю свою душу.

Наконец болезнь сломила его.

А. И. Архангельский скончался далеко-далеко еще не в старости, 48 лишь лет от роду, в 1906 году.

После него осталась вдова, любовно ухаживавшая

за ним в годы его страданий и деятельно помогавшая ему все годы их многотрудовой жизни.

Углубимся же в оставшееся нам от дорогого друга моего А. И. Архангельского замечательнейшее духовное наследство — в сочинение его „Кому служить?“, с необыкновенной силой говорящее нам о высшем назначении человека, о высшем достоинстве, о высшей свободе человеческой, которую человек не должен продавать и отдавать ни за какие блага в мире.

Книга эта, исполненная бесграничного уважения к человеческой личности, к личности каждого брата-человека, одна из самых сильных книг о человеческой свободе.

Книга эта — могучее низвержение человеческих идолов,—идолов силы, власти, насилия в человеке, в мире, окутанном мраком насилия и обмана.

Книга эта должна чрезвычайно способствовать освобождению великой духовной сущности человека из цепей, ее поработивших.

Дай же Бог этой книге сделать все то дело в мире, которое она может совершить в нем!

10 декабря 1919 г. И. Горбунов-Посадов.

ВЕЛИКОМУ СТАРЦУ,

ЛЮБИМОМУ УЧИТЕЛЮ

И РУКОВОДИТЕЛЮ

В ЭТОМ ТРУДЕ

ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ

ТОЛСТОМУ

ПОСВЯЩАЕТ

БЛАГОДАРНЫЙ АВТОР

* *
*

От дней же Иоанна Крестителя доселе царствие небесное нудится и нуждницы восхищают е. Мф XI. 12.

Закон и пророцы до Иоанна; оттоле царствие Божие благовествуется и всяк в не нудится. Лука XV. 16

Кому служить?

Я хочу рассказать, как я узнал истину и как меня за это выгнали со службы.

Я считался от рождения православным христианином, но сам себя считал неверующим; полагал, что нужно только жить по совести и на пользу людей, и думал про себя, что я так именно и живу, и потому прав. Но мне посчастливилось познакомиться с сочинениями Льва Николаевича Толстого, а через них узнать истинный смысл христианства, и я понял, что моя деятельность служебная нетолько не полезна, а очень вредна для людей, и что я вообще далеко не прав. Разумное содержание моей жизни, так я думал тогда, почти все исчерпывалось службой, и вдруг я понял, что так служить, как я служил, с карающим законом, так сказать, с кнутом в руках, что так служить своим братьям нельзя,—что это будет не служба, т. е. не служение ближнему, а нахальство и озорство.

Я служил Московскому Губернскому Земству ветеринарным фельдшером. Мое положение фельдшера—положение, конечно, не важное, но я не был слепым исполнителем приказаний начальства, а все, что я де-

лал, я старался понять, и, понимая, полагал, что это добро. И вот, когда полезность всей службы моей оказалась под сомнением, я не мог спрятаться за мизерность своего положения, за слова: „человек я маленький“; „где уж мне...“; „не до жиру, быть бы живу“ и т. п., а наоборот, изо всех сил старался понять то новое, открывающееся мне из Евангелий, из сочинений Л. Н. Толстого, мировоззрение и главным образом заповедь о непротивлении злом злому.

Я чувствовал огромную важность этого дела и читал, перечитывал, переписывал и сильно придирался ко всем тем местам в сочинениях Л. Н. Толстого, которые по невежеству моему казались мне сомнителными; я чувствовал в себе непреодолимое влечение делать все это; припоминал все то старое, ранее накопленное из других книг и от других учителей свое духовное имущество; проверял себя, за что я люблю своего умершего отца, перед которым я виноват и которого я люблю; припоминал прочих хороших умерших и живых людей, за что их считали хорошими; смотрел на окружающих людей, и в минуты особенного просветления рассудка мне казалось, что эта заповедь мудрого непротивления уже есть и действует, только люди в нее не верят; всюду кидался мыслями и старался понять в чем сила; старался понять это новое, открывающееся мне ведение истины как можно правильнее, как можно основательнее, чтобы не ошибиться потом в деле жизни; то было время до безумия напряженной духовной работы, работы до истощения сил. И теперь, когда это уже прошло, когда вспомню, как это было невозможно трудно, из какого хаоса награможденных друг на друга противоречивых мыслей, чувств, верований и невозможностей понимания для моей ограниченности, я вышел целым и очутился в сравнительно более

выгодных общественных и материальных условиях, то удивляюсь и не понимаю, как все это со мною могло случиться.

I.

Чем больше я понимал христианство в его истинном свете, тем яснее обнаруживались передо мною несообразности моей службы.

Первая несообразность, которую я открыл в своей полезной деятельности, была та, что вот я служу для пользы общества; это, конечно, очень прекрасно: служить ближнему—святое христианское дело; но ведь я служу не даром, я получаю за свое христианское дело деньги—жалованье. Положим, что нельзя без жалованья, без платы за труд; что же, наконец, есть? Но если так, то уничтожается и особенная, преимущественная полезность моей деятельности, уничтожается особенное христианское дело: я просто наемный работник и было бы худо, если бы я плохо старался; если же я, по мере сил своих, служу добросовестно, то это то̀, что и должно быть, не больше того, что и портной и сапожник и кузнец не обманывают народ, а делают свое дело добросовестно; и служба моя не была непрерывным рядом подвигов самоотвержения, а служба, как служба. А между тем в том кругу ветеринаров, в котором я вращался на службе, деятельность наша считалась преимущественно полезною; даже смешно было сравнивать ее с портняжеством: портной хлеб для себя промышляет, вроде бы, как заяц или воробей, а мы—мы обществу, народу, служим, в известной мере священнодействуем; так и я понимал и священнодействовал. И какой служака не думает, что его деятельность особенно полезна, хотя в глазах постороннего наблюдателя его жизнь справедливо казалась бы сплошным дармоедством, так-то и я.

Вторая несообразность состояла в том, что если я наемный работник, то ведь обыкновенно наемные работники находятся в распоряжении тех, кому служат, и бывают всегда на втором плане и живут беднее своих нанимателей—хозяев; я же до некоторой степени распоряжался теми, кому служил, и в общем жил богаче их, завидно для них—несообразность очевидная.

Третья несообразность состояла в том, что нанимали меня не те, кому я по совести своей считал себя обязанным служить, и не редко интересы тех и других оказывались в противоречии. Очень часто приходилось действовать прямо наоборот, наперекор желаниям тех, чьи интересы я считал себя обязанным соблюдать. Я знаю двух крестьян, которые до сих пор не простили мне моей верной службы и высказывали это мне: один прямо укорял словами, а другой при моем появлении прятался с бранью, чтобы не видеть меня и удержать свое сердце, хотя в том и другом случае мои деяния были такие, что по службе я не мог поступить иначе; такие, за которые начальство меня хвалило и дало мне денежную награду.

Если думать, что меня нанимали представители населения, то, не говоря о том, что быть обидчиком по должности дело далеко не доброе—я, уже понимая, что никаких представителей населения на самом деле нет, а на месте того сидят люди, которые называются попечителями — раззорителями, охранителями — расхитителями; и потому мне чужому, прилетевшему, Бог весть откуда, с ветру, человеку, предоставляется быть судьею в чужой пользе, в правоте чужого желания. Я говорил об этом своему начальству, но оно мне сказало, что не стоит обращать внимания на такие пустяки, что крестьяне—малые дети, не понимают своих интересов. Но ведь дело-то делать приходится мне, а я помнил, как не раз мне приходи-

лось краснеть за свою глупость в разговорах с крестьянами; наконец, эти дети кормят нас—таких больших разумников, а по настоящему-то бывает наоборот. Разговоры и споры, как это часто случается, заходили в такие непроходимости, что терялись и ясность мысли и предмет разговора. Несообразность состояла в том, что служил-то я по своему убеждению обществу, преимущественно мужикам, а общество-то и мужики моей службой так были иногда недовольны, что для них было бы большою милостью, если бы совсем не служил.

Четвертая несообразность состояла в том, что я должен был не только в общих, но и в частных случаях помогать крестьянам по своему ремеслу бесплатно для них. Мне это казалось неправильным; мне казалось наоборот, что это добро, когда с одной стороны трудящийся удостаивается пропитания, а с другой—пользующийся чужим трудом платит за него своим; бесплатно же пользуются только люди особенно бедствующие, немогущие и неимущие, божественною жертвою ради Христа, и если жертвою, то само собой не обязательно. И мне казалось, что следует поддерживать этот прочно установившийся порядок, а не разрушать его бесплатною и обязательною казенною помощью во всякое время всякому желающему. Бесплатное пользование чужим трудом всегда развращает человека тем, что ставит его в ложное и унизительное положение нахлебника—дворянина и тем обманывает его относительно истинного положения дела, потому что все никак не могут быть дворянами. Если бесплатно для человека не все, а спокон веков человек вынужден трудиться то прежде чем разрушать это условие жизни, надо бы проведать, откуда взять средства для этого. Бесплатно для человека солнце, воздух, земля, вода и все, что всем дается природою, труд же человеческий и все,

происходящее от него, не может быть бесплатным. На самом деле так оно и есть: и земство, и государство, и казна сами не могут дать людям никакой прибавки, и бесплатная помощь всему вообще народу оплачивается вообще народом сторицею и с большим уроном. Дело в конце концов оказывается тем, что начальству угодно устраивать так, чтобы казенная помощь имела видимость бесплатности, наружный вид особенного христианского благоволения, исходящего от начальства. Например, зацапает себе человек сразу, одним махом, тысячу или сто рублей и потом уже целый месяц только и делает, что благоволит. Выходит так, что будто только служащие люди—состоятельные люди, а все прочие, весь народ, нищие ради Христа. С чем же это сообразно?! Выходит, что бесплатность помощи моей крестьянам была лицемерием по существу. Недаром мне всегда бывало стыдно, когда мужик или баба благодарили меня за бесплатную помощь; мне иногда казалось, что они это делают лицемерно, особенно униженно, как бы в насмешку. И я выводил из своих наблюдений такое заключение, что на бесплатную казенную помощь идут преимущественно люди не бедные, не достойные, а люди по нравственным качествам наименее почтенные.

Пятая несообразность моей службы состояла в том, что я знал, что один отдельный человек слаб, несчастен и беззащитен в мире, и полагал за добро то, что все люди в жизни всегда цепляются друг за друга и живут в зависимости друг от друга, и что такое естественное положение как нельзя лучше толкает человека к тому, чтобы исполнять заповедь христианскую: любить ближнего своего, как самого себя, возвеличивать Бога и исполнять закон Его. Закон Бога тогда прямо вытекает из положения человека и приходится к нему, как ключ к замку. Обеспеченность же человека от болезней—зем-

ской медициной и ветеринарией, от несчастий страхованием, от невежества школой, от насильника и похитителя—полицией, от расхищения природных богатств—горными, лесными и водяными ведомствами, от неправды—судом и т. п.—такое обеспечение уничтожает для отдельного человека необходимость цепляться друг за друга, уничтожает зависимость от ближнего и тем уничтожает первые, основные, природные и потому всегда самые прочные и надежные внутренние побуждения общественности, взаимного уважения и любви; уничтожает естественное и благороднейшее побуждение к самосовершенствованию; словом, уничтожает естественность и создает искуственность, противоестественность. Кроме того, все эти учреждения суть тоже люди, громадное количество людей служащих, зависящих только от своего начальства на службе, обеспечиваемых пенсией после службы и даже обеспечивающих своих детей после своей смерти до самой их смерти эмеритурой, и потому не имеющих нужды цепляться за людей и уважать их, и воспитывающих в себе по отношению к ним чванство, гордость, сознание независимости и превосходства—все качества отрицательные для любви, для братства, для общественности. Это только в глазах благородных отсутствие заботы о своем пропитании кажется необходимым условием разумной и полезной жизни, чтобы можно было благородному человеку думать и говорить о материях важных и делать дела великие и будто бы даже христианские; в глазах же здорового человека, не изуродованного сознанием благородства, такое положение всегда соблазн и грех. Всегдашняя и ежечасная забота о своем пропитании и о пропитании семьи есть основное природное условие жизни и никаким прочим материям важным оно мешать не должно и не может, и освобождение от которого ставит человека в ложное, неестественное положение и делает лиш-

ним и ненужным Бога и закон Его. Так что, если учреждения будут совершенно все совершенны, то отнимется у людей, у каждого человека благороднейшая высшая человеческая деятельность, деятельность нравственная, потому что она будет ненужна для отдельной личности, всякое благое дело будут по долгу делать учреждения; и человеку грозит опасность вместо подобия Божия сделаться подобием винтика в колесе, подобием мертвой вещи. И я слыхал и даже от умных людей такое рассуждение, что „человек слишком ничтожен сам по себе, чтобы тратить усилия на самоусовершенствование, возможное так трудно и так незначительно, что очевидно, говорили они, наши усилия должны прилагаться не здесь; важно, говорили они, то, что человек вносит в общество своею общественною деятлеьностью". Как будто личная жизнь каждого человека не есть его самый существенный и всеоб'емлющий вклад в общество. И какой вклад в общество может дать человек, чуждый нравственной деятельности в себе? И потом, на что же это будет похоже, если мы будем иметь совершенные внешние общественные учреждения, а сами будем мерзавцами, подлецами, будем гнить и погибать в разных пороках; во что же тогда обратится жизнь человеческая? Ведь кроме внешнего благоустройства есть еще благоустройство внутреннее, нарушение которого дает человеку нетолько больше страданий, чем нарушение благоустройства внешнего, но мудрецы говорят даже, что, имея совершенное внутреннее благоустройство, можно совсем освободиться от страданий; и опыт жизни показывает, что на самых вершинах внешнего благополучия люди нетолько страдают не меньше, чем внизу, но даже меньше дорожат самою своею жизнию. И наконец—это предвзятая ошибка лукавой мысли: на самом деле совсем не так уж трудно; и не то, чтобы незначительно, а наоборот

в личной жизни—это главное. Несообразность состоит в том, что служба вообще назначается на пользу людей, а польза-то, даже при всем совершенстве, на всех пунктах оказывается—в общем итоге для всех и в частности для каждого отдельного человека—сомнительною.

В шестых, самое положение наемника претило моему свободолюбию: сколько бы я ни служил, как бы ни старался, я не мог быть чистым перед людьми, или сколько нибудь уверенно свободным от обязанностей и покойным; в вечном, постоянном хомуте (если, конечно, служить по совести, для людей, а не для вида и начальства только!). И пусть бы это еще перед справедливыми богами, а то перед такими же грешными и капризными людьми, как и я сам. Надо жить, а не служить, думал я. Мне говорили, что служба сама по себе имеет предпочтительное значение; говорили, что местами сами крестьяне сообща на мирские деньги нанимают, например, врача, чтобы потом пользоваться его услугами во всех частных случаях бесплатно, равно для бедного и для богатого. На это надо сказать, что много есть всяких примеров в человеческом общежитии, но, подумавши и сообразивши дело, трудно согласиться, чтобы обязательность отношений сама по себе увеличивала сумму пользы и чтобы подневольный труд был лучше вольного. Ведь если нет в человеке добра, то деньгами его не вызовешь, если оно в нем есть, то выйдет и ради Христа; обязательность, обеспеченность добра не родит. Но самое существенное—это то, что обязательность отношений, кроме тяготы нравственной для чувства свободы, вносит путаницу в человеческие понятия о ценностях, которые необходимы людям для суждения об уместности; суждение же об уместности настолько важно, что „разумная дея-

тельность от безумной отличается только уместностью".*) Так что служба, т.е. обязательность отношений, сама по себе не только не имеет предпочтительного значения, но подрывает в корне порядок человеческой жизни.

Мне казалось, что служба и все это вообще теперешнее государственное и общественное, держащееся на писанных законах, устройство полезно и оправдывается только с точки зрения скотного двора, т. е. при условии достижения выгод и преимуществ для очень немногих; если же эти выгоды и преимущества потребуются по божьи равно для всех или даже для большинства, то устройство это по всем статьям никуда не годится.

И наконец, в седьмых, жалованье—удивительное это слово, как будто деньги дают не за работу, а так, по особому благоволению, жалуют. Но откуда идут эти деньги, это жалованье, которое так неприятно портит благородство службы, какую деньги эти имеют ценность, и заслуживаю ли я их? И стоило только поставить этот вопрос, как случилось откровение; ответ уже был готов, я уже знал, откуда идут эти деньги, какую они имеют ценность и можно-ли их заслужить.

При раз'ездах своих по делам службы в сношениях со старостами, с волостными правлениями я слыхал, как иногда работящих и трезвых, но бедных отцов семейства порют розгами и сажают в холодную в волостном правлении за недоимки. Знал также, что моих знакомых деревенских старост исправник сажал на неделю под арест при полицейском управлении по той же причине. В 1888 гогу я ездил на родину в Вятскую губернию повидаться с родными, и там рассказывали мне, что приехал новый губернатор и было по дерев-

*) См. предисловие к сочинению Л. Н. Толстого: „О жизни". Издание „Посредника".

ням сущее нашествие неприятеля: кроме того, что чуть не поголовно всех пороли, начальство ходило изо двора в двор и отнимало и продавало все, что только можно; бабы прятали свои холсты и сарафаны в сугробы снега и заметали и засыпали следы. Рассказывали, что в моей родной волости мужики бунтовали по случаю того, что все леса, которыми они искони пользовались, по межеванию отошли в казну; что приводили солдат с ружьями, приезжали генералы, шитые золотом и в орденах; что мужики, седые старики, без шапок стояли на коленях, плакали, кланялись, протягивали руки, просили не обижать; такие, говорят, были страсти, не приведи Господи видеть. Люди, которые рассказывали это, плакали и говорили, что каменные были у начальства сердца. Каждая деревня была оцеплена солдатами, сношение между деревнями уничтожено и в каждой деревне начальство об'являло, что только одна эта деревня бунтует, а все прочие уже согласились. Мужиков запирали в темный амбар и предварительно снимали с них кресты и выдергивали гашник из штанов. Начальство делало это на тот конец, чтобы они там не удавились, а на мирян-то, говорят, это производило убийственное впечатление, так что был общий говор, что либо уже пришел антихрист, либо если придет потом, то хуже не будет. В туже поездку мне случилось читать одну поволожскую газету, в которой описывалось судебное дело, происходившее в Казанской Судебной Палате, о том, что где-то на Урале в глухом углу обнаружилась целая деревня, отказавшаяся платить подати на оснавании Евангелия; что мужиков научил такой вере какой-то отставной капитан, поселившийся среди них и ко времени вчинения дела уже умерший естественною от старости смертию. Людей держали в тюрьме, судили и разогнали по два человека в разные противоположные окраины России. Газета

насмехалась над ихней верой. Много раз также я слынал и читал в газетах, как в разных местах России на базарах вдруг падает цена на мясо, на скотину и на прочие деревенские произведения не от каких нибудь природных причин, а только оттого, что начальство выбивает подати. И каждый год читаю о том, как мечется русский народ из края в край по России, делая тысячи верст пешком и все для того, чтобы очистить подати. И не перечислить и не вообразить всех тех бед и страданий человеческих, которые связаны со словом подати, со словом жалованье!

Так вот откуда идут эти деньги! Может быть, как раз те рубли, которые мне сейчас пожаловали, взяты за сведенную насильно со двора корову, отнятую у малых ребят, которые потом заболели и умерли от недостатка питания, и у матери от этой же причины засохли груди, а отец от той же причины обессилел в труде. И мне приходили на память деревенская бедность, безлошадность, безграмотство, убожество и те обычные и почти безпрерывные повальные детские поносы, дифтерит, скарлатина и многое другое. Помимо возмутительного беспокойства, с которым сопряжено взимание податей, вот какую безмерную ценность, ценность человеческой жизни имеют эти деньги и можно ли их заслужить. Можно ли чем нибудь заслужить отнятую насильственно у бедного человека копейку, у голодного кусок хлеба?!

Положим, что не я непосредственно все это производу, а так называемые полицейские чиновники, эти известные повсевместно, упитанные убойной, красные, жирные и отравленные вином нахалы, эти крокодилы в человеческом образе, которых я уже давно искренно не уважаю и боюсь их; но ведь я в своей полезной службе не могу обойтись без них и питаюсь от этого

самого источника; а даже в пословице говорится: „не тот вор, который ворует, а тот, который принимает".

И я все исследовал, над каждым случаем задумывался. Возьму-ли дешевую книжку в руки; она продается за полторы копейки; как хорошо написана, какая хорошая печать, какая хорошая бумага! Не может быть, чтобы она стоила полторы копейки; она непременно стоит дороже, но, если все-таки продается за полторы копейки, то этот недочет очевидно погашен чем нибудь раньше до продажи. И я думал, что непременно была прижимка наборщику, переплетчику, рабочему на бумажной фабрике, которых, может быть, всех с другой стороны жмет начальство недоимками—я думал, что этот недочет погашен раззорением человеческого благополучия, уничтожением человеческой жизни. Пойду-ли на городской базар покупать картошки, огурцов: большой базар, дешевизна, десять копеек мера, пятнадцать копеек две меры, говорят, благодать. А я думаю: мне жалованье идет девять раз по пятнадцати копеек всякий день, и я сегодня вот весь день хлопочу по своему хозяйству, думаю да хожу по базару, а вчера весь день прошел в гостях, и это не исключительные дни. Не может быть, чтобы на самом деле все это было так дешево и легко. И мне представлялось, что тут опять разница погашена ценностью человеческой жизни. Вся эта дешевизна, думал я, отзывает запахом человеческого мяса и человеческой крови. И на такие деньги я покупаю такие книжки, такие огурцы!

И эти коварные, сатанински-коварно устроенные, так называемые, косвенные налоги, акцизы, бандероли, купеческие, торговые и промысловые патенты и свидетельства! Купить-ли хлеба, чаю, спичек, керосину—чего бы ни купил, непременно платить известную долю в пользу казны, государства, в пользу суда, полиции, тюрьмы, солдатчины и всех хитрых и страшных выду-

мок для человекоубийства, в пользу всех самых злейших зол, какие только известны человеку. Во всякой вещи, которую я покупаю по необходимости питания и существования, лежит известная доля собственной отравы, собственного порабощения и самоубийства*).

И при всем этом проповедь о непротивлении злому. Господи! уж правда-ли, не насмешка-ли?

Приезжал в наш город погостить к своей родне один такой солидный барин, почтенного вида человек, украшенный массивными золотыми вещами и неподдельными бриллиантами, про которого говорили, что он богат тем, что держит в Москве два дома терпимости. Городское общество на него сначала косилось, но потом любезно принимали и у него угощались (а он хорошо угощал) и оправдывали это, как я слышал, между прочим тем, что ведь он такой представительный, серьезный, умный, что если он держит там что-то, то ведь сам за прилавком не стоит и держит не какие нибудь такие дома, куда можно сходить за полтинник, а такие, где все, знаете, чисто, благородно, где надо оставить двадцать пять рублей. Вот я и сравнивал себя с этим самым бандырём и нашел, что я, что моя общественная деятельность хуже, ниже, безнравственнее его общественной деятельности, потому что к нему люди идут и несут свои деньги все-таки ведь добровольно, а я жил только через насильничество.

---

*) Одной только неполноценностью денежных знаков государство берет у рабочего человека из каждого рубля 33 копейки, потому что если за 100 копеек (золотой или серебряный рубль) мне дают вещь стоящую на самом деле 67 коп, то как-же мне думать иначе, как только, что на 33 к. меня обокрали? Неговоря о жертвах неоцененных, если сосчитать одни только заработки, сосчитать все, что отнимается у рабочего человека в пользу правительства, то едва ли и третья доля всего его труда останется ему на себя и на семью, а все остальное идет в жалованье и на потехи современных тиранов, рабовладельцев и тунеядцев.

Рядом с этим все мои старые религиозные убеждения и догматы веры подвергались совершенному разрушению. Я был либералом и считал себя свободным от них, но, когда дело дошло до них всерьез, я вдруг увидал, что далеко не свободен, что они приросли ко мне, и надо было их вырвать с мясом: все эти молитвы, вся эта церковная служба, все великолепие, все умиление и восторг богослужения, куда вложено людьми столько таланта и поэзии, вдруг оказались такими родными, милыми и дорогими, что жаль, невыразимо жаль было все это бросить, а бросить неизбежно нужно было.

И бывали минуты, когда я молился Богу молитвою царя Соломона, чтобы Он дал мне не богатство, не славу, а только духовного света, как можно больше света. Или из глубины души моей поднимались алчность, зависть, злоба, ехидство и обнаруживались такие чувства, о которых я не подозревал в себе. Видишь, например, как идет себе важно выступая какая нибудь разряженная, напыщенная глупостью и гордостью военная кукла, и как бедный, подневольный и забитый человек издали останавливается в стороне, вытягивается перед нею в струнку и делает заученное, но бессмысленное движение рукою—видишь это, припоминаешь свою давнишнюю военную службу, и в груди поднимается такая злоба, что немеют руки и ноги, как будто кто обдирает голову за волоса и темнеет в глазах. Или, видишь, идет какая нибудь откачнувшаяся назад толстопузая рожа, а на встречу ему костлявый, согнувшийся, седой стариченко снимает шапку, почтительно кланяется и заискивающе улыбается, а тот, как будто, и не видит. Или слышишь, как один человек срамит другого человека тем, что этот другой, может быть, сегодня не ел и насмешливо советует ему лучше молчать; и мне хотелось закричать во все горло и рвать

одежду на груди, но я боялся, что это будет безумием. Или видишь у богатого барина и дом такой, что в одну комнату влезет та избушка, о которой я с малолетства мечтал и мечтаю для себя, и сверх всякой роскоши у него и токарный станок и верстак и целая куча прекрасного инструмента, на любую штучку заглядишься. Мне бы хоть десятую долю того теперь до зареза нужно, да нет,—а он побаловался и забросил и все гниет, ржавет и обесценивается зря. И я припоминал действительных работников-ремесленников, работающих для пропитания, где они живут, чем они работают, и думал: и эти господа разговаривают о нравственности, что русский народ,—отсталый народ, народ —пьяница лентяй, народ развращен. И мне было больно, телесно больно было от смешанного чувства жалости к себе, озлобления и я выдерживал в душе борьбу с сильным побуждением что нибудь навредить, что нибудь стащить.

Или, когда я торговал книжками на городском базаре уже не по увлечению, а по нужде, то приходилось рассчитываться с редким покупателем полукопейкой, которой ни у меня, ни у него не оказывалось, и надо было либо уступить полкопейки, либо взять лишних; и вот тут одолевала такая жадность, такое стяжание, что чуть не до слез жалко было отдавать полкопейки своих. Или раз подошел к моим книжкам протоиерей нашего собора, порыл, пошвырял, произвел безпорядок, побрызгал слюною, прорычал: „Христос... в гостях... у мужика“, и разогнувшись, едва владея собою, начал говорить при всей покупающей публике: „это разврат, это отступничество, это богохульство, как ты смеешь такими книжками торговать, как тебе не стыдно, ты сам из духовного звания“ и т. п.

Я говорю, что „ваше дело в церкви, а не на базаре, не мешайте торговать“. Это подействовало, но чего мне стоило сказать это слово спокойно! Сколько раз меня

требовали, и я ходил к полицейскому надзирателю для допроса, на котором спрашивгли имя, фамилию, чем я занимаюсь, и отпускали. У меня на квартире был полицейский надзиратель с городовым, рылся в моих книжках, таскали к исправнику, заставили выправить торговое свидетельство, которое, когда я заплатил уже за него свои пять рублей, по закону оказалось совершенно ненужным, и по закону же мои деньги пропали.

Или, было раз подошел ко мне на базаре помощник исправника: „есть, говорит, у тебя книжка „Христос в гостях у мужика?“. Я говорю: есть. „Забирай, говорит, всю свою торговлю и неси сейчас же за мною в полицейское управление“. Смотрю, сзади в почтительном отдалении тихо приближаются городовые. И я в страхе, несознавая, что я делаю, забрал все и понес, и там в полицейском управлени сидел, дрожал и униженно просился, чтобы, пока что, отпустили меня самого домой, поесть. Дело, само собой, кончилось ничем, но чего это мне стоило!

Но возвратимся к порядку рассказа. В последние месяцы службы я испытывал на яву такое ощущение: как будто ушла почва из под моих ног; будто меня, как малого ребенка, кто-то схватил и держит в воздухе, и я в нетерпении и отчаянии болтаю ногами. Или, идучи по улице на встречу ветру, который приятно обдувал мою разгоряченную голову, я думал: вот ветер, что такое ветер, это—движение воздуха, это жизнь. И солнце, и облака в небесной синеве, и земля со всем, что на ней, и мысль человеческая, бесконечная мысль—это—все жизнь, все есть бесконечная жизнь; и жизнь веет в мое лицо мне на встречу.

И вдруг тут эта моя служба, что-то такое бесконечно мизерное, ничтожнее самого праха. Но служба кормит меня; и опять поднималась та ужасная мысленная толкотня, в которой брало верх то убеждение, что служить грех,

то, что и без службы нельзя. Из этого отчаянного положения был мне только один узкий, колеблющийся, туманный, не всегда сознаваемый, мысленный просвет: я надеялся, что то разумение, которое так разрушает теперь все мое спокойствие и благополучие и, кажется, вот-вот раздавит, растерзает, уничтожит меня, и которое окружающие меня люди—я ведь не молчал—называли безумием, что это разумение рано или поздно выведет меня на истинный путь, где можно будет найти снова свое спокойствие и благополучие, несравненно более драгоценное, потому что оно пройдет и очистится через великое горнило испытания и сомнения.

Но надо было жить, надо было служить. Чтобы оправдать как нибудь свой хлеб перед судом совести, я стал служить сообразно новому открывающемуся мне мировоззрению, особенно старался, заботился об этом, и это очень скоро привело к тому, что начальство мое позвало меня к себе и поставило коренной вопрос моей службы: донесу-ли я начальству, когда узнаю о больной сапом лошади, хозяин которой не желает воспользоваться услугами „обязательных постановлений о мерах против сапа“ и вообще не желает, чтобы о его лошади что нибудь было известно начальству? Я уже давно заранее предполагал, что рано или поздно меня об этом спросят, и давно решил это для себя. Положим, думал я, хозяин больной лошади обратится ко мне, как к доброму человеку, который может быть ему поможет излечить его лошадь, а я вместо этого донесу начальству, т. е. сделаю то, чего он очень не желает; что же он обо мне подумает: я обманул его доверие и предательски, даже издевательски поступил с ним. Разве это между людьми не дурное дело, разве это не грех? Потом придет начальство, хочет он не хочет, а лошадь у него отнимут, как написано: „отчуждается для убивания“—и на его глазах, на глазах

многих соседей, женщин и детей торжественно убьют, т. е. совершится другое дурное дело, другой грех: насильство над взрослым, трезвым разумным человеком и как ни как, но торжество убийства, хотя бы и скотины. Заразила ли бы эта, именно, эта, о которой стало известно, лошадь кого нибудь своею болезнию или нет, это еще во всяком случае вопрос, а два дурных дела сделаются через меня—это уже очевидность. Все мы живем среди подобных бесчисленных возможностей заболевания, и если об одной из них кое что известно давно, то нет еще никаких поводов для насилия теперь; этих возможностей мы наверное не знаем всех, но если бы и узнали, и если будем так поступать относительно всех, то вместо доститигаемого прибытка не получилось бы большого убытка по примеру уже существующего попечительства—раззорительства, охранительства—расхитительства. И вот когда меня спросили об этом, я сказал, что употреблю силу своего убеждения на то, чтобы раскрыть перед хозяином больной лошади полезность (для него самого и для общества) уничтожения больной его лошади, но если он, несмотря на все мои доводы, не согласится, не пойдет сам заявить начальству, то я не считаю хорошим доносить и не обещаюсь доносить. Мне дали два месяца на размышление, по истечении которых была прекращена выдача мне жалованья.

И я очутился в очень скверном положении. С одной стороны при обычае большинства получающих жалованье жить от двадцатого до двадцатого—обычае, которого я усердно придерживался и почти не выходил из долгов,—когда ударил час прекращения жалованья и мы с женой проверили свое состояние, то оказалось, что приход с расходом верен, долгов нет, но и запасов нет. Решили взять другую квартиру, которая подешевле, а лишние вещи продать. И помню, первою продали

картину, олеографию в раме, которую я в свое время, с любовию украшая свое жилище, с увлечением делал своими руками, на которую мы вместе с женой столько любовались и радовались, выслушивая похвалы гостей; она пошла за полтинник. Мне вдруг стало так обидно, так больно, что кажется было бы легче плакать, но мне нельзя было плакать, плакала моя жена. Она не понимала меня; если бы, говорила она, тебя прогнали со службы за пьянство, за леность, за подлость, это было бы совсем не беда, можно было бы другое место найти, но ты с ума сошел, этого ничем нельзя поправить—и плакала, плакала. Это с одной стороны. С другой —все окружающие знакомые люди говорили мне и между собою, что я сделал глупость. Одни говорили, что я начитался толстовщины и сошел с ума; это которые называются необразованными, и образованные говорили в сущности тоже самое, только в другой форме, говорили, что я не так понял и в добавление особенно обидно для меня улыбались.

Но среди этого общего и согласного хора осуждений я ловил один голос, который, мне казалось, имел за собою тень справедливости. Говорили, что как бы там ни было, а раньше ты служил ветеринарным фельдшером и приносил пользу, и старались выставить мои заслуги в прошлом на службе, а теперь ты ничто, дармоед. Это льстило моему самолюбию в прошлом, а обижало в настоящем, но главное совпадало с моею назойливою и неотвязною мыслию о том, что скотская чума, сап, сибирская язва в общем числе бед человеческих не ахти какие беды, но все-таки беды, и я про эти беды ведал и по своему старому мировоззрению с ними боролся и побеждал, но теперь при новом моем воззрении на жизнь эти беды остаются такими же бедами, и как же с ними быть? И я сначала робко предполагал, а потом чем больше думал об этом, тем

больше удостоверялся, что из этого положения есть выход, прекрасный, совершенно безобидный, безусловно верный и действительный—выход этот есть общий выход из всех бед человеческих—это распространение света знания и разумения. Я думал, пусть население само узнает в чем дело, как бороться со скотскими падежами, со скотскими болезнями, и эти мужики, не враги же они сами себе и не совсем же дураки—я знаю из опыта по службе, что они далеко не дураки—чтобы при знании не справиться с такими в сущности пустяками, как скотский падеж*).

2.

Я начинал понимать, что *прежде всего, прежде всяких других дел нужно признать и пощадить достоинство разумного существа в бедном человеке.* Когда на увещание ветеринара, (на которого мужик не может иначе смотреть, как на чиновника, как на начальство, потому что так оно и есть) увещание о прямой очевидной выгоде исполнять обязательные постановления о мерах против заразы, мужик говорит: „**все под Богом ходим**", то он говорит это самое, именно, что нужно пощадить человека; этими словами он говорит в сущности тоже, что Христос в пустыне сказал искусителю: „и хлеб нужен, и плоть нужна, и вся земля со всеми сокровищами нужна человеку, но человек не за тем человек, чтобы рабствовать нуждам и сокровищам

---

*) К тому времени относится составление мною „Сельского Скотолечебника", в котором я особенно старался изложить сущность разумных оснований противозаразных мер, который был издан фирмою „Посредник" и который, что всего удивительнее, запрещен потом цензурою для повторных изданий, и запрещен не за то, чтобы в нем было что нибудь противозаконное, а запрещен именно за отсутствие в нем изложения законов о насильственных мерах против скотских падежей.

внешнего мира; человек есть участник высшей жизни, жизни разумения, жизни Бога, и потому Господу Богу твоему покланяйся и Ему одному служи“. Не то важно, чтобы человек был сыт и здоров и богат, а важно быть ему прежде всего человеком *).

Я начинал понимать, что обязательные, насильственные мероприятия если и приносят некоторый видимый, внешний прибыток в области нисшей, материальной, зато насилие, при помощи которого они проводятся в жизнь, производит ничем непоправимый, превышающий всякую оценку, из‘ян в области высшей, духовной, самой важной для человека. Дорога не грубая материальная польза, а дорога жизнь образа и подобия Божия в человеке, насилием же она-то именно и убивается.

Я начинал понимать, что насильственное воздействие извне и собственное внутреннее разумение, что эти две силы в жизни человека не только не совместимы, но враждебны одна другой, уничтожают, поедают одна другую, что если насилие убивает разумение, то в свою очередь разумение вытесняет насилие, что это с одной стороны ужасно, а с другой радостно. Это ободряло меня, я думал, что надо пользоваться этим обстоятельством в полной мере, и смело стряхнувши с себя плесень рабства, страха и суеверий, воспрянуть духом: ничего не бояться, ни перед чем не останавливаться, ничего, решительно ничего не принимать на веру, а самому все расследовать своим разумением, развивать,

*) Другие может быть видят в этих словах народа иной, менее возвышенный смысл. Но если мы на деле жизни не всегда умеем находить в словах человека смысл наилучший, наиразумный, то должны делать это в своих рукописаниях, когда нас никто не торопит мыслями; тем более когда дело касается не слов одного человека, а голоса народа.

усиливать его в себе, всю жизнь свою отдать ему, твердо веруя, что в нем, именно в нем сила, высшая, божественная, освобождающая сила, которая без борьбы, по праву, по непреложному порядку творения вытеснит и заместит ту другую враждебную ей силу порабощающую и создаст ничем ненарушимое внутреннее и внешнее счастье и благо.

Что насилие поедает разумение, уродует его развитие, это не надо доказывать, стоит только внимательно посмотреть вокруг себя, перебрать в памяти и сравнить между собою своих знакомых: одних выросших и живущих в тихой разумной среде и других под гнетом грубого родительского или хозяйского произвола. Но пуще всего это будет видно, ежели посмотреть со стороны на самого себя: этот страх вместо радости перед открывающейся истиной и даже желание лучше совсем не знать ее; эти простые и в сущности невинные разговоры с робкой оглядкой; эта крайняя духовная немощь на живое дело жизни; это жалкое состояние, когда человек уверен в истине, готов свидетельствовать ее перед царями земли, идти за нее на смерть, а сердце падает перед будочником на пороге, все то, где главную роль играет простой животный страх и ужас перед подобными себе не свидетельствует ли очевиднее всего, до какого уродства, до какого глубокого из'яна разумное и богоподобное существо доведено насилием.

Что насилие вытесняется разумением по непреложному порядку творения—это тоже самое, что когда я был мал, меня носили на руках, и перестали носить, коль скоро научился ходить сам; и когда был глуп, через день пороли и переставали пороть по мере умственного развития. Когда ребенок начинает отбиваться от рук и сам поднимается на ножки, то это явное указание на то, что пора радостно и любовно помочь

научиться ходить. И когда человек возмущается руководящим насилием, то это явное указание на то, что пора, давно пора, радостно и любовно помочь ему научиться жить своим умом. Если скажут, что глупый и дикий человек издревле возмущается руководящим насилием, то можно ответить, что как в воспитании дитяти нет необходимости ни пестовать его на руках, ни пороть его, если же мы это делаем, то делаем по собственной глупости и во вред ему, только сами себя тешим, так и в жизни людей вообще нет необходимости насильственного руководительства и смело можно и. непременно должно не противиться, не употреблять насилия, чтобы тем не туманить атмосферы сознательной человеческой жизни для свободного проявления и роста разумения.

В то время, когда меня выгоняли со службы, я уже прекрасно понимал то, что обязательные постановления о мерах против скотских падежей вконец убивают и то скудное, какое есть, деревенское разумение об этом предмете и все дело сводят на то, чтобы донести начальству. А как опасна эта скудость деревенского разумения я едва не испытал на собственной шкуре в деревне Хотеичи Богородского уезда Московской губернии в мае 1884 года во время скотской чумы на скотском могильнике, когда в присутствии огромной толпы народа были убиты три коровы. Боец был артист своего дела, и не успела толпа ахнуть, как коровы были убиты (точнее-смертельно ранены), и боец исчез с могильника на подводу и вместе с ветеринарным врачом поспешили от'ехать подальше от толпы, все внимание и негодование которой обратилось на меня, хотя и не главного виновника, но из них, и который остался тут. Перед моими глазами замелькали искаженные злобой человеческие лица одно другого страшнее и какие-то нечеловеческие взгляды. По мнению свидете-

лей этого происшествия я уцелел чудом. Но чудо состояло в том, что, хотя, помню, я страшно испугался, говорят, побледнел, как полотно, но не потерялся и начал говорить внушенные мне заранее и заученные речи, что все это совершается по закону, что закон этот имеет целью прекратить скотский падеж так же, как прекращают пожар, когда ломают горящее и соседнее здание, чтобы не дать пищи огню и проч. Стоял невообразимый гул толпы, трудно было говорить, невозможно было слушать; я видел, как слушатели напрягали внимание, выставляли и поворачивали ко мне свои уши, одни вытягивались и приближали свое ухо почти к моим устам; другие приседали внизу, но были тотчас же оттесняемы следующими, делающими то же; это была какая-то невообразимая толкотня человеческих лиц. Но меня не трогали и я, разговаривая, понемногу начал удаляться от могильника; меня не задерживали, и только, когда я совсем вышел из толпы, через меня перелетело несколько каменьев и в сторону брошена была суковатая палка. Чудо состояло в том, что в самую критическую минуту я обратился к разумению, и оно меня спасло.

Спустя три года после того мне случайно, в присутствии нескольких студентов, приглашенных тогда временно для борьбы с чумой в другой около лежащей деревне, в трактире, куда мы зашли напиться чаю, пришлось выслушать похвалу себе от одного крестьянина деревни Хотеичи, который тут же пил чай за другим столом, похвалу за то, что во время чумы в его деревне я был мягким и доступным человеком. Я улыбнулся на его слова, как бы говоря, что все мы одинаковы и я не лучше других. Но он сделал особенно серьезное лицо и повторил свои слова, и, движением головы и взглядом приглашая слушать соседних по столу мужиков, сказал: „у нас душа дрожала, когда

выходили по дворам, и ты один не ленился разговаривать с нами почесь в каждом дворе; хоть мы и плохо понимали по вашему градуснику, а все было легче". Слова его на всех произвели впечатление и мы сидели молча несколько минут. Припоминая этот незначительный случай и случай на могильнике, я вижу, что не только слово познания и разумения, но одно искреннее желание поделиться ими, каким благотворным, целебным и умиротворяющим бальзамом ложится на иссохшую в бедности и дрожащую от страха мужицкую душу.

„*Все под Богом ходим*!"

Все эти чумные, холерные, картофельные, военно-поселенческие бунты *), все противодействия не всегда благим, но всегда насильственным мероприятием,—противодействия, которые оказывает мужик, говорят об одном, что человек обижен в самом главном, в достоинстве разумного существа.

---

*) Чумные и холерные бунты современны нам.

Картофельные бунты были, кажется, в Симбирской губернии при Екатерине II и состояли в том, что начальство, убедившись в пользе картофеля, который тогда был еще новинкой, пожелало ввести его в народный обиход, и раздавало его крестьянам и принуждало его разводить, а кто не хотел или не радел, того наказывали. В народе распространилось суеверие, что будто это чертовы яйца, которыми антихрист хочет отравлять и забирать под свою власть людей божиих. Люди отказывались брать в руки картофель, произошло сопротивление властям, так называемый бунт, со всеми его кровавыми и каторжными последствиями.

О военнопоселенческом бунте моя жена, урожденка Новгорода, рассказывает так: император Александр I очень любил графа Аракчеева за его ум и бескорыстие, и он действительно был таковым, но кроме того был раб и зверь. Однажды император, проезжая по Новгородской губернии вместе с графом и, видя по сторонам дороги убожество крестьянского хозяйства, сказал: вот это Аракчеев возьми себе, и это, и это и устрой по своему. И Аракчеев взялся за дело: в короткое время бедное и, говорят, ленивое население он прибрал к рукам и осуществил свою государственно-общинную мечту: были введены усо-

3.

Так мыслил я, и мало по малу передо мною открывался во всей своей погибельной тьме великий обман мира сего.

Люди кормятся от природы, от плодов земли трудами рук своих и не едят друг друга потому, что чувствуют в себе Бога, как высшую власть, которая запрещает делать это. Всегда, когда один человек посмотрит на другого человека, как на пищу или как на средство удовлетворения своих желаний—всегда у всех человеков земли в этом случае на дороге стоит Бог, который мешает это сделать, и надо бывает либо подчиниться Ему и отказаться от своих желаний, либо пренебречь Им и делать, что самому хочется. И всегда бывали люди жестокие и безумные, которым Бог очень не нравится; они всякими хитростями стараются уничижить в себе Бога и обмануть других, чтобы можно им было кормиться чужими трудами и делать подоб-

---

вершенствованные способы и орудия земледелия, огороды, сады, парки, пруды; люди вставали с постели, выходили на воинское ученье, работали. ели, спали, всю жизнь свою проводили или по звонку или по распоряжению, и никто ничего не имел своего; свободная личность человека вконец убивалась; даже в церкви на молитве Аракчеев кланялся сам не совсем до земли и наблюдал, все-ли молятся правильно, и ежели который, по его мнению, молился нехорошо, то подходил к нему и тут же бил его палкой, с которой никогда не расставался. Люди не выдержали такого давления, случилась кстати холера и вспыхнул бунт. Люди дали волю накопившейся злобе и много разного чиновенства было убито. Местные и городские войска переходили на сторону бунтующих; сам виновник Аракчеев спрятался в мужском монастыре в монашеской одежде. (Любовница же его, знаменитая Настасья Ивановна, чужая мужицкая жена, в частых отлучках самого Аракчеева управлявшая поселениями, про которую по причине жестокости ее сложилось в народе поверье будто она имела сношение с нечистою силою, у которой император, бывая в гостях у Аракчеева, по тогдашнему благородному обычаю целовал руки, была зарезана еще до бунта ее собственным поваром в отмщение за обиды народу и своей дочери бывшей у ней служанкой.

ных себе людей средством удовлетворения своих желаний. Самый старый способ уничижить Бога и обмануть людей состоит в том, чтобы сделать Бога внешним, наружчым, и уверить себя и других, что в человеке есть только одни низкие телесные похоти, что Бог не в сердце у каждого человека, а вот в этой удивительной деревяшке, которой поэтому надо подчиняться, поклоняться и приносить дары. Этим богам они приписывали свои желания и таким способом морочили народ, заставляли его делать то, что им хочется и брали себе дары. Так делалось в старину. Деревяшки эти или так называемые идолы, и истуканы и до сих пор еще находятся в действии. Но так как люди со временем делаются умнее, мысленнее и в деревяшки перестают верить, то жестокость и безумие поторопились наделать идолов умных, мысленных, которые бы по старому уничижали и подменивали Бога. Они, эти жестокие и безумные люди, поторопились об'явить себя особенно мысленными, исключительно разумными, вы-

---

Аракчеев узнал об этом дорогою к дому, упал из коляски на землю, валялся и бился от огорчения и гнева и запорол на смерть всю свою дворню, около ста человек. Рассказывается еще, что дворня хотела скрыть убийство, послали сказать Аракчееву, что она умерла, и пришили голову к туловищу, но не умели чисто пришить к рукам пальцев, которые случайно были отрезаны во время борьбы убийства, когда Настасья Ивановна схватилась руками за нож). Бунт был раздавлен войсками, приведенными из С.-Петербурга по обыкновению кровавым способом, превзошедшим по жестокости всякие картины народного возмущения. До сих пор целы выстроенные в один ряд, лицом на полдень, каменные избы прочной, характерной аракчеевской архитектуры; сзади огороды, а напротив через дорогу сады. И до сих пор у потомков Господина Великого Новгорода цела и жива память об этих событиях, передающихся из уст в уста молодому поколению стариками и няньками-старухами, которым в досужее время есть о чем рассказать; так жива, у них легенда о полынье на реке Волхове около городского моста, будто это дышут ихние прадеды, потопленные тут тысячами при нашествии на свое государство царя Иоанна Грозного.

думали себе предстательство за народ перед своим внешним богом и свое насилие и своеволие—свое злодейство назвали властью, правом. Они наделали по всему миру разных церквей, разных вер—все самых православных и правоверных--и засели в них учителями и богослужителями; наделали многие государства и в них засели царями; повыдумали правительства, губернаторства, земства и в них сели министрами, губернаторами, председателями, членами и разными чиновниками, имя же им, как гадаринским бесам, легион. Чтобы подменить теперешним людям Бога наделано столько предметов повиновения, поклонения и жертвоприношения, что нельзя шагу ступить, чтобы не натолкнуться на какого нибудь истукана. Переменились названия, переменились личины: но это есть тоже самое многобожие, пришедшее к нам из той глубокой старины, в которой родился ветхозаветный народ божий поклонением Богу Истинному. Как тогда человек был угнетен многими богами, отовсюду готовыми наказать его, уязвить и пожрать, так и теперь он не имеет покоя и возможности прийти в себя от множества выдумок, возвеличенных на место Божества, унижающих, уязвляющих, уничтожающих.

Из Ветхого Завета мы знаем, что евреи, среди которых явился Христос, верою которого мы хвалимся, что будто бы исповедуем—евреи отличались от всех других народов тем, что поклонялись Богу Истинному, что поклонение Богу истинному выражалось не в каких нибудь унизительных и разорительных действиях, в роде поклонения головы до земли, отречение от своей воли, совести, человеческого достоинства, от всей своей собственной жизни до последней капли крови, как это мы делаем теперь перед своими идолами, а что поклонение Богу Истинному состояло в исполнении людьми законов жизни, выраженных для еврея в

десяти заповедях, из которых первая говорит о том, чтобы люди ведали Бога Истинного и не делали себе никаких других богов; в этом состояло первое, отличительное свойство народа божия.

Но евреи, как народ своего времени, не могли постоянно держаться на соответствующей этим заповедям высоте жизни; мало по малу они соблазнялись, падали, поклонялись богам чужим и через это жизнь их расстраивалась, делалась невыносимо бедственной; и они каялись, возвращались к Богу Истинному; и каждый раз Господь указывал им среди них сильного и мудрого человека, за которым они выходили на потеренную и желанную свободу. Но погубили они свое еврейское благо совсем без возврата тем, что сделали сами себе идола—выдумку.

Глава восьмая первой книги Царств повествует о том, как собрались старейшины еврейские к пророку Самуилу и потребовали, чтобы он дал им царя. Писание повествует, что эти слова народа не понравились пророку, и он вопросил Господа, и Господь ответил ему великим вечным словом; Он сказал Самуилу: „Не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними; и так что же делать, если они отвергли меня; они делают это уже не в первый раз; послушай голоса их, дай им царя; только представь и об'яви им права царя, который будет царствовать над ними“. И говорил Самуил народу: „И сыновей ваших, и дочерей ваших, и земли ваши лучшие возмет царь, и отдаст слугам своим, и сами вы будете ему рабами, и восстенаете тогда от царя вашего, и не будет Господь отвечать вам тогда. Господь Бог ваш—царь ваш!“. Но не послушался народ, и Самуил дал им царя. Так отверг и потерял Израиль данную ему Богом свободу, для которой Он вывел его из Египта, из дома рабства.

До этого в книге „Судей“ писалось: „В те дни не было царя у Израиля, каждый делал то, что ему казалось справедливым“. А при царе стало быть этот порядок прекратился: каждый перестал делать то, что находил справедливым и не доискивался, что справедливо, что несправедливо, потому что на это есть царь. Может быть и кажется, что так лучше, но как бы ни были совершенны их законы, никогда они не могут заменить живого в человеке разума; и нельзя допустить и то и другое, потому что одно вытесняет и уничтожает другое и потому что „никто не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному будет усердствовать, а о другом не радеть“. Вот за это-то народное отречение в лице царя от своего разума, которым Бог, отличил человека перед всею тварью в творении его по образу и подобию Своему, за это и мучился народ за царские дела, так что царь по внушению сатаны сделал народную перепись, а ответил за этот грех народ моровою язвою. (Вт. кн. Царств, 24 гл. и Пер. кн. Паралипоменон, 21 гл.) *)

И при третьем уже царе, известном мудреце Соломоне, народ еврейский почувствовал тягость царского дела; и по смерти Соломона собрался на возшествие

*) Вот не давно у нас царь с начальством и священством играли в коронацию, делали помазание. Сколько было блеску, торжества, величанья и всякого греха, а виноват оказался народ. Кроме денег, которые на это дело израсходованы и которые, конечно, только тогда будут деньгами, если их заработает народ, кроме денег говорят до пяти тысяч человек народу задавлено, да попадало в какие-то колодцы и ямы, откуда говорят таскали, таскали мертвые тела и стали вытаскивать наконец осклизлые руки и ноги, да так и зарыли землей, дескать все равно не сосчитаешь, а им все равно где лежать.

Какое бы правительство народ сам себе самовольно ни сделал и что бы это самовольное правительство ни натворило, отвечать придется всегда народу, поэтому Самуил и сказал народу Божию: „Господь Бог ваш—царь ваш“.

на престол молодого царя и просил его и говорил: „отец твой наложил на нас тяжкое иго, а ты его облегчи". Но молодой царь хотел быть настоящим царем и отвечал народу сурово и сказал: „я увеличу ваше иго против отцовского: отец мой бил вас палками и кнутами, а я буду бить вас скорпионами". И возопил народ и отошел от царя. И в первый раз Израиль в земле своей обетованной разделился сам в себе из за царя и стало два царства: иудейское и израильское. Вся дальнейшая еврейская история красноречиво и неотразимо свидетельствует со страниц книги Св. Писания об участии народа Божия, связавшего себя властью царя земного.

Так царем начался в Ветхом Завете мирской обман, который терзал народ еврейский тысячи лет и от которого мы теперь другие тысячи лет не можем очнуться. Исус Назареянин потому только и прославлен Христом, что он нашел средство разрушить этот обман мира сего и избавиться от него, и что он научил людей истинной вере и правильной жизни, жизни по воле Божией. Триста лет жили христиане без царя, но мало по малу за это время учители и руководители ихние зажирели, соблазнились своим внешним положением пастырей и учителей и совратились с пути; в народе пошли ереси, народ естественно начал от них отходить и они, чтобы удержать за собою внешнюю власть, продали свою веру языческому царю Константину, окрестили его и освятили христианским царем. И этот последний обман вышел хуже первого.

Идол—выдумка состоит в том, что будто бы если какие нибудь люди оденут какого нибудь человека в особенные, неудобные для ношения и бессмысленно дарогие одежды и шапку и помажут его маслом, то он сделается другим, особенным человеком, царем, как бы богом земным, так что он всеми людьми может распо-

рядиться. На самом-же деле он, конечно, такой же человек, как и все люди, все от Адама или от прародителя и никому не дается от Бога ни какой особенной отметины; даже напротив Исус Христос учил, что если кто мыслит о себе низко, тот хорошо делает, а кто величается, тот делает низость; а людям всем сказал, что не только царем, но учителем, вождем, начальником, даже отцом не называйте себе никого на земле, потому что один учитель и вождь Христос и один Отец, который на небесах; относительно же царя, князя, вельможи—прямо сказал, чтобы этого у вас не было[1]).

Царь—это главный идол—человек, стоящий во главе мирского обмана. За ним тянутся три ряда идолов людей числом побольше, ценою подешевле; военные, гражданские и духовные, а промеж них помещаются еще идолы особого рода: дворяне, богатеи, образованные и ученые; все они, будучи обыкновенными людьми, считаются особенными, необыкновенными, и по особенному наряжаются, по особенному, сословно, расговаривают.

Идолы—люди военные обрядились в свои особые выдумки: дисциплина, уставы, знамена, чины, мундиры, медали и сверх того еще удивительная выдумка: какая-то честь мундира. Нацепляют на себя большущие ножи, самострельные пистолеты, наряжаются в удивительные колпаки, в золотые позументы, в разноцветные лоскутки, и пуще всех гордятся, выступают и кричат по петушиному эти мундирные петухи. Они гордятся тем, что будто бы они защищают отечество, на самом же деле они убивают собою отечество и ремесло их—нее—убийство человека.

Идолы—люди гражданские настроили себе множе-

---

[1]) Луки XXII, 25—26; Мф. XX, 25, 26, 27; Мрк. X. 42, 43, 44.

ство выдумок-учреждений: государство, правительство, земство, суды, департаменты управления, канцелярии, отделения и управы и сверх всего особого рода идол: гражданский долг. Они говорят, что все это надо для пользы народа: и помыкают людьми, как шашками и лодыжками и раззоряют их, и бьют, и разлучают с жёнами, с родителями, с детьми, и отдают под петушиную команду, и гонят за тридевять земель в голоде, в холоде, во вшах, в болезнях, во всякой нужде и, наконец, убивают тысячами хуже скотины—и это все для ихней же пользы, для пользы народа. Идольство этого рода людей состоит в том, что они вообразили себя хозяевами, а весь народ в роде домашней скотины им на пользу.

Идолы—люди духовные выдумали себе Троицу, Богородицу, таинства и многое другое, а сверх всего какого-то особенного, только им доступного, Святого Духа, которым они будто бы напоены, так что человека им неугодного этим своим Святым Духом они могут запоганить для царства небесного, а угодных им людей и людские дела и всякие предметы делают святыми, отпущают грехи, из хлеба делают мясо, из вина кровь и всякие чудеса; отращивают себе длинные волосы, носят длиннополые халаты с широчайшими рукавами, колдуют пальцами людям в пригоршни и разговаривают по особенному, по глаголам—сущие колдуны, сибирские шаманы, фараоновы чародеи. Много они чего выдумали и много крови человеческой, крови праведной пролили за свои выдумки. Исуса они величают Богом—Сыном, а слова его ставят ни во что; учат по школам детей, что будто он родился не как все, а по особенному, непорочно, а главное творил чудеса; сам воскрес а потом всетаки улетел на небо, а их, попов, оставил на земле вместо себя; это они особенно любят и особенно напирают на чудеса, хотят

заградить уста разумению, чтобы люди бессмысленно им верили. Но все минется, а правда останется, потому что она есть настоящая святость. На самом деле Бога мы познаем ни чем другим, как разумом, духовно, и глупо приписывать Ему животные, детородные свойства. На самом деле был еврей, плотник Исус, муж разумный и праведный, который открывал людям правду, а правда-то не понравилась начальникам и священникам и они решили его убить, об'явили преступником, бунтовщиком против властей, и повесили на дереве вместе с преступниками, где он натурально, и умер—обыкновенное дело, которое делалось людьми мирской власти во все времена, делается и теперь. Священство с начальством всегда так делают со всеми истинными праведниками: либо повесят, убьют, сожгут и об'явят слугою дьявола, либо заберут к себе, начнут честить, прославлять, причислять к лику святых и сделают мощи, обернут дело так, что будто он тем и был свят, что усердно служил священству и начальству или по крайней мере в согласии с ними. Таким способом вместо руководительства и научения, которым они хвалятся, они крадут ключи к правде и затворяют царствие божие человекам. Немудрено, что люди начали терять веру в Бога.

Идольство дворян состоит в том, что они считают себя потомками важных и полезных людей, в роде тех гусей, которые Рим спасли, поэтому думают о себе, что люди обязаны им служить, что они люди особенные, благородные. Богатеи нахапали себе много денег и всякой худобы, чванятся перед бедными, водятся с благородными, думая о себе, что если они не благородные, то около того. Идольство образованных и ученых состоит в том, что они думают о себе, что они лучшая, как они говорят, интеллигентная часть, мозг народа, т. е. как бы люди, имеющие в себе что-то вро-

де Святого Духа; и они, подобно священникам, также громко честят на словах имена учителей добра, шумно и торжественно ставят им памятники, в учение же их не вникают и не применяют его к делу своей жизни. На самом деле громадное большинство из них только научились на готовых хлебах искустно вертеть мыслями и языком и одурачивают простого человека своею образованностью, т. е. внешностью, образом просвещения; а в житейских отношениях по добросовестности, честности, истинной вежливости и сердечной деликатности стоят явно ниже необразованных и неученых. Меньшинство же, лучшие из них, какие мне были доступны, хорошие и добрые люди, но на деле жизни путались в самых глупых плотских и мирских сетях, как путался я сам; я много лет тяготел к ним в чаянии правды, но правда оказалась у Бога.

И не перечтешь всех идолов-людей, т. е. людей таких, которые воображают о себе, что они кроме того, что люди—еще что-то. И у всякого идола есть жена, а не редко и не одна, и столько они наплодили этого крапивного семени, что совсем заполнили божью ниву. Большое это несчастие родиться в этой породе. Например вот я родился в этой породе и водился все больше с идолами и так расстроился, что поверите-ли, никак не натрафишь так чтобы поностоящему-то. Если сам с собой или с женой, ну еще чувствуешь себя человеком, а чуть кто придет, думаешь в себе: вот с этим я буду по настоящему; и беседуешь и водишься, думаешь, ладно, а уйдет он, проверишь себя, и непременно окажется в чем нибудь хоть немножко, а идольствовал. А посмотришь на людей: только самый серый мужик, да разве еще больной или дряхлый старик чувствуют себя в себе, а то кругом множество людей и каждый, хотя того совсем и не требуется, а идольствуют. Неговоря о прислуге, неговоря о солдатах, кото-

рых умышленно оболванивают; познокомится, например, с добрыми намерениями какой нибудь коренной прирожденный идол—человек с человеком простым, здоровым, поговорит с ним, поводится и глядишь заразил его, так что и тот начинает бородой трясти, тоже по своему идольствовать. А за мужчинами идольствуют и женщины и даже дети. Мало того в сумасшедших домах сидит множество людей, воображающих о себе не то, что они есть. И в самом деле, чем, например, отличается человек, считающий себя генералом, от человека, считающего себя начальником света или хрустальной посудиной; оба уродливо превратно о себе мыслят и оба нуждаются в особом уходе. Конечно в глазах людей тут есть разница, но в сущности, как явления в природе, эти явления одного корня; зачем же один гуляет на свободе, тешится своим сумасшедствием и мучает людей, а другой, сидит в сумасшедшем доме, оба больны, обоих надо лечить. На нашей памяти был король (Людвиг II, Баварский), который вообразил себя аистом, сделал на крыше гнездо и сидел там по времанам, воображая, что высиживает яйца;потом он воображал себя еще чем-то другим, но покасчитал себя только королем, то в глазах людей считался нетолько здоровым, но просвещенным человеком.

Ведь правильная точка зрения, с которой мы должны судить о духовном здоровьи или болезни человека—это точка зрения Евангельская, потому что Евангелие лежит в основе религии, в которой мы воспитываемся и возрастаем вот уже скоро две тысячи лет и через Евангелие мы делаемся людьми. А с этой точки зрения императоры: германский, турецкий, российский, австриский—возьми любого главу государства—чем больше мы о них знаем, тем более является сомнений относительно их умственного благополучия. Даже о республиканских призидентах говорят, что ежели какой

прослужит два или три четырехлетия, то не выдерживает, так что, несмотря на все уважение к нему, приходится его убрать и поставить свежего. Истину эту к своему удивлению я впервые вычитал в газетах, в наших русских газетах.

Один мой приятель (он был между прочим когда-то становым приставом) рассказывал мне, что мундир делает человека другим, в самом деле от него делается какая-то прибава, какое-то особенное навождение: шевелишь, говорит, плечами туда-сюда, смотришь делаешься, говорит, более развязным в обращении с людьми, смелым, нахальным, так что чего бы неговоря, что стыдно, а просто невозможно было бы сделать в обыкновенном простом виде, то в мундире делаешь шутя и совершенно удачно. Есть, говорит, в мундире какая-то особенная сила. Особенная сила эта есть сила дьявольская, обманная, сила идола, сила истукана.

И вот эти царствующие, начальствующие и священствующие, отрекшиеся от образа Божия и облекшиеся в мундиры идольствующие люди вселились на Моисеево седалище и так перепутали все в нашей жизни, нагнали такой тьмы, что безмерных трудов и отчаянных усилий стоит человеку разобраться, где добро, где зло, где жизнь, где смерть, где свет Божий, а где идольство. И люди думают, что так и надо, что иначе нельзя; у всех глаза заслонены этим очарованием истукана, этим кошмаром искусственно созданной противуестественной видимости, сквозь которые люди, как во сне, видят вещи не в настоящем их виде и смысле.

Я хорошо помню в детстве сон, который теперь оказывается вещим. Будто в нашей большой комнате в отцовском доме был подвешен по средине к потолку черный чугунный истукан величиною с человека. Комната была полна людей, были тут все мои родные. Потом будто это не комната, а огромная нависшая

темная туча и безграничное пространство, наполненное вплотную людьми и только и места было порожнего, что около истукана и я тут стоял. И вот люди подходили к истукану и стукались об него головою и от этого истукан слегка покачивался ногами. Надо было это сделать и мне. Родные и прочие люди меня к тому сильно понуждали; но мне казалось, что это будет страшно больно; я видел, что люди отходили от истукана пошатываясь, как пьяные и на головах у них зияли продавленные ямами кровавые раны; и я ни за что не хотел сделать тоже, что делали все другие; барахтался, кричал, ревел и так и проснулся.

Мир, где царствует истукан, об которого мы все стукаемся головою, есть сон, а не действительная жизнь и нам надо барахтаться, кричать, реветь, ничего не жалеть, только чтобы проснуться.

Мирской обман—это, заполнившее весь божий мир, многоголовое идолище-чудовище—живет тем, что все идолы-люди поддерживают и оправдывают друг друга, по пословице: „рука руку моет и обе белы бывают". Идолы-люди военные и гражданские хотя и не верят поповскому духу, а ходят к ним и показывают вид, что верят, а попы в своих церквах молятся о царе, о начальстве, о христолюбивом воинстве, и народу невежественному, не знающему света истины, приводят доказательства из Священного Писания о необходимости и законности царя в народе Божием. Но человек, умеющий думать и искренно ищущий истины видит, что священное писание свидетельствует как раз наоборот, положительно против царя.

Недавно у нас была коронация. Самый главный митрополит венчал и помазал на царство молодого царя и после того сейчас же распростерся перед ним такою речью: „Благочестивейший Богом венчанный и превознесенный Великий Государь Император! Все-

держитель Господь, Царь царствующих, властью и силою Которого цари царствуют, возложил на главе Своей венец от камене честна, священною славою и великолепием благоволил венчать Величество Твое на прародительском и родительском престоле“ и т. д. Митрополит, как это описано было в газетах, говорил много и очень благолепно, но он или уже запамятовал, что венчал-то и мазал он сам, что по внутреннему смыслу христианского учения и даже по точному и буквальному смыслу слов. Евангелия царская сила и власть происходит от дьявола, а не от Бога, и что Исус Христос отказался сам от царства; или, может быть, митрополит хотел нас обморочить; так это он немного запоздал, мы уже разумеем, что если царь захочет, чтобы митрополитом был не этот, а другой человек, то так и будет. Так что выходит, что они друг друга мажут и от этого делаются нетолько чистыми, но святейшими и благочестивейшими. Это как раз в роде того, что вода из поганой делается святой, если над ней пошепчет и поколдует за два пятака православный шаман. Можно верить всякому вздору, но до поры до времени.

Все до поры до времени, и вот я теперь благодаря Бога понимаю уже, что все это обман и знаю для чего он делается. Делается он на тот конец, что одним людям хочется раскошествовать на счет других, а так как просто брать мирян за горло и грабить уже ушло время и не позволяет совесть, то вот они и делают свое грабительское дело посредством разных обманов и совершают их торжественно, с блеском, с пышностью, с барабанным боем и колокольным звоном: повсеместные словесные богослужения, крестные ходы, открытие мощей, всякие торжества и праздники, восшествие на престол, коронации; алтарь отечества, в аре-то престол, а на престоле-то сидит христиан-

ский, православный, благочестивей ий человек-истукан и держит в руках две забавные игрушки, которые называются скипетром и державою.

Вся эта пышность и великолепие, все эти обманы и кощунства делаются для того, чтобы ослепить и покорить забитого рабочего человека и ездить на нем. Это можно понять всякому, кто умеет думать, но дело в том, что обман-то уж больно велик, не верится по началу, чтобы люди, которые нами управляют, были так худы и чтобы можно было делать такое возмутительное дело; и вместе с тем слишком очевидно, что все это далеко от Христа и все мы молимся Богу: „Отче наш, Иже еси на небесех"; стало быть мы все дети Божии, а если так, то кто же на земле, кроме Бога, может по справедливости нами распорядиться!— так что не верить нельзя. „Воздайте кесарево Кесарю", говорят попы. Но где же Кесарь? Того языческого царя Кесаря, о котором говорил при своей жизни Исус, уже давно нет, ему уже давно отдано все и мы уже давно все христиане, у себя дома, в своем хозяйстве, все братья во Христе.

Передо мною лежит лист бумаги, на котором напечатана форма государственной присяги. Речь изложена таким языком, который с одного чтения совершенно невозможно уразуметь, как будто умышленно так сделано, чтобы усугубить издевательство над христианином, кощунство над Евангелием, Евангелием, которое все учит тольке тому, чтобы человек имел веру и жил по своей вере, как угодно Богу, а не как прикажут люди и в котором прямо написано: „Не клянитесь вовсе, да будет слово ваше: да, да, нет, нет, а что сверх этого, то от лукавого". Но этого еще мало: самые слова: „клянусь Всемогущим Богом перед святым Его Евангелием"—напечатаны обыкновенными буквами, слова-же: „его императорское величество"—напечатаны все за-

главными буквами размером в три раза больше обыкновенных. Выходит, что будто его императорское величество по меньшей мере в три раза важнее и почтеннее Всемогущего Бога.

Такими-то вот способами священники с начальниками со времени царя Константина целых полторы тысячи лет морочили и морочат христианские народы; и за это время сколько праведных, мудрых и правдолюбивых людей загнали, замучили, сожгли и об'явили слугами дьявола. Само Священное Писание, будучи в ихних руках, исказилось так, что только человек с особенным, необыкновенным талантом во всеоружии ведения и с усилием самоотвержения мог, наконец, прочитать его, как должно.

Говорят, что раскольники, злоумышленники совращают народ, но как можно не совращать и куда еще можно совратиться. Вся жизнь наша утверждается на обмане и насильстве, а Бога, правды и невидно; ежели кто начнет их искать, тот сейчас же через это делается особенным приметным человеком и об'является либо раскольником, еретиком, либо злоумышленником и наказуется и истребляется. Вот какое дело-то!

Вот теперь и я. Ну, что я делаю, чего я хочу? Ведь я ничего не делаю и ничего не хочу, кроме добра людям; хочу, чтобы люди были как можно более разумны, как можно больше любили бы друг друга, чтобы все были сыты, согреты, одеты и славили Бога; словом желаю одного только добра всем людям без исключения, и постоянно твержу про себя: надо верить в силу добра, добра, добра, а между тем я боюсь. Я много наслушался страшных рассказов о том, какой участи подвергаются правдолюбцы. Есть, говорят, Шлиссельмбурская крепость на острове, где люди, начальству неугодные, сидят в одиночных казематах под цветными стеклами и что это, говорят особенно

угнетает душу человека, так что, например, сын известного сектанта Сютаева сидел там два года за отказ от присяги и ослабел и принял присягу и был признан после того совершенно негодным к военной службе; и таким образом искалеченный душою и телом отправлен на прокормление в родительский дом опять под надзор полиции. Знаю, что другой, подобный ему, рекрут Дрожжин был подвергнут всяческому унижению и мытарству и заключен в карцер, заведомо пропитанный насквозь чахоточной заразой людьми раньше сидевшими там до него; и в этом карцере в сырости и темноте заморен до последнего градуса чахотки, и перед смертью, чтобы только не умер в карцаре, переведен в больницу, где скоро и умер. Третий, четвертый, о которых я знаю, сосланы в отдаленную Сибирь. И теперь на Кавказе мучают так называемых духоборцев, т. е. простых мужиков христиан, мучают за то, что они знают правду, верят в нее и хотят повиноваться закону Божию предпочтительно перед законами царскими; за то, что они уничтожили свое оружие и отказались от насильнической царской службы в исполнение заповедей Божиих: „не убей“ и „непротивьтеся злому“; за это их гонят, ссылают, в конец раззоряют, морят по тюрьмам, оскорбляют, бьют, всячески насильничают и убивают до смерти.

Это все мои духовные братья, о которых я наслышан, а сколько правдолюбцев, которые мне неизвестны и сколько таких, которые еще незнали основной христианской истины о непротивлении злому и не об‘являли себя исполнителями заветов Евангелия, тем числа нет. Их называли многими именами и между прочим у нас социалистами, революционерами; они были искренние и пламенные правдолюбцы, на смерть за правду шли. Некоторые из них сделались убийцами шпионов, начальников и убили даже одного царя; они

еще не слыхали тогда о непротивлении злому и думали, что делают это в правоте и для пользы народа. Они взялись за тоже орудие всех злодеев, орудие противления и мести, которым постоянно действует все начальство. Они думали, что если убить царя или начальника или шпиона, так и не будет их, но на самом деле оказывается наоборот, будет два: один на место старого, а другой особенно с ними заниматься. Это в роде того, как описывается в старинной русской былине о том, как перевелись витязи на святой Руси, где описывается, что чем больше витязи бились с тою силою, которую они сами вызвали, тем больше вызывали на себя враждебного сопротивления, пока, наконец, утомились и оказались побежденными сами *).

Начаьники и священники внушают народу, что ихние противники не правдолюбцы, а злодеи, враги народа, богопротивники. Но не все тьма будет царствовать на земле, будем же молиться Богу, чтобы Он помог многострадальному народу видеть друзей своих. Они, эти, называемые злодеи, мои учители, они заложили в грудь

*) Описывается, что бились витязи три часа и три минуточки и изрубили силу басурманскую, которую доброму молодцу было не объехати, серому волку не обрыскати, черному ворону не облетети.

И стали витязи похвалятися:
„Не намахалися наши могутные плечи
„Не уходилися наши добрые кони
„Не притупилися мечи наши булатные!“
И говорит Алеша Попович млад:
„Подавай нам силу не здешнюю,
„Мы и с тою силою справимся!“
Как промолвил он слово не разумное
Так и явилися двое воителей
И крикнули они громким голосом:
„—А давайте с вами витязи бой держать!
„Не глядите, что нас двое, а вас семеро.—“
Не узнали витязи воителей,
Разгорелся Алеша Попович на их слова
Поднял он коня борзого

мою семена разумения и любви, которые теперь под восходящим солнцем христовой правды пробуждаются к жизни. Да, они учители мои, если они и заблуждались, то искренно заблуждались в искренном искании правды, и где тот человек, который не заблуждается. Они знали, что убить человека грех, но не видели иного пути. Помню, рассказывали мне про офицера Суханова, который помогал изготовлять взрывчатые снаряды для цареубийства I-го марта. Товарищи его не выдали и он остался цел, но он мучился душою, что помогал убить человека, и пошел и выдал сам себя; его осудили повесить, но государь император во внимание к его военному знанию всемилостивейше благоволил определить к расстрелу.

Налетел на воителей
И разрубил их пополам со всего плеча;
Стало четверо и живы все.
Налетел на них Илья Муромец
Разрубил их пополам со всего плеча:
Стало вдвое более—и живы все.
Бросились на силу все витязи
Стали они силу колоть, рубить,
А сила все растет да растет
Все на витязей с боем идет.
Бились витязи три дня,
Бился три часа и три минуточки,
Намахались их плечи могутные,
Уходилися кони их добрые,
Притупились мечи их булатные;
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.
Испугались могучие витязи
Побежали в каменные горы
В темные пещеры:
Как подбежит витязь к горе,
Так и окаменеет.
Как подбежит третий
Так и окаменеет.
С тех пор и перевелись витязи на святой Руси.

Да, вот выведут, говорят, такого человека, дрожащего, бледного, еле живого из каземата на двор, а кругом солдаты; брякнут солдаты ружьями, начальник прочитает бумагу, откуда ни возьмется поп, полопочет, потычет ему крестом в рыло; потом закутают его с головой в белый балахон и привяжут к столбу. Раз, два, три—пли! И повиснет голова и спустится все тело, а по белому балахону пойдут выступать красные пятна. А кого ежели так сразу не убьют, то у них есть очень много средств сделать так, чтобы человек скоро сам умер. Еще слыхал я о Петропавловской крепости, о какой-то Каре, где людей так мучают, что они в исступлении отрубают себе ноги и руки, но боюсь много говорить, чтобы чего не напутать, достоверно только то, что все эти крепости строго закрыты для публики, так что ничего проверить нельзя, что они там делают, может быть человеческое мясо едят.

И достоверно то, что убить одного человека или десятерых им ничего не стоит; считается, что так они в праве; они так-то беспрерывно убийствуют, а вот ежели, например, турецкое правительство начинает вырезыват своих подданных десятками тысяч, или у нас на Ходынке задавили пять тысяч, ну тогда им на некоторое время делается не то чтобы совестно, а беспокойно. Несомненно то, что они смотрят на народ не как на подобных себе людей, а как на скотину, как на баранов; а эти разные следствия, суды, допросы—это только одна проволочка для видимости, чтобы помазать по глазам—на деле всегда все оканчивается тем, что им нужно.

---

*) Да, недогадались могучие витязи, что против нездешней дьявольской силы надо поставить силу тоже нездешнюю, ангельскую, а недогадавшись испугались, да так и перевелись на святой Руси; остались теперь одни безчувственные столбы, каменные истуканы, в безчувственных горах и каменных пещерах церкви, государства, правительства, земства и всякого окаменения.

Ох-ох-о! Кабы можно было кулаком добра достичь так давнобы уже было столько добра, что хоть отбавляй.

Вот на таких-то делах держится у нас то, что называется существующим порядком. Как же тут не бояться и я страшно боюсь. Вот сейчас эти самые слова едва могу выводить пером, рука дрожит. И разве я один боюсь, все боятся. Возмем для примера земского начальника, кто его любит и уважает? Может быть какого нибудь и любят и уважают, так не за то, что он начальник, а за то, что он хороший человек. Возьмем исправника, кто его любит, также и губернатора и вплоть до царя. Кто искренно радуется тому, что вот сегодня день рождения императора или восшествия на престол, радуется из искренней любви к императору, как радуются дети и братья радости любимого человека—решительно никто, потому что это неестественно и невозможно. Нельзя любить и уважать человека, которого не видишь и не знаешь, а которого видишь и знаешь по делам, в том любишь не начальника, а любишь хорошего человека. Так что их никто не любит, а только все боятся, искренно не уважают, а только из страха проделывают знаки уважения. Удивительно и непонятно, как может быть это приятным! Напротив, я бы почел для себя глубоким несчастием, карой небесной, печатью Каина, если бы меня люди стали бояться; а они интересуются, чтобы их люди боялись, добиваются этого, как небесной благодати—непонятно и удивительно! И само-то начальство не радуется, не любит, а тоже боится, боится своего начальства. Умер царь, попы по приказу служили понихиды, полиция ходила по городу и требовала, чтобы все торговцы запирали лавки, шли бы в церковь: ото всех служащих правительству и земству была отобрана подписка, чтобы они ходили в церков на панихиды. Люди злились, сквернословили на царя и шли в церковь молиться за него Богу. Хороша, должно быть, была молитва! А разве можно не послушаться? Кто враг сво-

ему спокойствию и благополучию? И все боятся, а сам царь-то, говорят, еще пуще нас боится, боится чтоб его не убили. Удивительно и не понятно, кому и какой может быть в этом прок! Я помню, что и отец мой боялся, но люди его не боялись и мне теперь приятно это помнить. Меня, благодарю Бога, никто не боится, знаю, что есть такие, которые немножко как будто любят и уважают, а сам я боюсь, я всех боюсь. Придет ко мне кто нибудь, особенно из мундирных от нечего делать побеседовать, а я сейчас и забоюсь: не предатель-ли думаю, нука я с ним побеседую по душе, а он пойдет и донесет начальству, дескать он говорил мне против правительства и все чиноначалие и даже царя называл человеческою глупостью; и я боюсь, и отмалчиваюсь или говорю о том, о чем не нужно и не хочется говорит и выходит нескладно; и хороший человек уйдет и скажет про себя: какой-то он странный, должно быть и в самом деле психопат. Особенно, говорят, это сказывается в собраниях людей благородных, куда люди, как будто, нарочно затем и собираются чтобы как можно больше налицемерить, как можно больше налгать. И вдруг какой нибудь простоватый человек, забывшись, обмолвится правдивым словом. И как на него все воззрятся, замолчат и отвернутся, как будто невесть какую мерзость сказал.

И так окутан весь мир мрачною мглою насилия и обмана; и грозно летают во тьме, и жалят и губят двуглавые орлы и драконы; и пенится, бурлит и клокочет разливанное море вселенского лицемерия и неправды; и мечутся в стороны и давят и душат друг друга ошалелые люди, и вместо Богу поклоняются иконам звериным; и затаптывается в грязь хлеб небесный, и гибнет в позоре высшая, духовная, народная сила. Господи! когда же этому придет конец.

Вы, называемые раскольники, еретики, духоборцы,

молокане, неплательщики, штундисты и прочие и прочие, все вы, считающие существующие мирские, земные власти и права и разные предметы поклонения измышлениями антихриста, вы которых высокоумные люди мира сего называют темными, невежественными, заблудшими; вы, почитающие себя странниками на земле и страждущие и гонимые за веру—вы правы; вы истинно интеллигентные, просвещенные передовые люди в царстве Бога, дети небесного Отца, примите к себе меня, приходящего к вам меньшого брата. Вы правы—после того, как обнаружились теперь передо мною и свет Христов и дела краденой у Бога царствующей на земле власти, для меня стало ясно—какого еще ждать антихриста.

Богом определена человеку свобода, как она определена всякой твари под небесами, но человек поработил сам себя страхом смерти от руки озлобленного брата, как он поработил также и вместе с тем свою слабую мысль перед грозными и непонятными явлениями природы.

Весь этот обман, вся эта мирская неправда, все это антихриство царство держится, конечно, не Богом, не законами природы и не выгодою человеческою, а держится оно нашим суеверием, которое состоит в том, что будто бы можно злом уничтожить зло, держится оно на нашей вере во зло, вере в спасительность насилия и убийства ближнего, и нам кажется, что жить без палки, занесенной над головою брата, совершенно невозможно.

Однажды я приглашал своего приятеля делать прогулки за город на сон грядущий. Он отказался; боюсь, говорит, жуликов. Я сказал ему, что откровнно говоря и я боюсь, но не так уж чтобы не гулять; если же не гуляю, то потому, что одному скучно. А в самом деле, спросил я, что бы вот так на нас напали жулики?

— А вы? переспросил он.

Я сказал, что, конечно, должен применить к делу заповедь о непротивлении злому. Им, ведь собственно жизни моей ненужно, а хочется им выпить, поесть, можно поэтому вступить с ними в переговоры и придти к мирному соглашению с возможно меньшим уроном для себя.

Я не утверждаю, что так непременно я сделаю, но говорю, что так должен и намерен сделать. А вы как?

— Ну, а я, сказал он, буду противиться; палкой, так палкой, а то кулаком, чем попало, а в случае неустойки подниму полы да драло.

Мы посмеялись и расстались.

Таковы человеческие помыслы для опасных минут у громадного большинства людей мирской веры и вот на этой-то вере в палку, в кулак, вере во зло, и держится терзающее нас царство антихриста, царство земного, телесного правительства.

Но, говорят, пускай правительство держится на зле, пускай оно антихристово, но у него сила, у него деньги, у него войско. Но деньги у правительства не свои, а заработанные народом, народ же платит всякие налоги не потому, чтобы в его природе лежала неистребимая потребность платить налоги, а потому что он верит, что будто так должно быть. И войско у правительства не свое, а набирается из народа, люди же народа идут в солдаты не потому, что сознают в себе неистребимую потребность служить в солдатах, а потому что верят, что будто бы без войска нельзя. Если бы не было у народа этих суеверных вер, происходящих от одной коренной веры в спасительность зла, то не было бы никакой силы у правителства заставить народ платить налоги и служить в солдатах, заставить его бить и разорять самого себя.

Несомненно то, что существующий порядок держится

не на каком нибудь неподвижном, твердом, природном фундаменте, а держится он на недоразумении человеческом, на суеверной вере. Переменится у людей вера, переменится и существующий порядок, а иначе хотя бы мы сделали десять бунтов и революций и всяких реформ и наделали бы невообразимо много шума, разрушения и всякого зла, раз вера будет таже и порядок будет тот-же. И к нашему великому утешению мы видим, что нетолько колеблется в сознании людей старая вера, но уже минует ночь и разгорается заря новой веры.

Оправдывающая и делающая зло во имя добра наша старая родная религия со своими иконами, мощами, крестом, миром, елеем и святой водой, со всеми этими талисманами, церемониями и представлениями, как религия через-чур плотская, уже перестала нас удовлетворять; в ней накопилось столько очевидной глупости, обмана и кощунства, что она потеряла в наших глазах всякий авторитет; без религии же мы не можем жить. (Я когда-то говорил про себя, что я не верю в Бога, что живу без религии, но пришло время, когда потребовалось искренно и серьезно дать себе об этом отчет и я принужден был сознаться себе, что это я только говорил; в тайниках же души моей всегда жила вера в Бога, только в виду отсутствия в жизни сознаваемой в душе правды я во многом и основательно сомневался. Тоже полагаю происходит и происходило и с другими людьми; т. е. я полагаю, что то, что принято называть безверием на самом деле есть только сомнение относительно законности существующего порядка жизни, когда в человеке перед судом разума колеблются его наследованные от отцов верования и частию разрушаются и заменяются новыми). И вот религии всего мира перед нами, но выбрать себе какую нибудь без разума нельзя, а с разумом ни одна из них

нас не удовлетворяет. Каждая религия отталкивает нас в целом, но удовлетворяет некоторою частью, тою, которая согласна с разумом. Кроме того нам известно, что все религии были установлены людьми выдающегося разума и установлены на основаниях разума. Разум очевидно поставлен хозяином в таком важном и первом деле, как религия.

Луки III. 17. Лопата Его в руке Его и Он очистит гумно свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым.

После длинной борьбы со своими религиозными заблуждениями и ошибками нас удовлетворяет, наконец, то, что разум наш не может отвергнуть, не отвергая сам себя—это все хорошее, доброе, разумное, нравственное, чисто духовное, что есть во всех религиях—нас удовлетворяет, наконец, так сказть, эссенция религиозной мудрости; она главная закваска во всякой религии, но она такова, что вся говорит прежде всего о том, что над людьми должен царствовать дух, а не плоть; что во главе жизни должны стоять требования духа, а не требования плоти, силы побуждения духа, а не силы и побуждения плоти. Всякая религия возникла, жила и живет только потому и только для того, чтобы помогать людям покорять плоть духу. Все мудрецы человечества, все эти светильники разума, которые—как говорил Моисей, из жестоковыйного стада, или как говорил Иоанн Креститель, из камней—сделали нас такими, каковы мы есть теперь и мало по малу, но неукоснитеьно выводят нас из мрака животности на свет Божий;— все эти боги, сотворившие человека, учат нас ни каким нибудь мудреным наукам, искусствам, культурам, ни какому нибудь другому внешнему или внутреннему благу, а все они учат нас одному, всем нам понятному, учат подчинять побуждения плоти требова-

ниям разума, учат благу господства власти разума в жизни людей.

Истинная вера у Авраама была верою в Бога невидимого и всесильного. Одна старая еврейка рассказала мне любопытное предание о причине бегства Авраама из родительского дома. Рассказывала, что Фарра, отец Авраама был ремесленник по изготовлению истуканов и вместе с тем жрец, у него была кумирня, где богатые миряне покупали истуканов для своих домов, а кто по бедности купить не мог, тот приносил с‘естного в кумирню в жертву дорогим идолам. Молодой Авраам прислуживал в кумирне; он был умный человек и догадывался, что отец его морочит народ. Однажды он взял муки, приготовил месивку для всех богов кумирни, поставил корыто по средине и просил богов, чтобы они кушали. Но боги не двигались с места. Тогда он взял топор и изрубил всех богов в щепки, оставил только самого большого и вложил ему в руки топор. По времени пришел отец, увидал такой погром и говорит Аврааму: это ты? Авраам указал на большого истукана с топором и сказал: это он! Отец сказал: да, ведь, он не может? Авраам ответил: а коли он не может, так зачем же ты народ обманываешь? Фарра-отец разгневался на Авраама-сына и хотел его убить, но Авраам убежал, взял жену свою и ушел из родительского дома.

Истинная вера у евреев до Христа состояла в том, чтобы ведать Бога в заповедях Его, заповеди-же теперь всем нам понятны и естественны, как выводы здравого разума о жизни человека. Христос дал людям веру в Бога уже не в заповедях, а прямо в разумении человека о его жизни, которое названо по Евангелию Сыном Божиим, сыном человеческим, Христом, и которое по писанию вообще зовется Господом,—которого надо возносить, постоянно восстановлять, воскрешать и возвеличивать на место Божества; и через веру в которого

человек открывает и приобретает надежду бессмертия. Все же то, что по времени вошло в нашу христианскую веру такого, что сопряжено с корыстью для священников и для начальников, то все опять те же старые фаррины выдумки.

У всех нас простых людей со словом вера, религия связываются понятия о разных чудесах, о том, что надо крестить, венчать, отпевать покойника, говеть, поститься и молиться о том, чего никак нельзя уразуметь, а только можно верить, т. е. доверять тому, что говорят люди; и люди говорят о страшном суде, о рае, об аде, об ангелах и дьяволах, и говорят так уверенно, как будто они достоверно все это знают. Человек, который считает себя необразованным и глупым, доверяет тому, который считается между людьми образованным и умным. А этот сам тоже ничего достоверного не знает, и доверяет тому, кого считает сведущее себя и так далее до самого митрополита. Люди думают, что если они грешные ничего не понимают, то уж они-то, митрополиты-то, конечно все знают и разумеют, на то они митрополиты. Но если кто попробует добиться истины, чтобы уразуметь, то оказывается, что ничего достоверного никто не знает, а только все верят, так что сами митрополиты в этом деле еще хуже нас, потому что мы верим по неведению, а они близко стоят к делу, видят, что все это выдумки и не верят, а только притворяются будто верят. Они хорошо знают, что очистить в человеческих понятиях истину, ото лжи дело трудное и, главное, дело опасное для мирского благополучия, а они этим мирским благополучием своим дорожат больше всего. Они оправдывают себя тем, что все, весь народ верит, стало быть так нужно, пускай и я, если не могу верить так буду говорить и показывать перед людьми, что верю. Народ полагается на них, а они полагаются на народ. Только таким образом дер-

жится между людьми до сих пор то допотопное идолопоклонство, которое у нас выражается поклонением иконам, крестам, святым местам, мощам угодников, ихним рукавицам и штанам; так держится вера в разные чудеса и небылицы, которые описаны в Свящ. Писаниях и в житиях святых, в роде, например, того, что младенец родился от девы и роженица осталась девою или, что младенец Николай Чудотворец три часа в купели стоял.

Все Священные Писания, конечно, не с неба свалились, а написаны людьми же, а так как людей не бывает совсем безошибочных, безгрешных, то Священное Писание переполнено небылицами. Вот и я теперь стараюсь от всего сердца, по крайнему разумению, думаю, что правильно, но приглашаю и прошу всякого читающего и слушающего глядеть самому перед собой в оба глаза. Чтобы не сбиться с толку, нам следует руководствоваться не слепым доверием в святость писания, а следует руководствоваться своим разумом, отыскивая во всяком писании учительный смысл, потому что писания все написаны для того, чтобы научить людей, а научаться можно только через разум. Если же при всем старании какое нибудь писание учительного смысла не оказывает, то это может быть только по двум причинам: или я сам не разумею или в писании что-нибудь напутано. Если же я сам не разумею, то кто нибудь другой разумеет и можно добиться; если же никто не разумеет, то верить надо погодить, потому что предмет веры может оказаться ложью и я попаду в болото. Пусть стоит себе не понятное писание и ждет человека, который когда нибудь может быть его поймет и об'яснит, но я не хожу, завязавши глаза и не могу верить тому, чего не понимаю.

На самое Евангелие следует смотреть как на учеине. Евангелие с внешней даже стороны более похоже на

разумное литературное произведение, чем на историческое бытописание, так что неизвестно был-ли на самом деле точно такой человек Исус, он мог на самом деле и не быть, но несомненно, что в лице Исуса автор Евангелия дает нам образец жизни разумения во плоти для научения и подражания*).

Евангелисты приводят родословную Исуса, чтобы показать, что он был сын Давида. Для евреев это имело тогда вес, они высоко ценили плотское происхождение

---

*) Во всяком случае человеку, для того чтобы сознательно относиться к религии, необходимо освободиться и от обаяния личности Исуса и от обаяния авторитета вообще, освободиться не через отрицание авторитетов, а через уразумение истины.

Кстати сказать: полезно заглянуть в греческий словарь и пересмотреть всю страничку около слова „Χρηστὸς“ которое, как имя прилагательное, переводится по русски следующими словами: хороший, удобный, как раз самый подходящий, наиболее соответствующий своему назначению; отсюда Христоматия—собрание лучших литературных произведений;—христография изящная живопись и т. п. Обнаруживается ясно, что слова Исус Христос говорят следующие: много было и есть людей, но Исус был „Χρηστὸς“ т. е. человек наиболее соответствующий своему назначению человека на земле; и Евангелие таким образом, есть словесное изображение, Христа, т. е. изображение человека наиболее соответствующего своему назначению на земле. И глядя в словарь немного надо догадки, чтобы убедиться, что божественное и царственное значение этого слова есть именно только церковно-христианское, догматическое, богословское изобретение, что тут случилось тоже, что со словом „Исус“. Богословы, забывая, что этс слово коренное еврейское, произносят его по своему, погречески, и вместо „Исус“, как правильно следует писать, пишут „Иисус“ просто из желания видеть в чужом слове смысл своих понятий; в роде того, как наше недальномыслие и усиленная простота имя Густава Листа—переделывает в „Густолиста“. Спросите у евреев, как произносится у них это имя; они произносят „Ишуа“, без малейшего намека на двойное „И“. Слово Исус по гречески незначит ничего, кроме чужестранного имени, в написании же „Иисус“ это слово уже приобретает смысл греческой речи: „Иисус“ значит „ходящий, живущий, существующий, сущий, отсюда рукой подать до Иностаси. Таким образом слово „Исус“ есть простое имя, „естественное произведение народной речи, слово же „Иисус“ есть искусственное произведение ученого, господского, языческого мира. Поэтому наши старообрядцы небезосновательно говорят, что если написать „Исус“, то это будет имя Христа; а если написать „Иисус“, то это будет имя Антихриста.

и вели родословные книги. Но в нашихъ глазах непонятно зачем это нужно, мало-ли у Давида было всяких сыновей и потомков. Исуса можно считать сыном Давида, но не по плоти, а по духу в том смысле, в котором говорится пословица: „помни царя Давида и всю кротость его“. Так что родословная Исуса имела временный и местный смысл, но вечного учительного смысла не имеет. Зачатие Исуса без мужа если может нас чему нибудь учить, так только тому; чтобы мы между собою не делали разницы между так называемыми законорожденными и незаконнорожденными, что все равно человек, что сам Исус был незаконнорожденный. Если написано, что Иосиф же, муж ее, будучи праведен, не хотел огласить ее, но хотел тайно пустить, но ангел небесный, т. е. сила высших свойств его души, совесть его, показала ему, что этого не надо делать, а надо быть довольным тем, что дает Бог, что жена такой же человек, что дурно менять и рыться в женах, как меняет и роется барышник в лошадях. Если это написано в Евангелии, то написано для того, чтобы показать, что поведение Иосифа достойно подражания, а все те дурацкие и мерзкие дела, которые делают люди по случаю бракосочетания и над молодыми новобрачными суть гнусные изуверства, от которых надо отставать и которые надо забывать. Вот какой учительный смысл имеет все Евангелие. Относительно же непорочного зачатия и рождения я знаю, что порочного рождения младенца не бывает; порочен блуд, т. е. такое детородное дело, которое не преследует целей деторождения; зачатие же и рождение всякого человека в мир всегда не только непорочно, но всегда божественно, всегда от духа святого. Если же тут говорится о чем нибудь сверх'естественном, то зачем оно нужно? Если нужно нас удивить и чтобы мы бессмысленно верили, то этак можно дойти до того, что поставят перед нами чурбан и скажут, что это Бог, чему в истории было

много примеров, от чего гибло во тьме множество народов и от чего освобождается человечество непомерными трудами и жертвами. Все религии имеют первоначальный смысл научить людей правильной жизни на земле, но потом со временем, с поколениями запутаются люди, одни по глупости, другие по подлости и мало по малу начнут верить во всякие небылицы и не весть для чего.

Лет восемь тому назад в нашем уезде верстах в 15 от города около деревни Клишевы Раменской волости явился святой колодезь. Народу начало собираться тысячами. Вода из колодца делала исцеление недугов. Рассказывали о каких-то легушках, будто бы вышедших из недужных людей. Исправник с урядниками хотел было все это прикрыть и колодезь закопать, но в толпе народа их чуть не прибыли. Был там и я. На болотистой, неудобной для пашни, но удобной для легушек низине вырыта яма, на дне коророй стоит грязная вода; в яме копает лопатой и черпает воду известный в околодке маленький, божий человек-недоумок; около ямы старый покачнувшийся и погнивший высокий бревенчатый крест, а вокруг много любопытного и праздного народа. Говорят, давно эта яма была и называлась свиным колодцем, а крест был поставлен затем, чтобы обозначить в поле колодезь. Дело в конце концов обнаружилось тем, что у трактирщика этой деревни было мало доходу, деревня-то не на тракту; и он приютил странницу, которая расблаговестила, что ей приснилось, будто этот колодесь святой и вода в нем целебная. Люди мало по малу перестали туда ходить, посмеялись и забыли. Таким образом приходят в мир всякие святые места, явленные иконы и мощи; главной побудительной причиной их всегда бывает корысть подлых людей.

Но, конечно, если кто желает верить, что пень от

разбитого громом дуба есть бог, прогоняющий демонов и достоин поклонения, то всякие разумные доводы для него бесполезны. Когда в древней Руси князь Владимир бросил киевского бога Перуна в реку и деревяшка поплыла по течению, то народ бежал следом и кричал: „выдыбай Перуне, выдыбай боже!" но деревянный бог не выдыбал. Также и теперь со всеми нашими предметами поклонония: крестами, простыми и чудотворнымм иконами, богородицами, дароносицами, просфорами, престолами, ковчегами и со всякими мощами; попробуте их бросить в реку или в огонь, бросьте хоть в помойную яму, и как не кричите, как не плачьте новые киевляне, а вещество останется веществом: гниющее сгниет, горящее сгорит.

Поклонение вещественным предметам и изображениям имеет свое происхождение в глубине времен, когда люди из страха перед грозой поклонялись богу грома и молнии Перуну, т. е. подобию человека, сделанному из дерева, камня или металла; когда люди в благодарность рогатой скотине за молоко, мясо и шкуру обоготворили быка и поклонялись болвану быка или тельца; когда дикий и глупый человек боготворил и поклонялся, чтобы умилостивить, все страшное и злое, которого ужасался, и все доброе, которого боялся лишиться. Лыди же, которые это все выдумывали, делались особенными служителями этих богов, жрецами. Самое слово „жрец", вероятно, происходит от слов „жарить" и „жрать", так как эти люди приносимые богу жертвы жарили и жрали сами и делали из этого себе хорошую доходную статью. От них имеют свое прямое духовное происхождение наши священники, как теперешние жрецы своих золотых, серебрянных и намалеванных богов; и даже по местам, например на моей родине они сохранили до сих пор приношение под „свято", т. е. в жертву богам (Илье, Покрову, Фролу-Лавре и проч.) хлеба,

меду, яиц, убоины, живых поросят и петухов. Помню во время обедни бывало дьячки запоют свою херувимскую, а петухи и поросята свою. По окончании так называемого богослужения над этими приношениями священник с причтом колдовали, т. е. пели и читали по книгам, дымили кадилом, брызгали их водой, а когда миряне разойдутся, тогда делили их между собой, уносили домой, и само собой жарили и жрали, так что бывало и я: так нажрешься этого „свята" что растроится пищеварение*).

У Евреев спокон веков существует особая вторая заповедь Божия о том, чтобы не поклоняться никаким предметам и изображениям и истинные Евреи не поклонялись и не поклоняются им до сих пор. В ихних синагогах или молитвенных домах стоит шкаф книгохранилище, в котором хранятся рукописные точно проверенные списки еврейского закона; и это у них единственная внешняя святыня, которой они не поклоняются, но около которой собираются, старики читают закон и все молятся невидимому Богу—Иегове. Так было у них всегда и при Иисусе Христе и все апостолы никаким изображениям не поклонялись. Случилось это у христиан потом, когда в христианство вошло много грубо языческого народа, который после вековечного поклонения идолам не мог сразу обойтись в религии без вещественных изображений. Это с одной стороны, а с другой—уже при апостоле Павле, как это описывается в „Деяниях" (гл. 19-я) бунтовали художники, что им в таком разе грозит безработица. Или же было так, что Христиане делали изображение Христа в виде пастуха с овечкой на плечах, как иллюстрацию евангельской притчи, и делали разные картины на евангельские сюжеты не для поклонения, а только для учитель-

*) Автор по происхождению из духовного сословия.

ного напоминания, но потом невежественные христиане среди гонений в душевном расстройстве начали покло-няться этим изображениям. Таковы были понятные те-перь нам побудительные причины, но кроме того было конечно и много других всевозможных причин, осо-бенно если принять во внимение, что все это совер-шалось мало по малу, постепенно у многих народов, с разными своими укладами жизни и на пространстве тысячи лет, при чем конечно тайное лыбостяжание не мало играло сердцами богомазов, церковнослужителей и трактирщиков. Так мало по малу завелось в христи-анстве идолопоклонство—утонченное и возвышенное среди людей просвещенных и грубое и дикое в про-стом народе, как это обыкновенно в языческой вере—идолопоклонство такое, какого никогда не было в ев-рействе, от которого родилось и отделилось Христиан-ство, как более высокое и совершенное религиозное учение. Но главная причина существования у христи-ан поклонения изображениям, причина, почему в Еван-гелии ничего не говорится об этом, и причина того, почему вообще в христианском обществе так много людей и так много людских дел, которых трудно наз-вать христианскими—главная причина лежит в основе Евангельского учения о непротивлении и любви. Истин-ные христиане принуждены были терпеть во времени поклонение изображениям, чтобы не двть повода для самого опасного насилия, насилия в деле веры. Если я не бросаю в печь и не выметаю сором какую нибудь бесделушку моего брата или сестры, чтобы их не огор-чить, то тем более не следует мне касаться предметов, которых они почитают священными. Нельзя силой вло-жить в человека мысли и чувства, которых он не мо-жет иметь и безумно изгонять его за это из своей среды. Христианину вборьбе с суевериями должно быть совершенно достаточно любовного отношения к чело-

веку и разумного освещния дела, потому что он ищет не своего и не того, что есть, что когда-то или очень долго было, но он ищет того, что должно быть по законам жизни, положенным от Бога. Царство Бога по слову Евангелия подобно маленькому кусочку дрожжей, который женщина кладет в тесто и оставляет пока само закиснет все. Главная причина лежит в том, что в сущности и не требовалось равноапостольных деяний уничтожения видов, но совершенно достаточно того, что ненужное уничтожается само.

Оттуда же из глубины времен идет и эта повадка на чудеса. В древнем мире, когда еще не было на земле понятия об Истинном Боге, умные люди разными чудесами, колдовством, всякими фокусами старались удержать народ в мирном обществе, не давали ему разбродиться врозн и вконец одичать и озвереть в диких условиях первобытной природы. Чудесами для той же цели пользовались и еврейские вожди учители*), и эта повадка на чудеса перешла и в христиинство. Христианские учители хотели чудесами покорить темного человека, чтобы потом мало по малу воспитать его в христианских правилах разумения и любви. Но чудеса, как обман, не могут действовать вечно; когда нибудь люди догадаются, что их обманули и потеряют веру. Оно так и должно быть: как только люди, покоренные обманом начнут жить приблизительно правильно, успокоются от страха и ожесточения борьбы, в них сейчас же начинает пробуждаться разумение, а разумение первым делом стремится освободиться, разрушить обманы, а разрушатся обманы—потеряется вера; так обманами создается заколдованный круг. В природе и в жизни человека действительно есть много непонятного и чудесного, но человек имеет разум, чтобы непонят-

*) Читай в Библии Вгорая кн. Маккавейская 1-я гл.

ное делать понятным и несовместимое с достоинством разумного существа делать понятным предметом веры. Вера руководит жизнию человека, и если бы можно было руководствоваться в жизни верою чудесною, то разум был бы нам не нужен и его бы не было у нас, а между тем он нетолько есть, но мы по нему живем и чем дальше живем, тем ценность его поднимается все выше и выше. Кроме того чудеса уже потому не годятся для веры, для руководства в жизни, что они служат одинаково добру и злу, и на пользу истины и на пользу лжи; чудеса делаются не одними только праведниками; они делаются также и колдунами и фокусниками. Так в древнем мире, когда народ был диким, бессмысленным стадом, бессмысленная чудесная вера имела значение и сослужила свою службу, но теперь эта вера уже давно отжила и всех тяготит и ждет первого луча разумного света, чтобы стать очевидным прахом. Теперь в чудеса верят только люди невежественные, а мыслящие и образованные давно знают, что чудес не бывает; над непонятными же явлениями трудятся естествоиспытатели и чудесное и непонятное делают понятным.

Когда представишь в уме историю христианства, то кажется будто какой-то злой рок умышленно пихал в христианство всякую мерзость, чтобы запоганить и закопать этот чистый источник премудрости и жизни. Так кажется, но на самом деле христианство выдержало и теперь еще продолжает выдерживать борьбу, великую и страшную борьбу с язычеством, и не удивительно, что оно дошло до нас в таком растерзанном, грязном, трудно узнаваемом виде. Но теперь христианство торжествующая религия, языческий мир одряхлел, исстрадался в соблазнах и тупо глядит угасающим взглядом на возрождающуюся истину, и последние гонения на христиан суть последние дыхания умирающего идола. На теперешних христиан выпадает благодатная и сча-

стливая доля: очищать свою веру, восстановлять, воскрешать Христа. Будем же делать это и пусть на обломках старого мира, на гниющей почве разрушения богато разростается на просторе новое дерево жизни —познания добра и зла и тянет побеги свои к небесам, к Богу, к вечному солнцу правды.

Люди на земном шаре разделяются на многие разные веры: христианство, магометанство, буддизм, браминизм, конфуцианизм и многие другие, но все эти названия суть только словесные, условные, бумажные отметки, нужные жрецам—священникам-учителям и вождям-начальникам; на самом же деле как невозможно найти двух человек, совершенно подобных по внешности, так невозможно найти двух человек, совершенно одной веры. Мы не допытываемся у других людей, как и во что они верят, а приобретаем веру сами, получаем то, без чего жить разумно нельзя и обыкновенно успокаиваемся в приятном заблуждении о единомыслии. Но если бы мы попытались точно выяснить себе и веру свою и веру окружающих нас людей во всех подробностях отношения к Богу, то увидели бы, что в этой области человеческой жизни, как и вообще в природе, существует бесконечное разнообразие, и совсем нет на самом деле того резко определенного разделения людей, которое считается и пишется по названиям; так что есть много евреев по названию, по внешнему виду, но которые по делам жизни суть христиане, и очень много по названию христиан, которые по делам евреи и т. п. Но есть также люди—и это самое главное—которые делами своей жизни сделали бы честь всякой вере. И как все люди подобны по внешности в общих чертах, так и в деле веры в общих чертах существует единство. Это единство веры составляет предмет изыскания всех мудрецов, всех истинных друзей

человечества. Это самое единство в общих чертах сознано и названо в христианской религии Сыном Божиим, сыном человеческим, Христом (воплощением которого авторы Евангелий поставили человека Исуса) не как единство понятий о Боге, а как прежде всего единство орудия богопознания, единство человеческого разумения, единство во всех людях света разума.

Много блуждали и блуждают люди по бесконечности всевозможных верований и враждовали и враждуют между собою за правоту их. Истинная вера будет только та, которая принимается человеком без борьбы, с радостью, как принимается всеми пища, вода, воздух и солнечный свет. Истинная вера будет только та, которая не выдумана умно, но которая лежит в природе вещей, в природе человека, и такая вера есть разумение человека о себе, о своей жизни, о своем положении в этом мире, о своей душе. Каждый человек, раз только он человек, разумеет о добре и зле, прилипает к добру и отстраняется от зла. И все откровения, благовествования, все религиозные священные писания суть труды человеческие на предмет разумения. Никто, нигде, никогда не видал Бога, но каждый человек слышит голос Его в своем сердце. Никаких богоявлений на самом деле никогда не было, а вот когда мы видим, что отворяется на улицу окно и один человек подаёт другому человеку милостыню—вот это и есть действительное и неопровержимое богоявление. И Евангелие Иоанна говорит в первое слово, что Бога мы знаем в разумении и что разумение—это Бог. И сама жизнь показывает, что потребность разуметь о своей жизни в природе людей есть потребность неистребимая, основная и главная, так что если в каком нибудь человеке она почему нибудь погашена, то гибнет вместе с нею и весь человек; и по этой же единственной причине гибнут народы. И, наоборот, человек возраждается и на-

полняется весь уважениями жизни и радостями бытия, когда эта потребность удовлетворяется и главенствует в нем, и при этом же условии также возрождаются и торжествуют народы.

И человек, погрузившись в область писаний, в область разумения человеческого вообще, встречает там определенные, ясно выраженные формы мудрости и очищенные уже понятия о хорошем, выработанные жившими до него людьми, вложенные в плоть и кровь его жизни и дошедшие до него в писаниях и преданиях. И бывают у человека исключительные минуты, когда он поднимается духом и судит о себе, о мире, о Боге, о людях беспристрастно в состоянии доступной ему разумности*). В эти минуты и в этом состоянии он устанавливает свое отношение к Богу, устанавливает и определяет свою веру. Но в будничной всегдашней жизни своей человек не может держать себя всегда на высоте полного обладания разумением и всегда поэтому руководится верою, т. е. тем, что он в те исключительные, сокровенные, чистые минуты установил для себя хорошим, нужным и по внутреннему побуждению обязательным. И вот наши познания религиозного откровения и мудрости мудрецов и доступное нам разумение приводят нас к вере в добро, вере, отвечающей вместе с тем и сердечным требованиям блага любви. И пусть как мы верили до сих пор в спасительность зла для нашего блага, верили в силу насилия, мести, злости, кулака, розги, суда, штрафа, наказания, разорения, разлучения, тюрьмы, каторги, страха смерти, так теперь да будет верою нашею вера в добро, в разум, в милосердие, в силу любви. Как до сих пор мы знали доброе, а верили злу, надеялись на зло, так и теперь пусть мы знаем злое, а верить и надеяться будем на

*) Подобно тому, как говорится об этом в Библии, что вышел Исаак в поле поразмыслить. (Бытия XXIV, 63).

добро. И когда нам скажут, что это невозможно для человека, чтобы не противиться злодею, то будем отвечать, что этого требует разумение о жизни человека, что это возможно для веры, что надо верить в силу добра, что вера в добро лежит в природе человека. И так будем верить в добро и будем стараться совсем не делать зла; и когда в жизни забудемся и затруднимся как поступить, то будем помнить, что надо поступать по вере в добро.— Ты, Непостижимый, Кого я называю Богом; Ты, Который причина всего и Который дал мне жизнь, душа моя открыта перед Тобою; укрепи во мне веру в добро, чтобы эта безупречная вера в печалях и в радостях жизни и в самой смерти сберегала меня в исполнении Твоей Воли!—

В этом, именно в этом преобразовании человека, в этом установлении в нас нового, высшего отношения к миру, в этом созидании в мире людей все более и более высшей разумности и состоит дело религии. Люди же церкви навязывают нам религию внешнего блеска, пчелиного и деревянного огня, колокольного звона, пения и музыки, религию египетских фараонов, религию поклонения веществу, религию внешнего богослужения, внушают нам бунтарскую, анархическую веру в спасительность насилия и отречения от разума, веру в спасительность зла; сами так верят и в жизни своей так или иначе в конце концов эти господа духовные руководствуются в пример для нас побуждениями плоти. И эти люди, которые на все живое протягивают свою мертвую руку, куда эти могут нас вести?! Они, закрывая от нас свет истины, привели уже нас на край пропасти: мы, христиане, начинаем снова боготворить людей, приносим человеческую жертву Кереметю и делаем воровскую свечу*).

---

*) Возникла секта, в которой считали Иоанна Кронштатского

Меня много раз спрашивали люди: какой я веры? Сначала я не знал сам, каким в самом деле именем, словом я должен определить свою веру, говорил, что не знаю, но несомненно только то, что я не православный. Потом я об'яснял, что разделение людей на разные веры само по себе есть зло, следовательно, произошло не от воли Божией, а от недомыслия, от заблуждения человеческого, что я не лошадь, не медведь, а человек и что этого совершенно достаточно; что вера должна быть не то что одна, а должна быть просто вера; так что вопрос этот не имеет смысла. Теперь я знаю, что есть в людях вера во зло и вера в добро и все множество верований суть выражения этих двух направлений веры. Но и теперь я не могу сказать, какая у меня вера, потому что во первых вера высказывается не словами, а делами жизни, а во вторых, кому же охота об'являть себя верующим во зло, в чорта, в сатану, в обман; всякий скажет, что если так, то он, конечно, верит в добро; и если сказать, что я имею веру разумную, то кто же считает свою веру безумною. Словом, как ни ворочай этот вопрос, а ответа не может быть иного, как только тот, что самый вопрос не имеет смысла: как не имеет слысла вопрос: какого вы ума, какого вы воображения, какая у тебя совесть, потому что всякому желательно эти свойства иметь наилучшие. И если говорят: у меня плохая память, ограниченное воображение, то потому что эти свойства не считаются важными. Вера же руководит жизнию чело-

---

Иисусом Христом и поклонялись его изображению. В минувший голодный 92 год в Вятской губ. черемисы, числящиеся христианами, для умилоствления языческого бога Кереметя принесли в жертву человека. В Воронежской губ. Коротаевского у. в одном селении крестьяне христиане убили ребенка и из его сала вытопили и отлили свечу, руководствуясь суеверием, что со свечею, сделанною из сала внутренностей невинного младенца можно воровать что угодно и где угодно невидимо.

века, какова у человека вера, таков и сам человек; и кому же охота аттестовать себя злодеем и кому же не стыдно хвалиться добродетельным. У всякого человека есть вера и у меня есть своя вера, а какая?—это нескромный и бессмысленный вопрос.

Много есть людей, которые верят не рассуждая, но человек, у которого проснулась и работает мысль, тот может ошибаться, заблуждаться, но не может искренно верить во что прикажут или во что понравится по-своему произволу. Человек пробужденный мысленно, духовно, всегда искренно верит только тому, что ему кажется непреложным по его внутреннему разумному сознанию, через которого он видит Бога и через которого Бог правит им, верою его. Вера человека мыслящего называется иначе убеждением, которое приходит к нему через разумное сознание от Бога. И потому чем яснее и свободнее у человека разумное сознание, тем возвышеннее его убеждение, тем сильнее его вера.

Бога мы знаем не как ветхого деньми старца, как Его рисуют богомазы, не как Троицу или Триединую Vпостась, которую выдумали богословы и которую и нельзя понять и запрещается понимать, и не как силу, вещество или существо, потому что все это будет только, свойственные нам, земные представления внешнего образа, т. е. зрительные, слуховые и осязательные воображения; а Бога мы постигаем духовно и не воображением, но разумом, как перво-причину всего, как непостижимое всеоб'емлющее начало жизни.

Из религиозных верований, обрядов и сказаний видно, что основатели всех религий-жрецы, люди разумно сознательные, сами разумели Богом непостижимое начало-причину, только народу преподносились всегда грубые образы, которые были бы видны, блестящи, ослепительны для глаз, слышны, оглушительны для ушей, доступны для осязания, для обоняния и даже

для вкуса, как например у церковых христиан причастие; потому что народ—народ жестоковыйный, у которого разума не предполагалось и для которого будто бы только то и действительно, что для тела чувствительно. И это верно, что трудно человеку мысленно отрешиться от внешности. Мне самому такое понятие сначала долго казалось странным и недостаточным для веры. Мне казалось, что слова „начало-причина" ничего не говорят ни сердцу ни уму. Но на деле оказывается, что до сих пор все человеческие попытки прибавить что нибудь к этому не уясняли дела, а всегда только затемняли его и тем больше, чем больше прибавка. Еврейские учители, верные своему отвержению всяких изображений Божества, всегда говорили о Боге, как о гласе глаголющем, и по всей вероятности только на самый конец невежества оставили сказание, что Бога удостоился видеть только сам Моисей и всего только однажды и то лишь с затылка*). Понятие о Боге как начале-причине, в сущности есть понятие всех людей во все времена. Бог Отец у христиан есть несомненно начало-причина. У евреев Бог-Творец конечно есть тоже самое. Древние египтяне во первых боготворили быка, как источник плодородия, источник жизни,—начало-причину. (Древние греки, поклонявшиеся изображению мужского детородного члена, боготворили в нем конечно начало-причину). Я несведущ в филологии, но в самом слове „Бог" должен быть этот смысл, покрайней мере в нашем языке есть слова; ибо, бо, бы, которые упоребляются всегда для обозначения причинности. Дело в том, что для выражения всякого понятия имеется в языке обыкновенно одно слово, так и для выражения этого понятия существует только одно слово „Бог", слово всем понятное и много говорящее

---

*) Исход XXXIII, 20—23.

и сердцу и уму; слова же „начало-причина" дают понятия только приблизительные для пояснения, и именно на тот конец, чтобы отвлечь нашу мысль от обиходного подмена этого понятия изображениями и воображениями, которые тоже называются богами*).

Понятие Бога, как причину-начало есть понятие основное и вечное. И человек начинает свою разумно-сознательную жизнь только с того момента, когда в душе его родится вопрос: откуда я, откуда мир, откуда жизнь? т. е. когда он понуждается в Боге. Итак, понятие о Боге свойственно только имеющему разум существу, человеку, и человек полагает Бога началом жизни, началом себя и знает Его началом своей разумно-сознательной жизни. Только одно это понятие о Боге непоколебимо для разума и потому истинно. Но благоговел-ли человек перед гласом грома, перед золотым

---

*) Бога и душу я знаю так же, как я знаю бесконечность; не путем определения, но совершенно другим путем. Определения же разрушают во мне это знание. Так же, как я несомненно знаю, что есть бесконечность числа, я несомненно знаю, что есть Бог, и что моя душа есть. Но это знание несомненно для меня потому только, что я неизбежно приведен к нему. К несомненности знания бесконечного числа я приведен сложением. К несомненности знания Бога я приведен вопросом: откуда я? К знанию души я приведен вопросом: что такое я? И я несомненно знаю и бесконечность числа и Бога и мою душу, когда я приведен к знанию их этим путем самых простых вопросов.

К двум приложу один и еще один и еще и еще; или разломаю палочку на двое, и еще на двое и еще и еще—и я не могу не познать бесконечности

Я родился от своей матери, а та от бабушки, от прабабушки, а самая последняя от кого? И я неизбежно прихожу к Богу.

Ноги-не я, руки-не я, голова-не я, чувства-не я, даже мысли—не я; что же я? Я—я, я—моя душа.

С какой бы стороны я ни пришел к Богу, будет тоже самое. Начало моей мысли, моего разума—Бог; начало моей любви—Он же; начало вещественности—Он же. Тоже и с понятием души. Обращусь-ли я к своему стремлению к истине, я знаю, что это стремление к истине есть невещественная основа меня—моя душа; обращусь-ли на чувство своей любви к добру, я знаю, что это моя душа любит.

Выписка из дневника Л. Н. Толстого.

тельцом, перед Богородицей или перед Отцем небесным—все равно перед Источником Жизни подобает благоговеть.

И начало жизни должно быть добро, потому что человек, освобождаясь от зла и прилепляясь к добру—живет, освобождаясь же от добра и прилепляясь ко злу—погибает. И потому Бог есть сущее в человеке начало совершенного добра. И потому истинная вера должна быть верою в добро.

Евангелие или благовестие призывает нас к вере в сына человеческого, сына Божия, вышнего человека, к вере во Христа, т. е. хорошего человека, который наиболее соответствует своему назначению человека на земле. И это есть вера Исусова, апостольская, вера Сократа, Будды, Конфуция—всех светочей разума и правды, всех мудрых и великих представителей человечества. Вера же в то, чего человек не имеет в себе, и чего никак нельзя разуметь, есть обманная вера жрецов, которая водит людей во мраке лжи, зла—во мраке хаоса.

Нет на земле большей святыни—святыни человека, живого носителя божества. А между тем мы видим, что то, что происходит от человека, изделия, вымыслы и дела человеческие возвеличиваются выше человека, творение ставится выше творца. И одни люди грабят, разоряют, мучают и убивают и всячески обманывают других людей в жертву этим вымыслам человеческим, все в жертву этим идолам. Можно сказать, что тем, которые грабят, бьют и обманывают, выгодно и приятно делать это и в этом все дело, но если бы это было так, то была бы вечная война каждого против всех, и человека, разумного существа, не было бы.

Ошибка держится не этими людьми утробы с личиною веры, этими прихвостнями всякого, даже самого святого дела, а держится она под видом истины искреннею

верою, искренними идолослужителями; ошибка держится всегда только потому, что ложь искренно принимается за истину.

Но пора увидеть и понять всем ту несомненную очевидность, что все усилия жизни лучших, праведных и мудрых людей с Исусом Христом во главе направлены всегда на борьбу с обманами, с этими самыми возвеличенными выше человека человеческими вымыслами, на борьбу с этими идолами, чтобы показать людям это изуверство, чтобы выяснить перед людьми достойную источника жизни и всяких дел в самом себе, чтобы возвратить человека в волю Бога и освободить его.

Древний Израиль отверг вещественных идолов, но оставил обрезание и создал народность, скинию и субботу, а последующие учители еврейские прибавили новых идолов: обрядности и предание старцев. Христианские учители отвергли народность, субботу, обрезание и обрядности еврейские, но оставили скинию, которая была переименована церковью и которая потянула за собою всю ветхозаветную гниль: и иерархию, и крещение на место обрезания и преломление хлеба на место жертвоприношения; даже гораздо более того, захватили кстати все египетское и языческое, боги посыпались потом из рога изобилия: Святой Дух, Спас, Богородица, ангелы, святые, угодники, чудотворцы, святая вода, святые места, иконы, кресты и бесчисленные вещественые изображения и предметы, и, что всего удивительнее, даже остатки мертвецов, эти новые египетские мумии. И как было всегда в язычестве, так и в христианской общественной жизни совершается до сих пор тоже самое: дело человеческое ставится выше человека: монархия, олигархия, конституция, республика, меняются названия формы, но это безумная основа—идольство—всегда одна и таже: всегда так называемое общественное благо покупается ценою порабоще-

ния и уничтожения личности.

Будет-ли какая религия, будет-ли какая форма общественной жизни, они, как внешнее выражение законов жизни, должны служить носителю сущности жизни и воплощению Божества человеку, а не поробощать его. Не внешняя власть, не страх страдания и смерти, происходящие извне, должны связывать страсти и злую волю человека (ибо они и не связывают) и давать людям уверенность спокойствия (ибо они его и не дают), а сознание неукоснительности законов жизни и сознание духовного единства людей, власть исходящая свыше, власть Бога, власть разума, власть совести—эта внутренняя духовная власть, лежащая в природе человека, которая теперь под дружным и систематическим гнетом церкви и государства проявляется в жизни людей невольно слабо и нам кажется ненадежною— она, освободившись одна станет могущественною и неотвратимою уздою всякого зла и вечною и высокою твердынею личного и общественного спокойствия и благоденствия.

Недавно мне случилось смотреть картинки и перелистывать общедоступную по мироведению книжку: „Свет Божий“—издание Ф. Ф. Павленкова. После об‘яснений различных небесных явлений—тумана, дождя, радуги, грозы—книжка заканчивается словами: „Все неизвестное человеку пугает его, когда же он узнает это неизвестное, то перестает его страшиться. Сам по себе человек слаб, но в нем есть внутренняя сила, тот свет, который освещает ему страшные для него явления, пока он их не знает и не об‘яснит себе их причины правильно. Этот свет, дающий человеку возможность обращать силы природы в свою пользу или защищаться от них и есть р а з у м“. Вот, думал я, то, что должно быть, уже началось и признается всеми неопровержимо. Вот, что сказано в отношении мира

внешней природы, тоже следует сказать и по отношению к человеку. Человеку надо самому себя осветить своим светом и как верит человек разуму в вопросах о природе, так следует поверить ему и в вопросах о себе самом, поверить в ту истину, которую дает нам религия, например: „Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так пступайте и вы с ними“; Не судите и не-судимы будете“; „Юже меру мерите, возмерится вам“; „Не гневитесь, не противьтесь злому“—и все прочее, что составляет сущность религии; поверить, что это действительно так и этою верою руководиться в своей жизни, как мы в своих хозяйственных делах руководимся знаниями законов внешней природы. Эту самую внутреннюю силу, этот всеосвещающий свет, этот самый разум и следует поставить человеку во главу своей собственной ежечасной личной и общественной жизни. И как тает сумрак ночи перед светом восходящей зари, как невежество и суеверие, чудеса и колдовство сами собою гибнут перед светом науки, как лешие, водяные и домовые исчезли перед светом знания и разума, так перед лицом того-же огня и света сойдут на нет все теперь такие величественные обманные и насильнические общественные учреждения, и всякая злоба, насилие и рабство между людьми сами собою исчезнут перед светом разумения о жизни человека.

И каждому человеку о своей жизни самому следует разуметь. Когда Исуса привели к Пилату и Пилат спросил его: „ты царь Иудейский?“, то Исус ответил вопросом:*)

— Ты говоришь так потому, что сам так мыслишь, или только повторяешь слова других?

Пилат отвечает:

Я не имею нужды думать о тебе, что ты царь или не царь, я ведь не еврей, и если бы ты и в самом деле был бы еврейским царем, то мне, как римлянину само-

*) Иоанна XVIII, 33—38: и XIX, 9—11.

му по себе это не интересно. Твои привели тебя ко мне, я, как начальник, обязан рассудить и решить, что ты сделал?

Исус отвечает:

— Так, но важно-то и нужно во всякую минуту именно то, что человек мыслит сам по себе. Вот если бы ты мыслил обо мне сам по себе, то, конечно, видел бы, что такие слабые и беззащитные люди, как вот я, в этом мире не бывают царями и что такой по внешности человек, если может быть царем, то в другом не внешнем мире, а в мире человеческой мысли, в мире же мысли нет ни еврея, римлянина, и если я могу быть царем в мире мысли, то, конечно, могу быть интересным и для тебя.

Пилат сказал:

— Ну, как ни как, а ты почитаешь себя царем?

Исус ответил:

— Я сам не почитаю себя царем, а люди так говорят обо мне, вот и ты сейчас назвал меня царем. Надо смотреть не на то, что люди говорят, а на то, что они искренно мыслят, потому что истинная жизнь здесь не в звуке слов, а в искренней мысли. Я на то родился, на то пришел в мир, чтобы находить и обнаруживать истину, поэтому всякий, ищущий истины, прислушивается к голосу моему, а так как истина покоряет себе людей совершенно, то отсюда и родилось рассуждение о царе.

Пилат сказал:

— Истина, истина! Что такое истина? Вот ужо повесят тебя, вот тебе и истина!

Потом Пилат ввел Исуса в свою канцелярию и в другой раз наедине начал допрашивать его. Он спросил: Кто ты и откуда ты? Но Исус молчал.

Пилат говорит:

— Мне-ли не отвечаешь, разве не видишь, что ты в моей власти, что я имею власть распять тебя и власть имею отпустить тебя?

Исус отвечал:

— Я человек, ищущий истины и не вижу в тебе истинной власти. Ты поступаешь и говоришь не так, как искренно сам по себе находишь лучшим поступать и говорить, а всегда, вот и теперь ты непременно скажешь и поступишь со мною, как раб не по своей власти, а по власти посторонней, внешней, которою ты связан сверху от Кесаря, от Римского Сената.

Тогда Пилат понял, наконец, сам себя, и понял, что перед ним стоит, действительно, истинный царь и насколько он знал еврейскую веру, что это именно прежде всего родной еврейский царь, и Евангелие повествует, что с этого момента он искал отпустить Исуса, но не мог этого сделать, потому что сам был безвластным рабом и жил не своим разумом.

Так о своей жизни самому следует разуметь и не смотреть на примеры, не искать образцов, потому что пример, образец, как авторитет, как внешняя сила, порабощает слабого человека, разумение же, как Божий дар для всех, живит, бодрит и освобождает его. Вы, говорит Христос народу, вы всему верите, всему и рабствуете; и кому охота вас морочить, тот вам и господин, а вы верьте не всему, а только тому, что истинно и что поэтому достойно веры. Смотрите же зорче на то, во что верите, не пачкайте веры, этой святыни своей в навозе, добивайтесь истины, истине верьте и истина сделает вас свободными *). В истине нет рабства и нет унижения, потому что истина исходит от Бога и есть непременное условие жизни, а за-

*) Иоанна VIII, 31—36.

блуждающийся, делающий грех, есть раб греха. Но заблуждение, грех, ошибка не рождаются от Бога, а есть временное человеческое дело, и порабощает-ли оно, освобождает-ли — это только временный обман, тоже что рождается от Бога, вот разумение, то вечно, надежно и если оно освобождает вас, то истинно свободны будете.

Разумение, вера в истину, вера в добро—эта такой рычаг, которым всего легче поднимается бремя жизни. И, продолжая речь, Исус сказал: „Слава Тебе, Отче, Владыка неба и земли, что ты утаил сие от ученых и мудрецов и открываешь младенцам, таково Твое благоволение! Приидите ко Мне все истомленные и обремененные и Я успокою вас; бросьте вашу внешнюю и чудесную веру, мертвящие уставы и обряды — эти громоздкие, тяжелые и гнилые рычаги; учитесь владеть Моим орудием, смотрите на Меня: вот Я дружелюбен и смирен сердцем и вы, уразумевши, найдете покой душам вашим; потому-что Мой рычаг—хороший рычаг, наиболее соответствующий своему назначению—такой, которым бремя жизни поднимается легко“ *)

Все мы, люди, имеем большую наклонность к самолюбию, к гордости, к стяжательству, чуть какой человек начнет усиливаться между людьми: телом-ли, умом-ли, талантом-ли, разбогатеет-ли, получит-ли кто наследство, чин, большую должность — как женщина, счастливо вышедшая замуж за полковника задирает нос перед своими товарками, так и все мы, все мы дети, глупые дети у Отца нашего небесного—чуть кто усилится сам в себе, сейчас же искушается делать больно ближнему своему: укоряет, унижает, презирает, притесняет его и хвалится и при всех его дарованиях отходит от него мудрость и в нем иссякает любовь;

---

*) Мф. XI, 25– 30.

такова награда богатства, награда успеха, награда мирского величия; поэтому блаженны вы, слабые, бедные, осиротелые, безталанные, нищие духом, ибо ваша награда есть царство небесное; вы блаженны потому, что терпением и страданием несете во плоти вечное царство Бога на земле и вами держится и живет весь мир людей и ваше блаженство в жизни истинной, человеческой и в жизни вечной, которая когда явно и сознательно откроется перед вами, то вы почувствуете себя дома, в полной силе и на твердом камне, который не возмогут поколебать ни какие дожди, ни какие ветры, ни какие бури, ни какие воды, потому что вольно ли, невольно ли, но делатели правды были вы. И вот эта бессмертная жизнь, это царство Отца небесного мало по малу вступает в свои права здесь на земле, как на небе.

Пробуждающееся разумное сознание показывает, что наше высшее чувство, чувство благоговения и сознания безконечного долга перед Создателем, чувство религиозное изливалось до сих пор из сердца человеческого перед идолами, алтарями в восторге словесного богослужения, изливалось в пустое место, только в целях воспитания и укрепления в нас этого преимущественного человеческого чувства; и, показав это то же разумное сознание, направляет это великое чувство плодотворно в дело жизни, в великое дело созидающего нас Божества. Приходит время, когда притягивающее нас к себе своей поэзией и благолепием обрядовое словесное богослужение и кажущееся в наших глазах неизбежным насильническое общественное устройство, приходит время, когда то и другое вытесняется разумением о жизни человека. Приходит время царства небесного, царства Бога на земле, когда сама жизнь наша в наших делах должна наполниться вся сознательным возвеличением и прославлением

Божества, безпрерывной поэзией истинного богослужения, восторг которого чувствует в себе человек, исполняя заповедь Божию, помогая ближнему, спасая погибающего, совершая заветы Христовой любви.

Требуется главное одно, требуется понять религию в ее истинном смысле: не в смысле колдовства и обморочения людей, а в смысле науки, в смысле разумения о жизни человека, так чтобы богослужением понимать не что нибудь таинственное, что без попа, без благодати сделать нельзя, а чтобы понимать богослужением любовь к Богу и ближнему, служение ближнему побожьи, живую личную деятельность убеждения во благо ближнего, во благо общее,—чтобы нонимать богослужением делание добра. Вот мимо моих окон с утра до ночи почти безпрерывной вереницей тянутся богомольцы: тощие, загорелые, переутомленные, иные с двумя палками в руках едва переставляют ноги. Они идут неразумея о том, что в сущности везде одно и то-же, что человек сам в себе носит и свое царство и свое рабство, что владычество Господне на всяком месте, что Святая Земля—это та самая земля, которую видно из окна избы, а святой град Иерусалим—их родная деревня. Но что же их гонит? Нечто нибудь другое, конечно, как только сознание Бога и своей греховности, сознание необходимости возвеличения духа. Эта естественная для разумного существа потребность питания религиозного чувства заставляет их совершать огромный невообразимый труд, от которого делаются городами так называемые святые места; от него жиреют монахи и попы и ломятся церковные сундуки. Но в мире людей уже заметно началось—и что дальше, то заметнее—новое, сознательное, плодотворное религиозное чувство, уже показываются первые ласточки великой весны: то богач отдает капитал, дело целой своей жизни на дело мира, на дело про-

свещения; то обеспеченный мирскими благами человек добровольно идет на лишения, на бедность, на свой труд; то бедный, голодный, но коснувшийся к истине мужик, идет не в церковь на колена перед образом, а идет к подобным себе людям делиться с ними, как может и умеет своим знанием истины. И наконец социалисты, революционеры, анархисты идут на мученичество, на явную и позорную смерть уже не за догматы; не за иконы и кресты, а непосредственно за своего Бога и за своего ближнего; не они виноваты в том, что от них скрыта основная заповедь христианства, заповедь совершенного добра; но они шли и идут на смерть несомненно по сильному сознанию Евангельской правды о том, что нет больше той любви, как ежели кто душу свою положит за друзей своих. Все эти люди, поступая так, конечно, далеки от каких нибудь своих низменных, плотских выгод, и никто их к тому не принуждает, а все они поступают так явно по чувству религиозному. И это все только еще робкие шаги передовых людей, неуверенно нащупывающих предлежащий путь. Что же будет когда взойдет солнце и путь жизни прояснится и человек увидит в брате своем подобного себе носителя Божества, предмета поклонения и жертвоприношения. Что же будет, если все те, теперь ходящие по святым местам, по церквам и молящиеся иконам, узнают правду и свое религиозное чувство понесут не к попам, не к мертвым телам, а по Христовой вере в дело человеческой жизни: один делает и соблюдает колодезь, другой дорогу, третий мост—всякий кроме труда для своего прокормления, чем может и умеет, будет служить Богу и ближнему по чувству религиозному! И не по принуждению, не по найму, а с радостью люди будут служить людям; люди будут молить друг друга о том, чтобы поработать друг на друга, и когда они это получат, то

протянут руки к небу и возблагодарят Бога за благо любви. Люди будут иметь не только все то доброе, что теперь с такими потугами, с таким унижением для себя, за такую безумную цену они имеют через церковь, государство, земство и всякие управления, но в десять раз, в тысячу раз больше того, так что воочию исполнится пророческое видение Иоанна:

> Откр. XXI. 3. „Се скиния Бога с человеками и Он будет обитать с ними; они будут Его народом и Сам Бог с ними будет Богом их".
>
> 4. „И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло".

Таково царство Христа. А наше теперешнее мирское царство, царство узаконенного обмана, грабежа и убийства, где люди продают себя по должности и за жалованье: одни, чтобы любить людей; другие, чтобы мучить людей; это царство, где почитать царя и начальников людей притягивают за волоса и гонят защищать и спасать их страхом смертной казни; царство, где любить Бога и ближнего не языком только, но сердцем и делом жизни, считается высшим политическим преступлением—это огромная сплошная противоестественность—не антихристово-ли это царство!

Пора поверить в мудрую народную пословицу: „силой милым не быть". Пора сознать, что человек любит Бога и ближнего во многообразных проявлениях жизни не по закону, не по распоряжению, не по принуждению, а что это есть само собой естественное дело, дело свободной религиозной работы его над самим собой; что внешний закон, насилие и принуждение только разрушают дорогу жизни, заслоняя сознание радостной необходимости по природе вещей.

Человек верит в очень многое, но настоящая, действительная вера его будет та, которая руководит

его поступками, его жизнию. Жизнию же человека руководит или вера во зло или вера в добро. Через веру во зло человек потерял данную ему Богом свободу, но он может возвратить её через веру в добро. Это даже и не суть важно, перестанут-ли люди почитать царя, иметь образа и делать обряды или не перестанут— если это нравится людям, пусть будет царь, только чтобы он не имел власти, потому что власть человека над человеком есть зло; если это нравится людям, пусть будут образа, только чтобы они не были предметами поклонения, не были святыней, потому что поклонение приличествует только Божеству и „да святится имя Его“; и потому что подмен есть зло; если это нравится людям пусть делают обряды, только чтобы они были просто человеческие обряды, а не божественные, непреложные таинства, потому что божественна и непреложна только истина и потому что тайна есть мать блуда—существенно важно иметь веру сознательную, понятную веру в добро. Не пришествие видимого Бога с небес на облаках с трубным гласом, а распространение и возвеличение в людях веры в добро будет вторым пришествием Христа, страшным судом для делателей зла и воскресением людей от смерти рабства и обмана, к жизни свободы и правды.

Да, говорят, все это так, но без правительства все таки нельзя, потому что правительство руководит народом. Народ идет за правительством по пути прогресса, без правительства народ заблудится и погибнет. Так говорят, но жизнь показывает совершенно обратное, а именно,что в самом главенстующем жизненном прогрессе, прогрессе—нравственном, который тянет за собою прогресс всех других сторон человеческой жизни, что в нравственном прогрессе народ идет далеко впереди, а правительство в самом хвосте и всеми силами препятствует

распространению всякой новой мысли и нравственного прогресса. Например, вот в настоящее время, когда народ начинает отказываться от насилия и уничтожать свое оружие, как предметы ненужные и вредные, правительство невообразимо убийственно вооружается; когда мужики сознательно во исполнение воли Божией не защищают своего лица под плетьми казаков, начальники, губернаторы и цари, несмотря на все свои привиллегии, на всю свою страшную власть, не могут удержаться от рукодействия; когда народ осуществляет целомудрие до супружества и многолетнее воздержание в супружестве, правительство узаконивает дома терпимости; и на всех областях нравственной жизни дело стоит так, что опасен не мужик, а начальник. Если же народ отстает от правящих классов в прогрессе некоторых других сторон человеческой жизни, то это частию потому, что он живет не уродливою, а правильною, цельною жизнию, у него уши не растут выше лба; затем потому, что правительство изнурят народ повинностями, налогами и покровительством мироедам, так что ему впору только еле-еле поддерживать свое существование, и наконец, потому что правительство боится народного просвещения и всемерно поддерживает народное невежество, т. е. вместе с хлебом земным отнимает у него и хлеб небесный. Это правильно, что народу нужно правительство, но нужно такое, которое действительно ведет вперед, и такое правительство истинное у народа несомненно есть; оно дается ему Богом в свои нужные времена как давалось оно народу Израильскому во времена Судей, как давалось христианам до Константина, как всегда народ живет под руководством совсем не тех людей, которые называются правительством. Как в своей жизни мы ценим человека не потому, во что он наряжается и как из себя выглядит по внешности, а любим и уважаем всякого человека по его до-

брой и разумной жизни; так и перед Богом всякий народ живет на земле не потому, что он толпится около истукана и стукается об него головою, а всякий народ процветает в меру живущего в нем разумения о жизни. И как Евангельская виноградная лоза, как дерево растущее само из себя, всегда, когда нужно, дает соответствующий побег, листок или цветок, так и живущее в народе разумение о жизни всегда дает правителя и истинного своего народного руководителя, когда он обстоятельствами народной жизни потребуется. Истинное правительство есть у народа всегда, иначе народ не мог бы уйти вперед, но оно настолько разумно и скромно, что делая дело руководительства народного по завету Евангельскому имени этого себе не присвоет. Разговор не о том, что нужно правительство, а разговор о насильственности, о самозванстве существующего именуемого правительства, которое когда-то и где-то может быть и бывало нужно и полезно, но которое теперь давно уже есть только заражающая и отравляющая нас мертвечина.

В глубокую старину бывали времена и народы, когда разумение о Боге и о законах жизни человека было уделом немногих, исключительных личностей, тогда цари, священники и начальники со своими скипитрами, истуканами и жезлами были нужными и полезными людьми, а теперь, когда все люди имеют возможность познать и познают истину, когда на наших глазах исполняется пророчество о том, что все люди будут научены Богом, теперь все они становятся совершенно ненужными и обнаруживаются людьми зловредными, архизлодеями и архиворами, потому что они уже давно почувствовали свой конец и отстаивают свои старые права всевозможными преступлениями; они убивают и грабят все самое священное и драгоценное у людей и народов. Они силой навязывают

людям свои только им понятные писанные выдумки; и этих выдумок написано так много, что нет ни одного начальника, который бы знал все; и тот считается между ними знаменитостью, который знает больше многих других и хорошо умеет ими морочить людей; и в то же время по ихнему ни один простой человек, даже неграмотный не может отговариваться незнанием всех ихних писаных выдумок или, как они называют их, законов; сумашествие это поставлено у них в основу дела и этим сумашествием они пытаются подменить настоящий закон, написанный у всякого человека на плотяных скрижалях сердца великими учителями и пророками человечества, закон совести, закон Бога. Они своим торжественным, широковещательным и сладкогласным многоглаголанием, которое они называют богослужением, стараются заглушить в людях живую мысль и подменить понятие об истинном служении Богу; и благовествование воскресения, восстание падшего человека через перемену мыслей и питание истиною—это великое и животворящее благовествование они подменили корыстным и мертвящим обрядом говенья; они повыдумали и установили множество обрядов и на важные дела и на всякие житейские пустяки, чтобы людям нельзя было сделать шагу без ихнего участия; они Богу молятся не от избытка сердца, а по книгам, и нам велят молиться также; и они говорят людям: слушайте больше нас, потому—что мы муштрованы, мазаны и обряжены и потому не врем, делайте, что мы велим, да давайте нам больше доходов, а мы уж вас приведем обязательно прямо в рай; а это что у вас есть будто бы свой ум-разум, чтобы обо всем судить и понимать, так это у вас не от Бога и годится только на то, чтобы вам больше трудиться, а судить и понимать о мире, о Боге, о людях, о своей жизни—это грех, человеческая гордость, прелесть, не мудруствуйте

и молитесь, зажмурьтесь и глядите, потому что от Бога есть только мы, ваши учители и вожди, а если кто нас не послушает, если не послушает... то мы его осрамим, раззорим и убьем и душу его пошлем к чорту в геену огненную. Таким способом они пытаются украсть у людей их преимущественную, божественную способность разуметь. Они говорят людям: отдавайте нам все ваши доходы до последней полушки, живите на самой плохой, неудобной и худородной земле и кроме того работайте на нас до последней капли крови, а мы вас и в солдаты обрядим и воевать заставим, и будем вас судить и рядить и пороть и смерти предавать, и будем вас лечить и учить, потому что мы то умные разумники и знаем все и по настоящему, а вы-то совсем дураки; а если вы нас не послушаете, если не послушаете... то мы вашими же солдатами всех вас в конец раззорим и перебьем; и они так и делают и грабят у народа весь его труд, и силу, и здоровье и красоту. Они убивают не как обыкновенные разбойники, кто попадется, а они убивают самых лучших, самых отборных людей, цвет человечества; они убивают таких людей, которых, по словам апостола, целый мир не был достоин; все убитые праведники, и святые, и пророки, и апостолы, и Исус Христос были убиты людьми этой самой породы начальников и священников. И они, ничтоже сумняшеся, кощунствуют в своих церквах среди своего многоглаголания, читая вслух хотя и изуродованные ими же, но тем не менее великие слова Евангелия:

Мѳ XXIII. 8. А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас учитель Христос, все же вы братья.

— 9. И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах.

— 10. И не называйтесь наставниками, ибо один у вас наставник Христос*).

— 11. Больший из вас да будет вам слуга. И они обижаются, если их покликать: Иван, Семен или Ермил, а говори, вишь, непременно: отец протоиерей, или ваше благородие или превосходительство, и что ни чиновник, что ни священник, то и учитель и начальник и отец. Но несмотря ни на что, усилия всех убитых ими праведников с течением времени все больше и больше сказываются в сознании людей, и воскресает споконвечная, мировая, божественная истина: „дети, старцы, бедные и больные должны быть властелинами земли"; воскресает Христос, воскресает закон Бога.

Пришло время понять всем, что распространение и возвеличение света разума и жизнь каждаго человека согласно своей вере; что мерзость запустения храмов и святых мест и забвение всех религиозных внешних обрядов, что развенчание царей, разрушение государств и уничтожение правительств,—пора всем уразуметь и поверить, что все это есть не страшные бедствия и

---

*) По гречески слово Христос значит: вождь, предводитель, начальник, командир. Уродование смысла в церковном переводе очевидно для всякого тем, что учитель и наставник по русски слова равнозначущия и нет никакого повода находить здесь повторение одной и той же мысли разными словами, потому что выражение о наставниках в одной речи Исуса с выражением об учителях, допустить же повторение мысли для пояснения другими словами нельзя, так как эти выражения следуют не тотчас одно после другого, а разделяются стихом об Отце. Кроме того истинный смысл десятого стиха поясняется следующим стихом одиннадцатым: „Больший из вас, да будет вам слуга": учитель и наставник еще могут быть иногда в положении слуги ученику, но начальник никогда. Такое размещение стихов очевидно не случайное; оно очевидно умышленное, чтобы устранить всякий повод для кривотолкования. Так что десятый стих двадцат третьей главы от Матөея нам следует читать так:

И не называйтесь начальниками, ибо один у вас **начальник Христос.**

деятельность людей, направленная к тому, не преступление, как стараются обморочить нас в этом начальники и священники, а совершенно наоборот, что это есть естественное благо и воля Бога, за неисполнение которой давно страдают все люди и все народы, страдают неисчислимыми и невыразимыми страданиями, которые на слабом языке человеческом приблизительно зовутся страхом, войнами, повинностями, беспросветной работой, убожеством и развратом; что таковая воля Бога открывается нам и здравым смыслом и требованиями сердца и основным и вечным смыслом религии; что те освободительные попытки, которые называются преступлениями политическими, на самом деле суть слабые бессознательные младенческие движения и те разрушительные для государства и церкви вероучения (у нас духоборцы, штундисты, неплательщики) которые называются вредною и безумною ересью, суть младенческие движения уже осмысленные—великого тела Христова; они не выдуманы, а суть естественные от века предназначенные явления, и не угнетать и останавливать их (потому что это и бесполезно и угнетать можно только ни в чем неповинного человека), а надо с восторгом приветствовать в них приближение всеми ожидаемого пришествия великой и светлой жизни.

Но нелегко было уразуметь обман, понять истину, благую истину, как же теперь справиться с людьми, которым выгодна мирская неправда. Наши отцы и матери любят нас, детей своих, мужья любят жен своих, учителя любят учеников своих; и все они, когда узнают истину, за властью не погонятся и с радостью назовут себя братьями. Царей очень немного на многие миллионы людей; они очень далеко от нас, и, как огородныя пугалы, сами по себе совершенно бессильны, еслибы не было за ними тех, кому эти пугалы нужны. А нужны эти пугалы начальникам и священникам, богатеям и миро-

едам, которые любят жить роскошно и чужими трудами, которые живут с нами и которых на земле столько много, сколько через великую силу может народ вынести. Но мирская неправда держится ими не потому, чтобы они были сильны и умны, а потому что мы сами не стараемся быть разумными и иногда обращаемся к ним за ихней злой силой и за ихним хитроумием. Вот в этом-то все и дело, что мы сами причинны. Поэтому мудрость состоит в том, чтобы в них не нуждаться. Этак-то, как есть теперь, поставь какого хошь остолопа, слушайся его во всем, да показывай словом и делом, что ты имеешь до него большую нужду—этак всякий прохвост будет начальником; а вот ежели люди будут в них не нуждаться и поэтому их не слушаться, вот тогда пусть они попробуют быть начальниками. На это скажут пожалуй, что если не нуждаться в них и не слушаться, так они убьют. Ну, так что же! Всех не убьют, а для меня двух смертей не бывать, а одной не миновать. И хорошо умереть со смыслом, за правое дело, а не от какой нибудь поганой болезни. Пусть убьют, что они этим докажут? Докажут только то, что они такие пастыри, которые убивают овец, т. е. по слову Христа: не пастыри, а воры. Этим они докажут еще лишний раз только то, что надо в них не нуждаться, их не слушаться и сторониться от них как можно дальше; ничего другого убийством доказать нельзя. Но так как они кроме того, что начальники, все таки же люди, такие же, как и все мы, то мудрость жизни состоит в том, чтобы прощать им, как братьям, и не нуждаться в них, как священниках и начальниках и богатеях; помогать и служить им в житейском обиходе, как братьям, но не пользоваться никакими ихними священническими и начальническими услугами, и не содействовать им ни в каких ихних священнических и начальнических делах, и в делах обогащения богатеев.

Если же нельзя их любить, если не хватает на это сердечных сил, то в крайнем случае должно не делать им зла, *не завязывать зла.*

Вот в газетах писали, что в Казанской губернии по случаю переписи татары взбунтовались и убили несколько человек из начальства. Зачем они это сделали, зачем наделали столько зла. Они бы лучше сказали, что это дело им ненужно, сказали бы и всем обществом и каждый отдельный человек: делайте себе, что вам нужно, а нас не спрашивайте, не притягивайте нас к такому делу, которое нам ненужно и не отвечали бы на вопросы. Таким способом они вернее достигли бы того, чего желали, не дали бы начальству сами повода для насилия, но главное были бы чисты от зла перед Богом, не завязали бы зла. А теперь вона заварили какую кашу, не расхлебаешь.

Они ведь только тем и живы, что считается, что они нужны, поэтому вся задача состоит в том, чтобы действительно в них не нуждаться, сознать это и уверить их, что они совсем ненужны. Только одного этого и надо добиваться, чтобы они поняли, что они ненужны; и как только они это поймут, то без греха сами сбросят с себя свое идольство, сделаются просто людьми, и слабые придут к нам ради Христа, а сильные возьмутся за другие дела за дела, нужные; и в таком разе, конечно, милости просим! А силой—силой только прибавишь зла.

Недавно приходит ко мне полицейский надзиратель с городовым и с двумя понятыми и говорит: „господин исправник в комиссии с воинским начальником прислали меня пригласить вас в полицейское управление по делу о вашей неявке на проверку призывных по воинской повинности списков“. Я немного растерялся и замялся в слозах, а он прибавил: „они сейчас в полицейском

управлении ожидают вас". Я говорю: Зачем же они ожидают, я не обещался приходить.

— Но они вас просят, понимаете: исправник, воинский начальник прислали меня.

— Так я говорю, но мне-то их совершено ненужно.

— Значит не пойдете?

— Да-а! не пойду.

— Значит вы не признаете властей, идете против властей?

— Я не иду против властей, пускай власти стоят, может быть они кому нибудь и нужны, но я-то не имею до них ни какой нужды. Вот вы так грозно говорите: исправник, воинский нанальник и „против властей", а я понимаю, что эти все тоже люди, рожденные, как и я из утробы матери, пьющие, едящие, согрешающие и умирающие, словом, как все люди. И согласитесь сами, зачем же я пойду к человеку, которого мне совершенно ненужно, ведь это надо с ума сойти. Если же, как вы говорите, я им нужен, ну, тогда пускай они ко мне придут—это будет естественно и понятно и в порядке вещей.

— Ну, да, он сказал, но если так допустить, то никто не будет ходить, а через это уничтожатся власти, значит вы идете против властей.

— Но вы поймите, что я говорю; мне они ненужны. Вот он купец или я часовщик, если наше ремесло будет людям ненужно, также и власти, если они мне ненужны, то что же вы можете поделать?—навязывать свои услуги силой, можете меня убить, но сделать так, чтобы я нуждался во властях, не можете. А если я ошибаюсь, то, конечно, власти не уничтожатся оттого, что я, какой-то там часовщик, сделал ошибку. Если-же, как вы опасаетесь, что власти таким образом всем будут ненужны и через это уничтожатся, то что же делать, такова, значит, будет воля Божия.

— Так и не пойдете?

— Ну, конечно!

— В таком случае до свиданья!

— Будьте здоровы!

Зло властей состоит в том, что они насильственны, и власти тоже явились не сами собой. Секрет в том, что надо научиться ладить друг с другом подобру, не нуждаясь в насильственности, а это самое дается человеку сознательной верой, верой в истину, верой в добро, разумением о жизни, жизни во исполнение воли Отца нашего, Иже еси на небесех. Пусть о всяком предстоящем деле я сначала удостоверюсь своим разумом, что оно лежит в воле Божией, что оно добро—и тогда буду делать его и содействовать ему. И нетолько ходить, но не следует пальцем шевелить, не произносить ни единого звука на пользу того, что не согласуется с волею Божиею. И тогда то, что ненужно, то уничтожится само собой по воле Бога. Что будет развязано на земле, то развяжется и на небесах. Мудрость жизни состоит в том, чтобы соблюсти волю Божию, чтобы суметь воздать за зло добром, чтобы разуметь и не противиться злому.

5.

Следует ли одному человеку пользоваться физическим или моральным насилием над другим человеком нетолько в целях подчинения злодея и ограждения личного или общественного благополучия, но и в высших целях духовного об‘единения?

Евангельская заповедь о непротивлении злому решает этом вопрос в отрицательном смысле.

Христианину нетолько нельзя насильничать, но „если кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую“—таков закон Бога для христианина. Кто бы ни сделал насилие: мужик-ли, будочник-ли,

губернатор-ли, архиерей-ли, царь-ли или весь народ, и для чего бы оно ни было сделано, все равно грех, как грех, убийство, блуд, все равно для чего бы его ни сделали и кто бы ни сделал и один-ли человек или миллионы людей, потому что перед Богом все люди равны и потому, что заповедь Божия простирается от земли до небес; она, как молния, блистающая от востока, видна бывает даже до запада. Исуса Христа убило начальство, священство и народ и все вместе сделали большой грех. Для христианина в крайнем случае лучше быть убитому, чем убийцей, лучше подвергнуться насилию, чем самому насильничать. Если меня люди как ни есть обидят, то я, как христианин, должен рассуждать так, что и я обижал людей и это хорошо, что Бог посылает мне испытание для вразумления и для очищения от грехов. Если же меня люди обидят в правоте, тогда мне вдвойне хорошо, потому что через это я становлюсь на одну линию с теми, кто за правду страдает, на одну линию с передовыми бойцами за жизнь, за свет, за свободу. „Радуйтесь и веселитесь“ написано в Евангелии „потому что так гнали пророков, бывших прежде вас“. „Блаженны вы,плачущие, алчущие, жаждущие, гонимые, страждущие за имя Мое, за исполнение Моего слова—радуйтесь и веселитесь, потому что велика ваша награда на небесах“. Поборники истины, люди духа не всегда бывают сильны телом и всегда и естественно в численном меньшинстве и всегда мученики, но мученики сильны добром и побеждают добром. И так добро приходит в мир путем страдания.

Нельзя спасти душу свою грехом, нельзя придти к добру дорогою зла, как нельзя придти домой, шедши прочь от дома. Сатана сатану не изгоняет; зло не побеждается злом, а только накладывается зло на зло и увеличивается. Грех и зло побеждается только духом

противного лагеря: праведностью и добром. Добром, только добром и по меньшей мере терпением и страданием можно и следует гасить зло.

Вор ворует, сердитый дерется; их судят, штрафуют и наказывают; разбойник убивает; его судят и убивают; революционеры убили царя; царь убил революционеров;—это показывает, что ни в том ни в другом месте равно не живут по закону христианскому, закону разумения, смирения, самоотвержения, прощения и братской любви; а живут по закону животному, звериному, по которому „кто кого может, тот того и гложет". Можно рассудить еще так, что человек употребит насилие над горячечным больным, над пьяным, над сумасшедшим, над глупым ребенком, не с целью делать ему зло, а с целью предупредить беду; или человек заблудится сам в себе, допустит себя до грабежа, до насильничества, до убийства; но человек грешен и все грешны и грех грешному человеку нельзя не простить. Словом можно терпеть, простить и допустить случаи, не превышающие естественного предела насилия, предела телесных сил человека, случаи, от которых не нарушится царство Бога в сердцах людей и люди не перестанут быть христианами. Можно именно терпеть, простить и допустить, как неизбежный грех, но не возвеличивать; когда же закон звериной жизни возводится в дело общественное, как закон внешним образом обязательный для всех, возвеличивается, как закон будто бы божественный, то это уже для людей, как разумных существ, которым приличествует возвеличивать законы духовной жизни, законы добра—для людей, особенно для христиан, это будет уже делом противоестественным, антихристовым, отвержением, хулою на дух Христов, дух истины, дух святой—это грех непростительный.

Христос и антихрист живут от века, как два

противоположные понятия о жизни. Жить по Христу, значит жить по человечески, любить людей, делать одно только добро и за зло воздавать добром. Жить по антихристу, значит жить по звериному, любить только себя, а всем прочим делать зло и за зло и за добро воздавать злом. Чем больше в своей ежечасной жизни мы будем стараться соблюдать смирение, свободу и братство, тем больше будет любви и счастья между людьми, потому что эти заповеди небесные, заповеди Христовы. Чем больше мы будем придерживаться гордости, насилия и подчинения, тем жизнь людей будет бедственнее, потому что эти заповеди звериные, заповеди антихристовы. Христос знаменуется ягненком, антихрист знаменуется зверем кровожадным и губительным: у нас орлом, у англичан львом, у китайцев драконом. Заповедь о непротивлении злому заканчивает в сознании человека разделение понятий совершенного добра и совершенного зла и ясно обозначает два пути: путь истины, путь Христов, путь искренности мысли и чувства, путь жизни; и другой путь обмана, путь дьявола, путь всякого лицемерия, путь смерти. И пусть страшно взять на себя крест заповеди о непротивлении злому, пусть страшно отдать себя в жертву злодея, но мы знаем теперь, где дорога добра, дорога спасения, будем же употреблять усилие, чтобы идти по ней и будем стараться расследовать и освешать этот путь светом своего разумения не в надежде проведать будущее, а в надежде приобретения веры в то, что мы не упираемся в стену или во тьму кромешную, а что впереди есть дорога.

Вопервых потери от этого нам не будет, потомучто это наше всегдашнее, обыкновенное положение, чтобы быть жертвою злодея, если не вора и разбойника, то урядника или священника или судьи и начальника; кто нибудь непременно будет нас обманывать,

грабить и на нас ездить; всегда слабый обижен сильным и на всякого сильного непременно найдется сильнейший; таково наше всегдашнее положение в том устройстве общественном и государственном, которое утверждается на насильничестве, на страхе раззорения, страдания и насильственной смерти, т. е. на зле. Но разница будет в том, захочу-ли я сам уподобиться зверю или захочу уподобиться разумному, чистому от зла существу. Если принять в соображение то, что для верующего в действительность духовной жизни, т. е. для человека верующего вообще, высший личный интерес состоит в том, чтобы хоть на пядь подняться вверх, подвинуться вперед по пути преуспеяния в истинной вечной жизни, то остается рассчет непротивиться злому даже и в крайнем случае, т. е. без надежды добром, терпением и страданием при жизни своей на пользу себе победить зло.

Потом, если откинуть от жизни людей это звериное начало, то это не значит, что нужно отказаться также и от охраны жизни и трудов своих и других людей, а значит только, что охранять все это нужно иным способом, непротиворечащим высшему, разумному существу в человеке, а именно: смелым присутствием тут и силою духа, пробуждением в нападающем злодее жизни разумного существа, жизни в нем Сына Человеческого, охранять достойное охраны. Способ этот выражается в Исусовых заповедях о разумной жизни человека: не гневись, не блядуй, не клянись, не противься злому и не различай людей на своих и чужих, а всех равно люби, как братьев. Способ состоит в известном собственном духовном совершенстве, необходимом для приобретения силы воздействия добром, любовью, разумным освещением. В крайнем же случае, если я вижу например, что один человек намерен убить другого, то самое большее, что я могу пред-

принять—это поставить самого себя на место убиваемого и сказать злодею: „я не насильничаю против тебя, но вот тебе моя грудь, убей прежде меня, потому что я не могу выносить и не могу допустить, пока жив, человекоубийства“ — и защитить, накрыть собою того человека и если можно утащить, спрятать его—все равно, как я стал бы спасать человека из пламени пожара или утопающего: дело мое—спасать человека. Ведь и при условии пользования насилием мое положение в этом случае таково-же: либо самому погибнуть, либо спасти; но разница в том, что насилием я возвеличу в себе зло и зло внесу в мир, способом же непротивления злому и самоотвержения я возвеличу в себе добро и добро через меня войдет в мир. Если же я чувствую себя бессильным для самоотвержения, то лучше остаться недвижимым, чем вносить безпорядок в мир и в свою душу злом насилия, его подтверждением и возвеличением, так же как не следует мне соваться спасать человека утопающего или из пламени пожара, если я не могу пренебречь страхом простудиться и утонуть или обжечься и сгореть.

Не противиться злому не значит не бороться собственно против зла, наоборот, это значит не бороться со злом, но не бороться с человеком, бороться только против того, что есть злого, ошибочного в человеке, бороться со злом, сострадая и любя человека одержимого злом. Слова и поступки человека зависят от направления, которое он дает своим мыслям. Вот цель борца со злом в том и состоит, чтобы с‘уметь переменить мысли или с‘уметь вызвать перемену мыслей у злодея. В этом смысле открывается возможность деятельной, исключительной, так сказать апостольской борьбы со злом. Люди, чувствующие в своей душе потребность подвига и самоотвержения, могут идти одиночками на встречу злодеям в ихний лагерь, в

близкие братья, в сожители к ним и ценою личного страдания и унижения, усилием всей жизни своей пробуждать Сына Божия в падших братьях. Способ состоит в том, чтобы по своей воле посвятить себя Богу, связать жизнь свою с жизнью злодея и во всех добрых делах житейского обихода братски разделять с ним благо жизни, помогать и служить ему, а злодейству его мешать своим присутствием тут и своим убеждением, рискуя своею личною телесною жизнию и таким образом посвящая её Богу. Это прекрасный исход для великой души в наше время, когда есть столько легких способов поведать истину громадному большинству жаждущих ее людей, когда особое призвание апостольства среди мирных братьев уже не имеет места, когда если еще не возвеличивается, то сознается уже людьми братство людей и народов; и недалеко то время, когда все люди будут научены Богом и когда, можно надеяться, на месте злодеев окажутся больные, несчастные люди, только по своей крайней беспризорности злодействовавшие. Во всяком случае враг только тогда может быть побежден, когда на борьбу с ним выходят лучшие силы. Борьба со злом всегда должна быть уделом лучших представителей человечества, а не как теперь в существующем порядке полицейских, тюремщиков, чиновников, людей корысти, тщеславия, гордости, любоначалия, лицемерия и лицеприятия, так что если исключить эти пороки из привиллегий теперешних борцов со злом, эти большие жалования, предосудительные доходы, чины, ордена, подчиненность и угодничество, то все эти, теперь такие усердные, борцы и оратаи—все они разбегутся. Чтобы связать зло в человеке надо вызвать в нем перемену мыслей. Обманом, хотя и ненадежно, но всетаки можно вызвать перемену мыслей, насилием же никогда и ни в каком случае.

Есть несомненный рассчет людям непротивиться злодею, рассчет в том, чтобы непротивлением и добром приобрести человека кающегося, а мы не можем даже приблизительно вообразить, чем может наградить нас душа, очищенная покаянием. В каждом злодее, которого мы насилуем и наказываем, мы теряем подвижника. Евангелие говорит, что „на небесах у ангелов Божиих больше бывает радости об одном кающемся грешнике, нежели о девяноста девяти праведниках, неимеющих нужды в покаянии". Если бы хоть не все, хоть сотая часть всех так называемых преступников, которые бессмысленно убиты и убиваются, которые мучились и мучаются отбывая наказание и в нем полагая свое искупление; если бы хоть тысячная доля их под влиянием непротивления и добра до конца покаялись бы и сами отыскивали бы средства своего искупления, то как можем мы знать, что могли бы дать нам эти покаянные души; может быть царство Бога давно уже было бы среди нас в славе и в силе и мы давно не ведали-бы всех тех бедствий, среди которых теперь не видим просвета. Так что противясь злому мы нетолько нарушаем соразмерность, правильность нашей жизни, вредим своему духовному здоровью, но и необыкновенно, неизмеримо много теряем то, что при желании могли бы приобрести.

Когда я расхожусь с людьми во мнениях, то испытываю в себе чувство враждебности и желание победить, подчинить; и если я отдаюсь этому первому чувству, то, считая свое убеждение правильным, увлекаюсь усилием отстоять свою правоту до того, что пожелаю в душе несогласному всякого зла и погибели. А не противясь, но считая свое убеждение правильным, я только сам остаюсь при нем, не отрекаясь, но и не борясь; но свидетельствуя его перед людьми и словом и делом, предоставляю Богу склонять чашу весов в

в ту или другую сторону, памятуя, что мы существа слабые и ограниченные и нетолько не знаем всего, но почти не знаем ничего. Люди не соглашаются с правдой не потому что не хотят понимать ее злоумышленно, а потому что действительно не могут понять, встречают в себе препятствие к пониманию. Чтобы достичь большого успеха понимания истины в людях, надо не удаляться от них, не воздвигать неприступных стен и пропастей разномыслия и раздора, а вместе с ними делать жизнь, рассчитывая склонить к себе несогласных, если не по рассуждению, не по своей силе и воле, то по силе и воле Божией неотразимостью общественного мнения, сущность которого состоит в том, что мы для своего блага неизбежно сообразуемся в своих поступках, словах и даже в мыслях с мнениями людей с одной стороны тех, которых мы любим и уважаем. Так делается жизнь и всегда делается людьми, которые идут вперед по пути жизни. Я рассчитываю, что если я не буду противиться, то противник мой скоро соскучится и придет ко мне другом; если же противник мой не придет ко мне, то я не буду в накладе. Противление друзей делает врагами, непротивление врагов делает друзьями.

Наш русский знаменитый писатель, писатель-пророк, Николай Васильевич Гоголь своим предсмертным поступком показал, что он понимал, что нетолько физическое, но и моральное насилие, хотя и связывает человека, но не погашает зла. Он написал известное сочинение „Мертвые души", которым очень прославился и в котором он высмеивал людей, занимающихся всевозможными житейскими делами, но только не делом жизни, высмеивал мертвые души. Но в конце жизни своей он понял то, что теперь возвеличил Л, Н. Толстой и сжег вторую часть „мертвых душ", которая была им написана, на которую положено было, конечно,

не мало труда, но которая была еще не напечатана и неизвестна людям. Все эти литературные произведения, корресподенции, юмористические журналы, театры, где высмеивается и обличается зло и чем так кичатся теперешние образованные люди, все они связывают только человека, дают временное, потому обманное освобождение людям страдающим от злодея, но не связывают зла в человеке, которое всегда грозит при первой же возможности брызнуть вулканом из под почвы насилия. Насмешка, стыд, неотразимость мысленных логических доводов извне, всюду распространенный пример, не связывают в человеке зла. Связывает зло в человеке только его собственное разумение, эта искра Божества в человеке, то, что делает человека органом или клеточкою Божества. Зло связывает не человек, а Бог.

И наконец известные нам из истории жизни человечества ужасы всех религиозных гонений до Христа от Нероновых факелов до Инквизиции, Варфоломеевской ночи, обоюдуострого меча Ислама и до совершающихся сейчас гонений, мучений и убийств наших русских сектантов—все эти ужасы так убедительно свидетельствуют о безумии насилия и противления в целях духовного об'единения, что трудно прибавить что нибудь к этим кровавым свидетельствам.

Но самое главное, покрывающее все другие рассуждения, высшее разумение состоит в том, что люди живут на земле не за тем, чтобы делать свою волю, а затем, чтобы исполнять волю Божию, которая заложена у каждого человека в разум и сердце и которую раскрывает перед нами релегия единственным, имеющим оправдание в самом себе, учительным смыслом священных писаний и преданий. Все эти царства, правительства, суды, полиции и законы суть выражения обманчивой человеческой воли, что одним людям хочется,

чтобы другие люди все вот так-то жили, но выходит всегда не так по расписанию человеческому, а так, как угодно Богу. Поскольку человеческие установления не мешают людям исполнять волю Божию, постольку они вносят благо, счастье и порядок в жизнь людей, а уставщики-то обольщают себя, что это так хорошо будто все от них. Поскольку человеческие установления противны воле Божией, постольку они вносят зло, несчастье и беспорядок в жизнь людей и обнаруживают глупость и богопротивность уставщиков. Не лучше-ли и не проще-ли заботиться об одном, чтобы делать предметом всеобщего познавания, уяснения и возвеличения самую волю Божию на место всех многочисленных, мудренных и часто непонятных учреждений и законов. Люди, сочиняющие обязательные законы для людей, только мутят жизнь человеческую и отманивают от неизбежной воли Божией. „Ищите праждe царствия Божия и правды Его, а прочее все приложится вам", сказал Христос. Ведь это Моисей говорил своему жестоковыйному народу, что Бог Сам Своим перстом начертил ему заповеди на каменных скрижалях, да еще наши попы морочат ребят своим Святым Духом, но мы этому уже давно не верим, про наших же законодателей верно знаем, что они на Синай не лазят и вдохновляются законами не дальше своих кабинетов, департаментов и трактиров. А если так, то чем же они руководствуются сочиняя законы? В лучшем случае ни чем другим конечно, как только присущим всякому человеку разумом. Так не лучше-ли вместо этих больших огородов, общественных учреждений употребить непосредственно самый разум орудием достижения всякого блага. Разум дан нам Богом не на то, чтобы нас обмануть, а он только в том и состоит, только на то и дан нам, чтобы выводить нас из заблуждения на волю Божию. Сделайте, же такую милость, господа правители и законодатели

поймите, что мы равно все под Богом ходим, что разум-то и у нас есть, и то насилие ваше и ненужно и бессмысленно и возмутительно, и, главное, заразительно и пагубно для нас господствующим примером.

В то время, когда я излагал эти мысли, я получил письмо от своей старшей сестры, моей крестной, старой девы, сельской просвирни: печалуется, что она малограмотна, что тихо пишет, что две странички писала целый день и в конце письма прибавляет: „живу хорошо, слава Богу, благодарю Бога, всего у меня много, только не знаю как душу спасти, как приготовиться, одна забота". Слова эти так близко дошли к моему сердцу, что я заплакал. Я вспомнил свое детство, свою глубоко верующую больную мать, простых, родных людей, мужиков и сокрушонных сердцем деревенских старух, которым я тогда читал Евангелие и жития святых и вместе с которыми молился Богу. Я припоминал все это и плакал; плакал слезами радости, что вот и теперь я могу понимать, что искренно и серьезно могу чувствовать ту великую премудрость, то великое религиозное чувство, которое вскормило и возростило всех нас, блудных детей многострадального народа; плакал, что я не чужой, не отсохший лист, что слова эти звучат для меня великим слыслом и я нахожу в себе на них отклик и ответ. Кто, поживши на свете, не знает того состояния, когда человек после длинной и трудной житейской борьбы во исполнение своей воли и воли человеческой в минуты раздумья мучительно сознает, что все это не то, что все это его не удовлетворяет и даже не может удовлетворить, и из души его невольно поднимается щемящий сердце вопрос: Господи, что же нужно, чем же душу спасти, как приготовиться?—и он усталый и изнеможденный вдруг озаряется светом истины и склоняет голову перед Владыкою жизни; и не то он сам шепчет, не то ему шепчет кто-то: „да будет воля

Твоя!“ Как это несмотря ни на что нам близко и знакомо и если кому еще не знакомо, то наверное, хоть перед смертью да будет знакомо. Как бы ни бился человек, куда бы ни кидался, не уйти ему от воли Божией, так не лучше-ли замириться и стараться не о том, чтобы устроить жизнь, как нам хочется, а стараться о том, чтобы во всяком деле жизни прежде всего находить, возвеличивать и исполнять волю Божию. Хорошо и следует любить дело, которое я делаю. Но даже и возлюбленной своей не следует отдавать своего сердца, потому что сердце мое, сердце человека, сердце разумного существа должно принадлежать Богу; только на этой твердыне нет ни ошибки, ни измены, ни разочарования.

Люди не принимают заповеди о непротивлении злому не потому, что не понимают—тут и понимать-то нечего—а потому что не с той стороны смотрят на дело. Есть между людьми два взгляда на жизнь. Одни смотрят на жизнь со стороны чувственной, личной, суб‘ективной своей, полагая, что мир устроен для них и что Бог выдуман на потребу человеку, и возмущаются бессмысленными страданиями и бессмысленной смертью. Другие имеют взгляд на жизнь противоположный, мысленный, об‘ективный, мировой, божеский, по которому наоборот человек живет для мира, человек для Бога и по которому ясно и разумно, что если человек страдает и умирает, то стало быть так надо для жизни мира, так угодно Богу. По этому второму взгляду есть смысл и нашего рождения и нашей страдальческой жизни и нашей страдальческой смерти; по нему мир устроен удивительно, непостижимо разумно и целесообразно, а по тому, по первому, все выходит бессмысленно. Не ясно-ли, что тот первый взгляд сам безсмыслен*).

---

*) Мрк. X, 27; Луки XVIII, 27. Один богач, послушавши проповедь

И сообразно этим двум взглядам на жизнь люди двумя путями приходят к истине, к одной цели. По первому чувственному взгляду человек, не желая быть побежденным борется, встречает от всюду неудачи, огорчения, утомление, пресыщение и болезни и наполнивши жизнь страданием (нужным собственно для него самого) в конце концов делается побежденным натурою, силою вещей, т. е. достигает положенной одной и той же цели бессознательно, невольно, как раб на цепи с гораздо большим трудом и с гораздо меньшим благом для себя. По второму-же—мысленному, божескому взгляду человек сознательно идет на встречу истине и как разумное дитя небесного Отца, Отца истины, обходит мимо все те страдания, которыя составляют собою удел безсознательного, удел раба на це-

---

Исуса, разчувствовался, подбежал к нему, упал на колена и сказал:

—Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Исус ответил:

— Зачем ты называешь меня благим, благ только Бог, а я человек, для жизни же вечной сам знаешь заповеди: не убивай, не кради, не обижай, почитай отца твоего и мать.

Богач сказал ему:—Учитель! все это сохранил я от юности моей.

Исус посмотрел на него с любовью и сказал:—Ступай домой и все, что имеешь, раздай неимущим, тогда начнешь богатеть в небесах; сделайся вот таким, как я.

Исус, оглянувшись, сказал ученикам своим:—Как трудно имеющим богатство войти в царство Бога, удобнее верблюду пролезть в ушко иглы, нежели богатому войти в царство Бога.

Ученики чрезвычайно изумлялись и говорили между собою:—кто-же может спастись?

Исус ответил:

— Возможно-ли кому или невозможно—это зависит оттого, Как кто смотрит на дело жизни: если человек смотрит на дело жизни с точки зрения узко эгоистической и личной, плотской, то конечно ему это невозможно; но мое учение прежде всего в том, чтобы смотреть на дело жизни с точки зрения божеской, а в таком случае все делается возможным.

ни. А радости жизни, радости и блага не искуственныя, а настоящие, природные и потому самые дрогоценные, даются равно всем независимо от взгляда; и как по первому взгляду пользуются ими люди, так не отнимаются они от людей и по второму взгляду на жизнь; напротив бывает так, что человек обольстившись жаждою наслаждения и заглушая в себе голос истины, скоро отравляет себе всю жизнь страданиями соблазна.

Благовествование в том и состоит, что истина о жизни человека есть дверь открытая для перехода людей из области жизни стихийно-бесознательной в области разумно-сознательную; так что и страдания остаются страданиями и смерть остается смертью, но в разумном сознании они принимаются благом, благом жиз-

---

(Точный перевод с греческого этих слов будет такой: „перед человеками это невозможно, но не перед Богом, потому что перед Богом все возможно". В церковном Евангелии славянский перевод может быть понят правильно, перевод же гражданский уничтожает смысл нетолько этого места, но и всякого учительного писания).

Поступиться преимуществом дарования, внешнего положения, поступиться властью, богатством, переменить привычные условия жизни, не противиться злодею невозможно человеку по своей доброй воле, если в убеждении его, в его вере господствует плотская точка зрения. Но и та ропь добра, которая есть в людях, исполняющих обряды и заповеди— она есть постольку, поскольку в них проявляется божеский взгляд. Возьмите любое время, любое место, любой народ; если в жизни его есть доля разумности, то она произошла не от человеческого узко эгоистического взгляда на жизнь, а взгляда божеского. И все мы хорошо знаем это, что всякий человек постольку достоин названия человека, поскольку он в своих взглядах выступает из пределов узко-эгоистической точки зрения, поскольку он руководствуется в своей собственной жизни божеским смыслом. Тот же самый злой, ужасный человек через Бога, через веру, через религию делается другим неизмеримо лучшим, добрым и прекрасны человеком. В этом все дело, об этом только и разговор, и только ставши на эту божескую точку зрения делается возможным рассуждать о непротивлении и на деле жизни не противиться злому.

ни другой, общей, мировой, божией, вечной, безсмертной.

Слишком ясно то, что моя жизнь в этом божьем мире имеет значение не самостоятельное, но служебное. Слишком ясно то, что в плотском эгоистическом смысле нам предстоит быть побежденными и предстоит умереть; это видят наши глаза, об этом говорит наш разум; об этом свидетельствует вся природа; таков закон жизни Божьяго мира, так угодно Богу. И человек, который достиг этого понимания, мало по малу, по мере уяснения истины, теряет охоту бороться и враждовать с людьми за благо своей плотской жизни, за благо этого, как оказывается чужого, временного и жестокого владыки. Так же как потерял охоту стараться о хозяйской корысти управитель Евангельской притчи, узнавши, что хозяин сгонит его и догадавшись, что он работал до сих пор собственно не для себя. Управитель, понявши это, начал служить хозяйским добром мирянам, чтобы они попомнили его и не прогнали бы от себя, как чужого, когда он лишится должности. Смерть стоит у каждого из нас за плечами, каждому из нас предстоит лишиться должности. Чем же мы будем жить без должности-то?!

Луки XVI. 3. Тогда управитель сказал сам в себе: „что мне делать? Господин мой отнимает у меня „управление домом: копать не могу, просить „стыжусь.

—4. Знаю что сделать, чтобы приняли меня в домы „свои, когда отставлен буду от управления домов.

—5. И призвав должников господина своего каждого „порознь, сказал первому: сколько ты должен „господину моему?

—6. Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми „твою росписку и садись скорее; напиши пять„десят.

—7. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он „ответил: сто мер пшеницы. И сказал ему: возми „твою росписку и напиши восемдесят.

—8. И похвалил господин управителя неверного, что „догадливо поступил; ибо сыны века сего догад-„ливее сынов света в своем роде".

Сыны света в своем роде, зная, что дух человека смерти не подлежит, заботятся о большом богатстве духа, надрываются, уродуются в духовной работе и выдумывают небеса в небесах, недогадываясь, что жизнь обеспечивается в вечности непосредственно, гораздо проще, легче и натуральнее, именно тем, что человек отдает свое какое ни есть неправедное богадство в прибыток вечно живущего неумирающего божьяго мира и тем делает в нем свою долю; еще неумирая в этой плотской жизни уже прозябает вновь, пускает корни для жизни грядущей; вот так, как это сделал евангельский управитель.

—9. И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богат-„ством, чтобы, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители.

Незадаваясь непосильною целью доказывать бессмертие, я позволяю себе здесь добавить мысли, которые косвенно освещают заповедь о непротивлении злому и вместе с другими мыслями, изложенными в этой статье, оживляют во мне истерзанную неведением и неверием надежду.

Прежде всего бессмертие не может быть предметом выслуги или особенной благодати. Если бессмертие есть, то оно лежит в природе вещей и так или иначе обязательно достанется мне независимо от того, буду ли я к нему стремиться и в него верить или не буду. Если же в природе вещей бессмертия нет, то ни

Будда, ни Христос и никакой мудрец не в силах сделать его даже и для себя. Человек детище Божества, но не Бог. Мудрец не творит; он делает только откровение, т. е. открывает то что есть в природе вещей, что еще ни ему самому, ни другим людям до тех пор не было известно. Поэтому бессмертие должно быть не исключительно предметом веры, но прежде всего и преимущественно предметом знания и разума. Живому естественна жажда жизни; все человечество верит в бессмерие и вера дает успокоение человеку; но человеку, пробужденному мысленно дает успокоение только вера, основанная на собственном откровении, т. е. на познании и уразумении.

Вот то именно обстоятельство, что мы знаем Авраама, Исаака, Иакова, знаем умерших и отсутствующих людей—это обстоятельство показывает что в нашей жизни есть такая полоса, над которой смерть не имеет власти, что наше духовное существо (а знает это только оно) превышает и переживает наше существо плотское; это обстоятельство в вопросах жизни и смерти говорит в пользу предпочтительного доверия свидетелству существа духовного и тем дает ключ к уразумению бессмертия. Не в плотском, телесном, вещественном, а в духовном существе Евангелие усматривает истинного человека, существа непобедимого, свободного и бессмертного, и призывает людей перенести интерес жизни из области плоти в область более достойную, в облсть духа, т. е. поверить в жизнь духа, поверить, что дух или жизнь в человеке не есть подобие чего-то призрачного, как говорят в роде тени, дуновения уст или блестящего и угасающего огня и даже не только действителен не менее всего видимого и осязаемого, но что именно он-то и есть сама истинная и непроходящая наша действительнность—поверить так

и тем родиться вновь, родиться вновь, родиться свыше, родиться духом.

Живущее во мне истиное Я есть дух, плоть же есть только материя, из которой дух ткет свои узоры, бумага для написания мудрости или глупости, среда для выражения жизни духа, которая сама по себе в свою очередь живет, хотя и зависящею от меня, но своею, чуждою мне жизнию. И как глаз есть орган зрения, ухо-орган слуха, так и все тело мое не есть собствен- Я, но есть только орган меня, орган духа.

Если нам кажется, что мы впервые зачались жизнею в утробах родителей из ничтожества плоти, то это происходит от того, что мы обыкновенно немного цумая принимаем в рассчет человека только наружного, телесного, вещественного, упуская его внутреннюю, духовную сторону, ту разницу, которая существует между живым и трупом и которая собственно и есть живое, особенное в мире существо. Дух выражается в пространсте, но не подчиняется ему и как в природе у муравья может проявиться больше свойств и способностей, чем у кита, так и дух человека, обнимающий вселенную и бесконечность пространства помещается в сравнительно ничтожной вещественной величине. Величина есть свидетельство внешнего телесного чувства, о явлениях видимого мира—свидетельство, не имеющее достоверного, непреложного значения в вопросах о невидимом духе, о вечности, о бесконечности мира, о бесконечности жизни*). И зачатие мое в ничтожестве плоти ни-

---

*) Есть бесконечность малого и есть бесконечность большого, но сами по себе величина и бесконечность суть понятия противоположные, друг друга исключающие; понятие о величине есть выражение ограниченности и законченности явления, бесконечность же означает отсутствие ограничения, или конца, ипи, покрайней мере, непостижимость величины. И раз мы задаем вопрос: простирается ли наша жизнь в бесконечность, то делаются уже неуместными всякия рассуждения о величине.

сколько не унчтожает предположения о том, что я живу вечно, жил до зачатия, живу теперь и буду жить после смерти—предположения основанного на том, что если бы я не имел в себе задатков вечной жизни, то не мог бы иметь о ней понятия и разговора. Но как приход и жизнь и уход наши покрыты плотию, то для убеждения в бессмертии полезно разоблачение плоти, разоблачения обмана видимости.

Разоблачение обмана видимости состоит в том, что наши познания о своем теле, о природе, о всем внешнем мире, будучи очень полезными и необходимыми для нашего телесного обихода, теряют свое значение в деле суждения о душе, о вечности, о жизни, о сущности вещей, потому что о внешнем мире мы знаем только то, что показывают нам наши внешния чувства: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус; так что если бы мы имели еще какое нибудь особенное шестое чувство, то мир показался бы нам еще более богатым, во всяком случае иным, чем он кажется нам теперь, точно так же, как слепым и глухим мир кажетя более ограниченным, иным, чем он кажется нам, обладающим слухом и зрением. И что такое в сущности своей все предметы, все тела, которые мы осязаем и видим,—что такое материя—эта протяженная, ограниченная, непроницаемая, инертная, тяготеющая в себе материя—этого, оказывается, никто из людей не знает. Все, что мы можем знать о внешнем мире—все это будут впечатления наших чувств, из которых слагаются наши представления; поэтому философы и говорят: мир есть наше представление. А что наши чувства не могут считаться верными свидетелями о внешности, доказывается учением о, так называемой, специфичности чувств. Учение это состоит в следующем: „Одно и тоже внешнее раздражение, действующее наразные нервы, вызывает различные, свойственные, каждому нерву ощущения. И раз-

личные внешние раздражения, действующие поочередно на какой нибудь один специфический нерв, всякий раз вызывают одно и то же, свойственное этому нерву, ощушение. Например, если мы имеем дело с зритель ным нервом, то таким бы раздражением мы на него ни воздействовали—механическим, термическим, химическим, или другим,—мы всегда получаем одно лишь световое ощущение, так как разветвляющиеся в сетчатке глаза окончание зрительного нерва воспренимают лишь одну определенную категорию движения. С другой же стороны одно и тоже раздражение, скажем механическое, действующее одновременно на окончания различных специфических нервов—зрительного, слухового, обонятельного—в одном случае взывает световое, в другом слуховое, в третьем обонятельное ощущение *). „Таким образом, восклицает Бунге, знаменитый физиолог, окружающий нас мир не имеет ничего общего с нашими ощущениями и представлениями и является для нас книгою за семью печатями". Мы сидим в мешке нашего чувствилища и попытка действительно узнать внешний мир может осуществиться только условием выхода из этого мешка, т. е. условием плотской смерти. Такое изследование жизни разрушает у человека очерование внешнестью и переносит работу мысли внутрь, туда, где возможно непосредственное знание, в область сознания моего „Я", в область человеской души, не знаемой и не представляемой, но которая несомненно существует, потому что знает, представляет, сомневается или верит, которая сама не освещается ничем, но все освещает собою. Пусть уничтожается то, что неизвестно и сомнительно, что возни-

---

*) Закон о „специфической энергии чувств" открыт ученым Иоганном Мюллером. Читай книгу; „Дух и материя". Издание Посредника, статья: „Что такое жизнь".

кает и уничтожается в круговороте хаоса,—этого не жалко; то же, чего жалко, моя душа, не испытывает возникновения; она всегда и везде воистину пребывает, или, как говорит Л. Н. Толстой „Сознаю я всегда свою жизнь не так, что я был или буду, а так что я есмь—никогда ни где не начинаюсь, никогда, нигде и не кончаюсь“ *). Воспоминания и воображения сут созерцаемые мною воспоминания и воображения; но не тот всеосвещающий элемент Божества, который я считаю собою, своею душою. И как дитя в утробе матери не знает нашей жизни, как живущий в Киеве не видиттого, что делается в Москве, так человек не знает того, что было с ним до рождения и что будет после смерти;—не знает не потому чтобы жизни не было, а—не знает по ограниченности этих орудий, способностей постигновения, и по необходимости для блага настоящей минуты жизни видеть и знать то, что нужно здесь и сейчас. Но каково бы ни было наше чувствилище или наше тело, оно исполняет свое назначение служить орудием наших отношений к явлениям мира, к целому миру, друг к другу между собою и к Богу; наши же отношения к миру составляют нашу жизнь.

Мы говорим, что лес произошол от березы и пожар уничтожил лес, но эти наши понятия суть только условные наши понятия, неимеющие основания в существе дела. Если от одной березы может родиться огромный, необозримый березовый лес, то близоруко будет полагать, что именно береза имела такую чудодейственную способность сотворения из себя такого огромного проявления жизни. Трудно для разума усматривать в семени все многообразные элементы дерева или леса, как трудно также допустить, чтобы мужчина с женщиной могли бы сделать человека, не-

*) См. „Дух и материя,“ статья „Два взгляда на жизнь.“

только подобного себе, но в большинстве случаев лучше себя. Гораздо проще и вероятнее думать, что семячко или плодность березы были только своеобразною дорогою, по которой ст куда-то пришла в наш мир уже готовая своеобразная жизнь. И что во внешнем мире, то же и в мире духовном. Какой нибудь мыслитель открывает новую великую идею; при этом нетолько он сам проникает в новую область видения, новую область сознания и чувства—рождается в новую область жизни; но и служит дорогою, по которой другие люди следуют за ним. Учитель не делает ученика, он только показывет дорогу. Это только обман очей плотских, что будто что-то вновь рождается; на самом деле все только живет, проникая в новые и новые области жизни и жизнь есть непрестающее рождение: и нетолько 30 или 40 лет тому назад, когда я был ребенком или в утробе матери, но вчера я был не совсем тот, каков сегодня и никогда не рождался из ничего. Рождение и смерть не суть возникновение и уничтожение, но суть только перемены формы, и жизнь есть неперестающее изменение формы, выражения, образа. Но вот пришла засуха и весь березовый лес сгорел. Исследование горения показывает, что оно есть явление перехода вещества из одной формы в другую, вещество же во всем мире одно и тоже вещество. Но та сила, та жизнь, которая в березе давала веществу известную форму и делала вещество березой—эта жизнь неуловима. Она неуловимо пришла, проявлялась перед нашими глазами с очевидностью и так как она неуловима, то мы не имеем никакого основания думать, что она уничтожилась горением или гниением. Если же мы видим воочию, что жизнь неизвестно откуда напирает в наш мир и неизвестно куда уходит, то естественно полагать, что мир, в котором мы живем, есть только одно из звеньев жизни. Эта мысль—только с другой

стороны, со стороны внутреннего самопознания—выражена в Евангелии словами:

Ин. III. 8. Дух дышет, где хочет и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит; так бывает со всяким, рожденным от духа.

Другими словами сказать: это сознает, понимает всякий рожденный от духа, т. е. верующий в действительность того, что нельзя видеть и ощупать, но что можно сознавать и разуметь. Вот то, что можно только разуметь, но неизвестно откуда приходит и куда уходит; оно не ограничивается пространством и временем, познаваемым и обитаемым нами миром; оно небесное.

Никодим пришел к Исусу ночью и сказал: *).

— Мы знаем, что ты учитель, пришедший от Бога, потому что так высоко держать свое знамя, знамя учителя, как это делаешь ты, нельзя своей волей, но только особенным даром от Бога.

Исус сказал:

— Тут нет ничего особенного, а так и надо: учителю жизни следует высоко держать свое знамя. И нетолько учителю, но верно говорю тебе: всякий, кто хочет видеть царство Бога, тот должен подняться выше видимости, тот должен родиться свыше.

Никодим сказал:

— Как это так родиться свыше? Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?

Исус отвечал:

— Я не о том говорю. Я говорю о духовном рождении. Вот то все—не плотское, а то высокое—что было написано на знамени Израиля и пророков; вот в него надо войти, погрузиться, окунуться и от него родиться. И верно говорю тебе: нет другого

---

*) Иоан. III. 1—21.

пути в царство Бога, как только через такое рождение, рождение свыше. Это обыкновенно человеческое дело и это так ясно: от плоти рождается плоть, от духа рождается дух. Чему ты удивился, когда я сказал, что должно родиться свыше. То, о чем я говорю—рождение в жизнь духа—верно, что есть рождение свыше, потому что дух выше плоти, которая ограничивается пространством и временем, духом же я пребываю и там, и здесь, и везде, и всегда и оно—это мое рожденное от духа—действительно есть, так что я с ним разговариваю: слышу от него вопросы и получаю от него ответы; и не знаю откуда раздается этот голос и где исчезает; так бывает со всяким рожденным от духа.

Никодим сказал:

— Не понимаю, как это может быть?

Исус отвечал:

— Ты учитель Израилев и этого не понимаешь! Ведь это основа нашей еврейской веры—„Я есмь Господь Бог твой", „Не делай себе изображений Божества"—основа есть отрешение от мира внешнего и духовное пробуждение. Уверяю тебя, что мы не проповедуем ничего выдуманного от себя, гадательного, но только то, что видим и знаем; и всякий, если постарается может также видеть и знать. Я затрудняюсь говорить с тобою, потому что я начал с азов, сказал о самом первом, для человека обыкновенном, а ты пришол в удивление, как же говорить о прочем, что выше. Ну, вот, слушай, тоже самое я скажу тебе по другому. На небо ведь никто не лазил и Бога никто не видал и нельзя поэтому свидетельствовать о внешних, видимых небесах, о внешнем видимом Боге. А вот то что живущий на земле человек мыслями своими духом своим разумеет о небесном видит небесное, то это не иначе, как только оттого, что он имеет небесную природу или что он живет, присутствует в мире

небесном *). Человек в сущности своей, духом своим есть небесный житель, Плоть сама по себе не ведает ни заблуждения, ни страха смерти, только большие глаза духа в человеке терзают ее искушениями и страхами. И как Моисей перед Израилем в пустыне вознес змию—этот символ искушения и мудрости—так и нам надо выделить и поднять на вид требования духа, чтобы найти спасение в пустыне нашей жизни, пустыне смертей. Чтобы найти спасение надо возвеличить в себе требования духа, надо перенести руководящий интерес жизни из области плоти в область духа. Духа нельзя видеть или ощупать; его всякий знает в себе и можно только поверить в действительность духа. Все дело в этом: верить или не верить в действительность духа, в действительность этой небесной жизни. Люди разделяются в духовном отношении на живых и мертвых, т. е. на верующих и неверующих. Неверующий говорит: какой там дух, а вот что с‘ел, употребил, то и мое, и он, не много думая, заботится только о внешности, делает свои плотские и злые дела, лжет, величается, рабствует, не чувствует в себе потребностей высших: свободы, правды, любви; и хоро-

---

*) „Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес сын человеческий, сущий на небесах. Иоан. III. 13.

Это же самое, только поиначе, говорит философ: „Назначение человека осуществлять истину и добро в этом мире, лишонном истинности и доброты. Мать-природа, ненормальная действительность, носящая в себе свое собственное осуждение, породила человека не по чистой случайности, не отбором, приспособленным к внешним условиям, но по внутренней необходимости, именно, чтобы дать распуститься этому божественному цветку добра и истины“. А Шпир. Очерки критической философии. Издание Посредника 1901 г. стр. 82.

Хаос—это не то, что когда то, очень давно было, а это есть то, что мы видим сейчас, кругом: безнравственная ненормальная действительность, мать-природа. Порядок же, добро, истину, норму жизни челсв имеет в себе; здесь начинается царство неба.

нится от света разума, потому что мертв и потому что свет только живому дает жизнь, а мертвое сушит и гноит. Вера в действительность духовной или небесной жизни дает другое направление мыслям человека. Верующий побуждается верою к высшей жизни, в которую верит, обращает внимание свое во внутрь, старается разобраться в своих чувствах, в своих мыслях, старается делать свою жизнь по высшим требованиям: свободной, правдивой, любовной; ищет истину и тянется к свету, потому что жизнь духа невозможна без света разума. Свет-же разума есть то, что выше всего; это есть то, что сказано в заповеди: „Я есмь Господь Бог твой". Среди людей нет ни совершенных жителей тьмы. ни совершенных жителей света, а все на распутьи и каждый, имея свободу идти, идет туда или сюда Но всякий верующий в действительность духа, живущий под светом разума, пребывает в царстве Бога и имеет жизнь вечную. И придет время, когда не будет мертвых, все будут слышать голос духа и в добре блаженствовать, а злое погашать муками покаяния.

Человек испытывает в своей душе противоречие в требованиях от жизни, о котором говорит Ап. Павел: Рим. VII. 22. „Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием".
2. „Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего, и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих".

Это противоречие между требованиями личности и требованиями разума приводит человека к самоотвержению, к желанной смерти, для блага-же существа смертного это совершенно не нужно. Если бы наша жизнь представляла собою в этом мире единое законченное все, то нетолько для самоотвержения и желасмерти, но и для самого внутреннего противо-

речия не было бы места, или оно, случайно возникнувши, должно бы уничтожаться с первым же вопросом о благе; а между тем оно, именно с первым то сознательным вопросом о нашем благе и рождается, и потом, чем больше мы пытаем о своем благе, тем оно больше разростается и укрепляется. Это показывает ни что нибудь, как только одно, что человек несет в себе начало другого, особенного отношения к миру, начало новое, живущее насчет старого и вступающее поэтому с ним в борьбу, которая и выражается для него внутренним противоречием в требованиях от жизни. Возникновение же во мне этого нового начала совершенно не имело бы места, если бы моя жизнь в этом мире оканчивалась бы уничтожением. Надо поставить Источником и Началом жизни злодеяние и обман, чтобы допустить, что Они, давая мне в разуме поедающее меня начало новой жизни, потом уничтожили бы всю мою жизнь; и это живущее в людях разумное начало, начало добра, правды и любви, все то, чем человечество высоко и чем оно дорожит, надо тогда почитать обманом, ненужностью, огромною болезнию — тогда надо поставить Бога безумием; короче сказать: если не верить в бессмертие, то людям надо перестать быть людьми. Учение о непротивлении злому разрешает наше внутреннее противоречие в требованиях от жизни в пользу этого нового начала, чем нетолько не уничтожает самого явления противоречия, но доводит до крайности и утверждает; уничтожает его только понятие о бессмертии. Учение же о непротивлении злому невыдумано, а оно естественно и не отвратимо вытекает и обнаруживается для человека из его религиозной жизни, из его унаследованной и приобретенной нравственности, так что ему предстоит либо принять это учение, либо явно пойти назад до того, чтобы перестать быть человеком. В итоге само

возникновение учения о непротивлении злому как нельзя более доказывает наше бессмертие, чем связываются между собою оба эти учения.

Всякий человек в известной мере тянется к свету' старается сделаться по возможности разумным, мудрым и хотя в разные времена в разных обществах людей разное бывает понятие о мудрости, но действительная мудрость признается всегда и везде; это мудрость религиозная, мудрость о жизни самого человека. Религия в ея истинном смысле, в смысле науки о жизни человека своими заповедями ставит, так сказать, вехи, маяки, столбы по дороге мудрости, руководствуясь которыми человек всегда будет в обладании разумением, всегда будет мудрым. И вот самая главная и всеоб'емлющая заповедь разумной жизни, заповедь высшей мудрости, есть заповедь о непротивлении злому. Когда сильный и мудрый, сталкиваясь в жизни со злом или злым, не сучит кулаки, не унижает себя, а силу борьбы, силу своей жизни проявляет в возможно большем освещении предлежащего зла светом своего разумения, то это можно назвать сознательным непротивлением злому. Когда же человек или вообще существо в природе слабосильное и глупое, сталкиваясь со злом или злым, смиряется и покоряется по страху, то это можно назвать бессознательным непротивлением злому. Но в сущности это, как явление в природе, одно и тоже проявление разумения, разница только в силе, в достоинстве, так сказать, в возрасте разумного существа. Вся разумная жизнь человека высказывается и выражается в этой заповеди Исуса; в ней лежит основание и вершина, рождение и совершенство человека, как разумного существа на земле. Не противиться значит разуметь, иначе нельзя не противиться, иначе

нельзя разуметь. Все, что мы имеем хорошего, доброго, разумного, сделано не этими господами, что сучат кулаки и обнажают мечи, а людьми покорности, терпения, непротивления. Наша жизнь полна явлениями непротивления и в ней среди всех прочих заповедей нравственности заповедь о непротивлении злому главенствует и так прочно закреплена рабством, покорностью и вековечным терпением каждого многострадального народа, что остается только выдвинуть ее в сознание и возвеличить, как закон жизни.

В мире внешней природы, у растений, у животных нет ни добра ни зла; нет также этого и в живом неосмысленном теле человеческом; грань эта, отделяющая добро от зла, начинается в душе человека его способностью сознавать и разуметь. Прекращение борьбы при исполнении заповеди о непротивлении злому это самое показывает на деле жизни; оно показывает, что в области взаимных отношений людей, как разумных существ, внешний мир не место для борьбы со злом, а что место это в душе человека, там, где начинается понятие о добре и зле. В душе человека с юных лет идет непрестанная борьба со злом и туда, где совершается эта естественная работа, как работа земледельца над своим полем, работа насилия высших свойств души над низшими побуждениями плоти—туда следует закладывать начало всякого доброго и разумного дела и там в этой духовной области бороться с невежеством, с дикостью, с заблуждением и со всем тем, что человек считает злом.

Интересы насилия для каждого разумного человека ограничиваются своим телом, своею плотию, потому что в этом насилии духа над плотию состоит работа и питание души. Другой же человек, чужая плоть имеет своего однородного хозяина и насилие, направленное на нее, не имеет разумного оправдания; оно

не нужно. Непротивление злому имеет именно эту самую цель, цель обнаружения ненужности насилия, чтобы обезоружить насильника не по своей личной ошибочной воле, а по непреложной воле Хозяина всякой жизни; потому что все ненужное, как зимняя шелуха змеи, как осенний желтый лист отпадают и уничтожаются сами собой по воле Творца, и потому что высший смысл жизни человека на земле состоит в том, чтобы исполнять не свою волю, но волю Господа жизни. Много есть средств обезружить злодея, но возвеличивается непротивление потому, что оно не угнетает, не уничтожает человека в его целом, но уничтожает только то, что есть злого, ненужного, мертвого в человеке. Ценность заповеди о непротивлении злому состоит в том, -что она, делая ненужным насилие, осуществляет требования разума и сердца и открывает возможность совершенно доброй жизни, жизни по воле Творца.

„Разумная деятельность от безумной отличается только уместностью“. В мире человек. Мир живет несомненно по воле Того, Кого мы называем Богом. Человек, чтобы жить необходимо должен желать жить. Воля Бога может простираться внутрь в пределы личности, но кто возмется утверждать, чтобы она была там необходима? Кто возмется утверждать, чтобы человек сам своею волею не мог управиться сам в себе и понимать и делать все то, что требуется от него для жизни того мира, в котором он живет; утверждать это значит отрицать данную Богом человеку свободу жизни, свободу спасти себя или погубить, отрицать свое разумное существо — утверждать это значит отрицать человека. Воля человека может простираться в мир за пределы его существа, но кто решится утверждать, чтобы она была там необходима? Кто решится утверждать, чтобы в жизни мира мог быть ущерб от его

человеческого личного невмешательства; утверждать это значит говорить о недостаточности воли Божией, значит отрицать Бога. И в том и в другом случае очевидно, что неизбежной необходимости нет, а есть только одна возможность. Мирское зло состоит в утрате или в туманности сознания пределов личности; необходимость ставится на место возможности: люди или отрекаются от своей воли или свою волю ставят на место воли Божией. Исполнение заповеди о непротивлении злому востановляет порядок жизни напоминанием и утверждением об уместности.

Успех оправдывает дело; победил, так и прав, правда в победителе. Таково плотское, животное, языческое понятие об истине—понятие, по которому слово истина только пустой звук. Что такое истина? Вот ужо повесят тебя с твоей истиной, сказал Пилат. Но Христос видит истину и видит ее на противоположном конце: прав побежденный. Если ты лично в борьбе с человеком победил, то знай, что неправ непременно ты, что истина не на твоей стороне. Истина в побежденном, в побежденном Бог; побежденный воплощает в себе понятие о господстве, о Боге,.. первое и основное понятие разумного существа. Таково положение человека на земле и единственный путь из этого, на первый взгляд печального положения—это не противиться злому, не бороться с человеком, признать себя навсегда побежденным заранее, быть навсегда побежденным Богом—путь, который освещается и возвеличивается истинною религиею разумением о жизни человека. Человек есть раб; таково его естественное состояние; и свобода его лишь в том, какого избрать себе господина *).

---

*) Слова Л. Н. Толстого. Из личных бесед.

Все мы живы только потому, что нужны Богу; и все мы нужны Богу только в состоянии подвигающихся к Нему. Затем и борьба, затем и страдания, чтобы обеспеченно было это движение посредством внешних обстоятельств, когда мы не хотим делать этого по внутреннему побуждению прямо и добровольно. И все мы идем к Богу буйной толпой, толкая вперед и вышибая друг друга подзатыльниками и заушениями. Когда же кто нибудь, измучившись, завопит раздирающим душу голосом: господа, ужели нельзя без этого!— то мы останавливаемся и в недоумении восклицаем: а как же иначе, так всегда было, правда. что дурно, но что же делать?! Что же делать, что же делать! Ничего особеннаго не надо делать, а надо идти вперед по пути жизни, но идти стройной и мирной толпой, поддерживая ослабевших и поднимая упавших, радуясь, веселясь и пользуясь всеми теми благами, какия доступны человеку в этом мире; а чтобы это случилось, ничего особеннаго не надо делать, а надо только непротивиться злому.

Непротивление, устраняя борьбу, освобождает вероятность и возможность успокоения, освобождает поле для иного духовнаго взаимодействия, в котором уже другия силы и другие интересы. Призвание же человека на земле, как показано это в Евангелии искушением Исуса от дьвола и беседою с Никодимом, именно в том и состоит, чтобы освобождать и возвеличивать это разумное сознание, этого Сына Человеческаго, этого Сына Божия в человеке. Непротивиться значит пробуждать, воскрешать Сына Божия, Христа, противиться—угнетать, распинать Его. Человек — разумное существо, благо разумнаго существа лежит в торжестве и господстве разума; для торжества же и господства разума необходимо прежде всего успокоение страстей плоти. И как в жизни одного человека, так

и в общественной жизни народов, никогда не может утвердиться господство разума на почве страстей. Заповедью о непротивлении злому достигается осуще. ствление в жизни этой аксиомы мудрости.

Разумение и сознание заложено в души всех людей и Евангелие внушает ценить это дороже всего: „Кто скажет брату своему ракà, подлежит суду, а кто скажет безумный, подлежит геенне огненной". Только души человеческия в сознании и разумении находят общность, единство, единение и любовь; во внешнем же мире каждое существо любит само себя больше всего остального мира. Заповедь о непротивлении злому, определяя место для борьбы со злом, разрешает вопрос вечнаго противоречия между внешним миром розни и вражды и духовным миром единения и любви, и соединяет их в одно царство Бога, как об этом вдохновенно сказал Исус Нафанаилу: „Отныне уничтожается грань между небом и землею и силы неба будут также служить человеку, как служат ему силы земли*).

6.

Однажды мы с ветеринарным врачом ездили по деревням, собирали сходы и проповедовали мужикам устав добровольнаго земскаго страхования скота, которое тогда только что вводилось. В одной деревне врач, заканчивая свою речь, сказал: „Теперь страхование вводится от всех болезней, не как раньше было от одной чумы, теперь не нужно уже звать ветеринара, для того, чтобы определить, отчего пала корова, потому что все равно, отчего бы она ни пала, раз застрахована, деньги выдадут". Стоявший в стороне высокий седой

*) Ін. I. 51. „И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну человеческому".

старик сказал: „Вот это будет больно хорошо, чтобы вы к нам не ездили". Это было сказано трезвым человеком и серьезно и произвело некоторое замешательство в мыслях. Мы думали, что мы разносим радостную весть, благодать, добро для мужика и вдруг такая отповедь. Дорогою потом в разговоре по этому случаю врач об'яснил слова старика невежеством, мужицкою тупостью, а во мне тогда уже шевелилась критическая мысль о полезности своей деятельности и я приложил это в своей памяти. Старик этими словами сказал, как ему надоели все эти постоянно беспокоющие его господа и как будет хорошо, если они перестанут делать это. Ему очевидно, что в этих чиновниках нет ни особенного ума, ни особенных добродетелей, ни особенной пользы, а есть только возможност постоянно его тревожить, разорять и унижать и он, старый человек, спокойно говорит: ох, как было бы хорошо, как бы вас не было.

Слышавший это я еще в детстве, в бурсе мечтал о том, как было бы хорошо, если бы не было бедных, обиженных, несчастных, какую бы такую придумать машину, чтобы человеку нельзя было обижать человека и молился об этом Богу за всенощной в своей бурсацкой церкви. Потом со временем меня невольно притянуло к себе общество людей, которые на многое открыли мне глаза и оставили во мне лучшия, возвышенныя воспоминания—людей братства, равенства и свободы, которых называли то нигилистами, то социалистами, то революционерами—но я не видел тогда что можно поставить вернаго на место того, что они находили нужным разрушить, и был еще глуп и страх за свою шкуру взял во мне верх и я не пошол с ними на те страдания, на которыя они самоотверженно шли, но и до сих пор я ставлю их себе в пример по части любви к народу, мужества и самоотвержения, по части стра-

дания за идею. И вот теперь в 35 лет я почти бессознательно, но неотразимо почувствовал, что голос Бога зовет меня к Себе в третий раз. К этому времени я уже много нагрешил и сознавал грехи свои, понимал, что если моя жизнь нужна в жертву правды, то разве можно ее жалеть, и всем существом своим отдался этому новому призыву. И стараясь прежде всего разобрать дело, я к великой радости находил, что то, о чем я в детстве молился, что потом покоряло меня в обществе людей братства, равенства и свободы, и что властно захватило меня теперь, что это все одно и то же—то великое и святое дело, котораго добивались и отдавали жизнь свою за него самые лучшие, самые совершенные люди, какие только были во все времена на земле, такие, которых люди даже обоготворяли за их добро. Я понял, что мое дело не в том, чтобы придумывать что нибудь и сделать особенное что нибудь, а только послушаться тех великих людей и самому разуметь. Но мало этого, я понял, что это не изобретение доброжелателей человечества, а что это гораздо глубже, тверже, несокрушимее, что это закон природы разумнаго существа, что это, наконец, моя вера, моя религия, что это основа веры предков, отцев и братьев моих, что я пришол домой, что и ходить некуда за общим спасением, а что оно в нас самих, что страданиями и жертвами жизнию лучших предшествовавших людей это давно лежит уже и в нашем сердце и в нашей религии; что надо только твердо держаться за то, что мы христиане, что мы имеем право быть христианами, что нас много, что таковы мы все; что враги света и свободы и сильные мира сего сами тоже христиане, к тому же обязаны религией; что как никак эти большия рыбы наконец запутались в Исусовом неводе премудрости, во Христовой сети

веры*); что еще несколько сот лет тому назад они могли бы отречься от христианства, а теперь уже этого сделать нельзя, никто не пойдет за ними; что они наконец попались так, что уже окончательно податься нѐкуда. В этом состоит наше величайшее победное во Христе торжество. Старик прав, божественно прав: прав старик деревенский и прав тот великий старик „лев из колена Иудина, иже победил есть разгнути книгу и разрешити печати ея“. Близко, при дверях уже то время, когда первые окажутся последними, а последние первыми, или когда не будет ни первых, ни последних.

Пусть всякий человек своими собственными глазами и из своего положения смотрит на истину и применяет ее к себе; истина от этого нетолько не пострадает, но это единствтнный способ ея возвеличения. Что же касается меня, то истина мне открылась тем, что служить грех.

Грех принимать участие в делах тех громадных разбойничьих становищ, которыя называются государствами, и которыя, раскинувшись по всему миру, поделили его между собою, так что человеку, ищущему спасения деться некуда. И грех кормиться от разбойничьяго стана. Грех брать насильственно плату за труд нетолько в сомнительных случаях, но и тогда, когда эта плата справедлива. Евангелие учит, что грех должника душить за горло, потому что мы прежде всего сами все должники у Отца нашего небеснаго. Но еще больший грех навязывать свой труд насильственно другим людям, которые его не хотят принимать. А из этих грехов состояла в ея существенном значении служба моя, служба земскаго ветеринарнаго фельдшера; из этих же грехов состоит служба грамаднаго большинства служащих.

---

*) См. Сочинение Петра Хельчицкаго. „Сеть веры“.

Деньги эти, которыя заведомо собираются насилием, представляют собою цену всего, что может произвести насилие: цену непосильнаго труда, слез, крови, жизни отцов, матерей, детей, братьев и сестер, цену непорочности, целомудрия, супружеской верности, сыновней любви—эту денежную цену всего, что для человека на земле и благо и свято, потому что для насилия, для силы звериной нет ничего благого, нет ничего святого. Поностоящему я должен был гнушаться, бежать с чувством страха и отвращения от таких денег; они должны были обжигать мне руки. Если же этого не было со мною, и я свободно и легко их брал, считал, клал спокойно в боковой карман к самому сердцу, шел на базар, покупал на них и еше торговался, то это происходило не оттого, что будто деньги, все вообще деньги чистыя, а происходило это от моей бесчувственности, глупости, от моей нравственной тупости, в которой я мнил о себе, что я нетолько не злодей, но приношу пользу обществу, даже больше, я воображал себя особенно полезным именно тем самым крестьянам, которые суть жертвы наибольшаго насилия.

Но и помимо того, что источник жалованья—эти деньги, добытыя грабежом и обманом—оскверняет и уничтожает всякое служение ближнему, помимо этого служение народу в высшем смысле служения Богу и ближнему нельзя совместить с должностью и жалованьем, хотя бы эти деньги падали с небес. В уместности поступков состоит все дело разумной жизни. Предметом материальной выгоды, как предметом в жизни второстепенным, должны быть и дела второстепенныя: земледелие, ремесла, науки, искусства. Но и в земледелии, в ремеслах, науках, искусствах, как и вообще в жизни, то, что убеждение земледельца, ремесленника, ученаго, художника, что вообще есть личное убеждение человека, то превыше всякой цены,

не может иметь разумной продажи и не может происходить по должности. Личное убеждение человека, как плод духовной жизни его, есть святыня для него, и деятельность убеждения всегда должна быть жертвою Богу, и только в таком случае приобретает свою святость веры. Служба тем только и отличается от ремесла, от простого житейскаго дела, что в ней нет места господству личнаго убеждения. И человек поступающий на службу, в распоряжение других людей, тем порабощает себя в высшем смысле, как бы оскопляется в духе и делается бесплодным в смысле истиннаго богослужения.

Отощает-ли у человека карман, заговорит-ли у него совесть о том, что он бездельник или просто чтобы чем нибудь кормиться, всякий с радостью идет на службу. Как будто нет других способов прокормить себя и как будто нельзя удовлетворить требованиям возмущенной совести иначе, как только по должности, как только отдавши себя в рабство, корыстное, постыдное рабство. Служить, служить, служить! Ужели так и нельзя уже просто жить, жить самому по себе свободным братом между людьми, почему непременно кому нибудь и чему нибудь надо служить. И разве все людн всегда так или иначе не служат друг другу: земледельцы, ремесленники, купцы, жены, матери, отцы, дети, сестры братья—тем все мы и живы, что все всегда служим друг другу. Если в общем течении жизни многие забываются и служат больше себе, то можно не забываться самому и при доброй воле служить больше другим, чем себе. Но людям хочется как то особенно служить, именно по должности и за жалованье. Говорят: „мы служим делу, а не лицам“. Но какому делу—Божьему-ли? Если Божьему, то Божие дело не может происходить по должности и по найму, а если не Божьему, то ведь рабство и преклонение перед делом, перед вымы-

слом, перед изделием человеческим, перед идолом, в смысле истинного человеческого достоинства ниже и бессмысленнее рабства перед целым живым человеком, всегда носящим в себе в пучине заблуждения и обмана и живой образ и подобие Бога; разве только, что служение идолу оставляет место для гордости перед людьми, чтобы кой кому можно было сказат: „я тебе далеко не брат“; не в этом-ли преимущество и приманка службы! Нет это ни что нибудь правое, возвышенное, полезное, а это просто наша вековая привычка рабствовать и еще коварный обман, очарование плоти, влекущее человека в кабак, в дом терпимости и вот наконец на службу, на торную дорогу, на легкую работу, на глупое чванство, на сладкие харчи.

Человек по какому-то непонятному влечению старается заглушить растущее в нем по законам природы новое высшее благо, благо разумного сознания. Непонятное влечение это можно об'яснить только инерцией, которую мы заимствовали подражением от наших учителей и вождей, инерцией непомернаго пристрастия к благам исключительно грубой плотской жизни. Только этим можно об'яснить всюду разлитое пьянство, табакурство, мясоедение, особенно выставленныя детородныя приманки, карты, усыпляющее и одуряющее молитвословие (напр. Господи помилуй сорок раз) торговая и промышленная конкуренция, кипучая общественная деятельность. Недавно мне пришлось мимо идучи постоят около карусели, на которой кружились за деньги дети ивзрослые. И я размышлял; какая цель этого дела; и нашел, что цель таже, чтобы забыться. Вот так все человечество кружится на той необозримой карусели, каторая называется по писанию царстовм антихриста. Люди с жадностью и на всевозможные лады упиваются всем, что их сколько нибудь одуряет. Служба принадлежит к тому же разряду усыпляющих и угнетающих

разумное сознание средств: чтобы не трудиться ни сердцем, ни умом, не ломать головы над каждой мелочью своей жизни и не ведать чем будет завтра пообедать, не собирать себе пропитание по грошам и учитывать праведность каждой копейки; а то ли дело получать готовое содержание, войти в готовыя определенныя рамки, то ли дело на службе: будешь сыт и будешь делать, что прикажут, по рабской пословице: „ешь, что поставлено, а делай, что заставлено." Но от закона природы не уйдешь, разве только себя изуродуешь".

Недавно я был в гостях у знакомых. Разговор зашел между прочим об одном красивом молодом человеке, который был настолько близорук от природы, что шутили про него, будто он снимал шляпу перед фонарными столбами.

— Вот, говорили, недоумок. Недоумок, заметила одна, а теперь подиж ты, говорят, служит в Москве и хорошее жалованье получает.

— Что ж, сказал я, служить это не то, что нашему брату мастеровать, тут большого ума и не нужно.

— Ну, уж вы со своим мастерством...

— В самом деле, продолжал я, в мастерстве ежели большой ум, так это подай Господи, а на службе большой ум даже вредит и много вредит. С маленьким-то умом человек привыкнет к делу и строчит себе, да строчит...

— Конечно, ежели приучить, перебил меня сидевший рядом со мною мальчик, вот у нас Питютькин дурак-дурак, а привык на колокольне звонить и лучше сторожей отличается.

Все засмеялись.

— Я, говорю, в газетах читал, что в Америке и в Индии приучают обезьян служить в рудниках и на заводах и не нахвалятся: работают они описывается, прилежнее людей, не ссорятся, не бунтуют и жалованье

не надо платить. Самое это ихнее, обезьянье, собачье дело — служить, а человеку это должно быть не благопристройно, не подобает.

Мое заключение было принято несовсем благосклонно, но никто не возражал и разговор перешел на более интересную тему о том, как удивительно служат в балаганах и цирках собаки и свиньи и у венгерцев обезьяны, а я погрузидся в размышления.

Истинное достоинство человека, думал я состоит в высших потребностях духа: свободы, правды, любви, которым не место на службе и которыя приобретаются не наукою, не привычкою, но верою. Искренно верующий есть человек, а прочия все существа мира, ученые и не ученые, только более или менее близкая или отдаленная возможность. Люди все, если не сознают этого, то бессознательно чувствуют и искреннее, непритворное уважение свое невольно склоняют на сторону человека свободнаго, правдиваго и любовнаго. И так оно должно быть и так бы оно и было всегда, если бы не соблазны, между которыми обеспеченное прокормление и глупыя побрякушки—дипломы, мундиры, титулы—соблазн службы наиболее морочит людей и застилает им глаза. Неговоря о меньшей братии, сколько есть правителей, представителей, учителей, ученых, которые благодаря внешнему положению, благодаря побрякушкам служат предметом ожидания высших благ, но которые суть только Питютькины на колокольне звонят. Сколько злодеев и подлецов под защитою побрякушек и готовых хлебов не стыдятся злодействовать и делать подлости среди добрых людей. И сколько женщин, обольщенных побрякушками и обеспеченных прокормлением горько чувствуют свою ошибку в выборе мужа, когда поживши сделаются поумнее. Даже более того, где эти люди, которые в делах жизни своей руководствуются высшими потребностями духа,

где эти сыны человеческие? Они в унижении, в изгнании, в заключении, в лучшем случае под надзором полиции, на одной линии с оплошными и потому признанными ворами, на одной линии с оплошными и потому признанными злодеями.

Но не одни побрякушки и готовое содержание делают соблазн службы. Самое главное состоит в том, что люди потеряли основу всех понятий—истинное благо человека—и сами лезут в дьявольскую ловушку. Человек хочет послужить народу в высшем смысле служения Богу и ближнему, по своей вере в смысле самой высокой святыни и идет на должность за жалованье служить земству или государству. Оно конечно очень заманчиво: и Богу послужить и жалованье получить, но беда в том, что так как эти две вещи несовместимы, то и окажется в конце концов, что в место Бога и народа неизбежно поработаешь дьяволу и мироедам. И иначе не может быть, потому что должности и жалованья все находятся в распоряжении священства и начальства, истинная же вера вот уже 1800 лет идет против священства и начальства, а священство и начальство против истинной веры.

Два обмана, два дьявола, как два вола в ярме, дружно тянут хороших людей на службу. Первый обман состоит в вере в правительство, что будто благо людей обеспечивается извне посредством учреждений и управлений.

В истории народа Божия вместе с появлением правительства появилось и сознание, что это неправда. Глава 16-я Книги Числ повествует о том, как Корей, Дафан и Авирон, и с ними 250 мужей, начальники общества, призываемые на собрания, люди именитые, сказали Моисею и Аарону: „полно вам; все общество, все святы и среди них Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня?“. Происшествие это в Би-

блии описано, как дело худое, богопротивное, упорное возмущение, бунт; но надо иметь в виду, что дело так изображено в книге, которая приписывается Моисею. Если бы это событие нам пришлось узнать из книги Кореевой, то может быть мы увидели бы это в другом свете. Моисея почитают почему-то великим пророком. Но что такое пророк? Пророком мы называем человека, который, появляясь в свое время среди людей, очищает и восстановляет понятие о хорошем, об истинном благе человека, о Боге, который во всяком случае друг истины. Читая же жизнеописание Моисея по Библии получаешь впечатление властелина, законодателя, атамана кочующаго в пустыне племени, гениального проходимца, по своему мудраго и доброжелательного своему народу—во всяком случае впечатление замечательной исторической личности, но не пророка. И именно эта самая история с Кореем и является пробным камнем для заключения о том, кто в этом столкновении был пророк. Корей провозгласил истину о равенстве людей перед Богом, и был за это умерщвлен—качество и судьба великаго пророка. А Моисей, этот признаный вождь народа, прибег к мелочным упрекам в зависти, к чудодейству и смертоубийству, ко всегдашним и очень нам знакомым средствам всех непророков. Если бы были тогда разумныя основания для оправдания этому еврейскому гению своего и братова положения, то он, конечно, выставил бы их, но он этого не сделал.

Разумных достаточных оснований для существования человеческой власти и посредничества между Богом и человеком не было четыре тысячи лет назад, нет и теперь, до сих пор употребляются все те же средства: ухищрения ума, чудодейство и смертоубийство; мы этих оснований не знаем и можно думать, что их вообще нет.

Поучительно также говорит о правителе, о царе

писание Книги Судей: IX. 8. Пошли некогда дерева помазать над собою царя и сказали маслине: царствуй над нами. 9. Маслина сказала им: оставлю ли я тук мой, которым чествуют богов и людей и пойду ли скитаться по деревам? 10, И сказали дерева смоковнице: иди ты царствуй над нами; 11. Смоковница сказала им: оставлю ли я сладость мою и хороший плод мой и пойду ли скитаться по деревам? 12. И сказали дерева виноградной лозе: иди ты царствуй над нами. 13. Виноградная лоза сказала им: оставлю ли я сок мой, который веселит богов и человеков и пойду ли скитаться по деревам? 14. Наконец сказали все дерева терновнику: иди ты царствуй над нами. 15. Терновник сказал деревам: если вы поистине поставляете меня царем над собою, то идите покойтесь под сенью моею, если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожрет кедры ливанские".

Смысл притчи тот, что добрые, хорошие люди не не находят расчета царствовать, только негодяй находит в этом расчет. И какой это неудобный и опасный покровитель. Эта же мысль высказывается прямо в 8 и 12 главах Первой Книги Царств.

По Евангелиям Исус предостерегает своих учеников от закваски фарисейской, саддукейской и закваски Иродовой, т. е. говоря нашим языком, от поповской научной и правительственной науки о жизни людей. И наконец в известной 23 главе от Матфея Христос говорит народу о том, как следует относиться к правительству: он не говорит: вы не признавайте их, бунтуйте, возмущайтесь против них; а напротив говорит: признавайте и относитесь к ним, как к правительству, только вы—то сами не будьте такими, по делам их не поступайте; и если что либо любят они, то это верный признак того, что вам этого любить не следует. И в конце этой громовой речи он выска-

зывает, что конец их существования—бежать в геенну принимать на себя кровь праведников, жилище людей делать пустыней.

По смыслу христианства и просто по разумному смыслу так определяется вообще состояние злодея и негодяя и отношение к нему ученика Христова: относиться к нему следует с добром, как к ближнему, но не следует ему подражать.

Есть одно великое учреждение: природа и человек; и одно великое управление: истина и сознание нормы мысли и жизни. И природа и человек, истина и норма имеют свое бытие—вечное, безусловное, неистребимое. Учреждения же и управления суть изделия ума человеческого, идолы, образа, которым можно покланяться, можно и горшки покрывать. Философ говорит: власти от Бога, а лихорадка откуда?*) Если мы от лихорадки лечимся, то можно полечиться и от властей.

Сколько прекрасных людей, сколько великих талантов отдали себя учреждениям и управлениям, сколько положено сюда беспросветной работы народов, сколько погибло цветущих стран, отдельных национальностей—сколько жертв; и все это проваливается в какую-то бездонную пропасть; народ живет не лучше современников Моисея. И это все так потому, что место это, пропасть эта—место пустое. Истинные пророки спокон веков указывают человеку благо в обратном направлении: в самом себе: „Ищите прежде царствия Божия и правды его, а прочее все приложится вам". Пора послушаться.

Когда много личностей в согласии и взаимности разумеют о себе, управляют собою и оберегают себя, то они делают то, что должно делать и без чего

---

*] Руссо.

нельзя жить. Зло начинается с того момента, когда начинается это разделение, это особенное устройство, организация, учреждение, правительство, где одни начинают разуметь за других, управлять другими и оберегать их; а другие—вольно или невольно освобождают себя от необходимости делать это самим. Зло в том, что учреждения и управления своим существованием возвеличивают бережение моей жизни, моих интересов; тогда как для меня достойно возвеличения пренебрежение моими интересами и погибель жизни для правды, для любви, для Бога. Бережение ли, пренебрежение ли—это дело моей воли, моей жизни, священный дар свободы от Отца моего, иже еси на небесех,

В Деяниях (V. 32) описано осуществление коммуны в первые дни христианства; сказано, что никто не имел ничего своего, но все у них было общее. Там это было не как организация, не как учреждение, не как цравительство, а само собой случилось по внутреннему сознанию; оно и теперь может случаться, но, именно, только случаться, потому что это есть явление истинного человеческого блага, блага разумения и любви, которого нельзя требовать, сделать предметом повинности, фабричного или кустарного производства, но которое приходит свыше, от Бога, и на встречу которому мюди идут деброволько, как к благу, единственным внутренним путем, путем убеждения, веры, путем религии, путем уничтожения зла в себе. Все мы „под Богом ходим", нельзя этого самовольно устроить и требвать от других, потому что это будет бунт против законов Бога. На худой конец если люди сейчас, теперь в своем житейском обиходе не могут обойтись без властей, то пусть держат властей, но пусть помнят и знают, что это дело временное, поганое и греховное. Истинно то, что я человек, частица, детище Божества, ни больше, ни меньще, и выше всякого счета, причисления и от-

числения. Истинно то, что я есмь, а все эти правительства, государства, земства, коммуны одно только поношение и унижение.

Второй обман, тянущий хороших людей на службу заключается в невинном слове „компромисс" (т. е. уступка), которое когда переносится в несоответствующую и неуместную для него область убеждения, область веры, то делается коварнейшим из словес. Нам, награжденным от Бога некиим горением в сердце божественного огня, нам очень хочется как нибудь уйти от опасности, от неизбежности первыми, в натуре и полностью жертвовать интересами плоти в пользу интересов духа. Мы слишком твердо знаем, что за дела убеждения, за дела Божии, за дела правды и любви, за дела Христовой веры начальство, или показывает нам небо в овчинку или посылает туда, куда даже и Макар телят не гоняет. Испытанный подпольный путь, тайный путь распространения света истины, путь хотя бы и не насильнический, не менее опасен; и кроме того мы видим, что тайна сама по себе заставляет нас двуличничать, уродует и развращает нас. Сознавая же необходимость действовать и жить и чувствуя себя недостаточно мудрыми и неспособными для такого самоотвержения, чтобы идти прямо в разбой на верную и позорную насильственную смерть; и не находя иного пути, мы ухватываемся за благородное слово „компромисс" и размышляем: все равно, идеал слишком высок и далек и нам недостижим, будем делать хоть что нибудь приближающееее к нему. И так незаметно для себя совершаем предательство: идем на службу или несмотря на пробуждающееся сознание продолжаем служить тому самому начальству, которое, мы знаем, стоит на обмане, насильстве и всяком зле и которое в глубине души своей ненавидим. Когда же опытом жизни познаем, что не приближаемся, а удаляемся от истины, то

в отчаянии совести искушаемся погасить в себе этот божественный пламень в радостях плотской жизни, в пьянстве, во всяких грехах, во всяком сквернословии, во всеотрицании и издевательстве над всем. И уже не говоря об ошибке в предмете веры, у кого из искренно мыслящих интеллигентных людей, служащих государству или земству эти последние отвечают даже ихнему идеалу государства или земства; и все за деньги и по должности служат не тому и не так, чему и как следует служить по ихнему личному убеждению. „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи"—говорит вечное благовествование. И Бог-ли наш, истинный-ли Бог наш есть предмет нашей службы и нашего поклонения?

„Не убойтеся от убивающих тело, души же немогущих убити: убойтеся же паче могущего душу и тело погубити"—написано в Евангелии. Кто же может убивать наше тело? Разбойники, стяжатели и особые наемные люди тайной и явной полиции*) по своей должности ищущие кого бы обидеть, высматривающие, выслеживающие, прикидывающиеся приятелями, чтобы предать и погубить несчастного ближнего; и особые и тоже наемные люди суда, власти и начальства и тоже по должности убивающие людей податями, повинностями, тюрьмами, каторгой, виселицей и расстрелом. А что же может погубить вместе и душу и тело? Это конечно увлечения страстей, изуверство и разные обманы, но из всех обманов вернее всего погубляет служба: поступил на службу, принял присягу, получаешь жалованье и делай, что велят, что требует служба, и нельзя

*) Таинства церковные, тайна государственная, тайная полиция, тайные канцелярии, секретные отделения, секретные бумаги, политические, монастырские секретные тюрьмы, суды при закрытых дверях—тайна, тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным.

уже разбирать, что полезно и что вредно душе, потому что надо что нибудь одно: либо служить, либо душу свою соблюдать, И гибнет в этом капкане душа, а с душою потом гибнет и тело. И много народу служит, каждый уткнулся носом в свое дело, обделывает свою маленькую частичку общего дела и никто не видит, что все вместе делают мерзостное, богопротивное и смертное дело, дело предательства, убийства, грабежа и обмана над своими братьями и друг над другом. Иуда продал Исуса за 30 сребреников, попы продали императорской власти христову веру за свое положение учителей и пастырей, за жирную жизнь, за высокопреподобие и высокопреосвященство, а мы интеллигентные, либеральные и гуманные люди продаем своего Бога по должности, за жалованье, и это так поганит и терзает нашу душу, что если мы не удавились еще, как Иуда и еща страшимся быть сами дьяволами и мучителями людей, то из нас последний чорт веревки вьет.

Человек разумеет о себе, о своей жизни, о своей душе; о всякой же другой жизни он разумеет неболее, как поскольку это нужно ему для разумения о жизни своей—таково здоровое, естественное состояние человеческого разумения, и в этом именно смысле и следует употреблять слово: разум, разумение. Кто скромен, хорошо владеет своими чувствами, мыслями и поступками, хорошо ведет свое хозяйство, кто трудолюбив и добродетелен, про того мы говорим, что он разумный человек. Но кто заботится о том, чтобы другие были скромны, держали в узде свои чувства, мысли и поступки, чтобы исправно было чужое хозяйство, чтобы другие были трудолюбивы и добродетельны, а сам живет, как придется, какое случится побуждение, того никто не назовет человеком разумным. Служба есть разумение, забота, суд о чужой жизни при возможно большем забвении о жизни своей; в этом состо-

ит достоинство службы, и это есть больное, противоестественное состояние разумения. Службою способность разуметь упражняется, возбуждается, приводится в действие, но не в то место и не так, как и куда это определено Тем, от Кого происходит жизнь. Чужую жизнь уместно щадить, любить, благоволить ей, но разуметь уместно всегда о жизни своей, и человек совершенно естественно бывает недоволен, когда ему начинают указывать. Чужое указание только тогда принимается с радостью, когда оно бывает делом любви. Служба не может быть делом любви, потому что она совершается по должности и за жалованье; любовь же есть чувство непосредственное, свободное и бескорыстное, и нельзя любить по уставу, по долгу, по найму. Служба в лучшем случае есть деятельность разума там, где уместна деятельность любви, пощады, уступки, компромисса; „разумная же деятельность от безумной отличается только уместностью". По этой самой причине и получается такая действительность, что служат люди, искренно служат, стараются об общем благе, а получается на самом деле не благо, не жизнь, а отрава.

Когда человек увлекается каким нибудь пороком или соблазном, то у него ограничивается и затуманивается зрение и сознание, и он долго не видит неразумности, низости, бедственности своего положения; только когда после целого ряда последующих телесных и душевных страданий, он, измучившись, обратится к разуму, обратится к Богу, наконец, и свое рабство, и свободу, и здоровую жизнь, и увидит цену наслаждения, только тогда ясно обнаруживается перед ним эта пучина погибели. В этом всецело захватывающем очаровании соблазна весь ужас положения. Но человеку, отдавшемуся службе еще труднее, еще несравненно труднее увидеть неразумность, низость и бедственность своего положения, потому что порок совершается в самой способно-

сти разуметь. Я взят почти от сохи и если сам не пахал, то в семье у нас по бедности справляли полевые работы, вырос в суровых условиях бурсы и сухоедения, служил все на низших должностях, служил только до 35 лет и кроме того почти за все время службы я из любви к делу много сам мастерил для своего хозяйственного обихода. И все-таки как трудно было мне растаться со службой. И это могло случиться, конечно, только после того, как основы разумной человеческой жизни были возстановлены и провозглашены с подобающей силой и славой. Но что же будет с теми, которых и родители жили только службой, сами они всю жизнь отдавали службе—которые не стоят в условиях благоприятных для прозрения! Мне делается страшно, когда я воображаю судьбу этих пока зеленеющих, но уже подточенных червем былинок; падут под первым дуновением естественной жизни и высохнут под первыми лучами восходящего духовного светила, которые ведь не ждут: и жизнь и светила в своем движении руководствуются не состоянием былинок, но своими законами; и час пробуждения народного будет часом падения для них; и это падение, как падение сдания, основанного на песке, будет падение великим: и физическим и духовным. Служба есть противоестественное употребление высшего человеческого свойства—разумения о жизни; это есть соблазн, которого до последнего времени не видели люди, но который тем не менее погибелен; она, как все соблазны, пагубна сугубо: обманывает относительно личного блага и губит благо разумное.

Теперь я совершенно ясно понял, что нетолько земледелец, но первый пьянчужка сапожник, живущий сам по себе трудом на своих знакомых заказчиков, перед Богом чище и выше человека трезвого, умного, хорошо

знающего свое дело, усердно работающего и в частной жизни добродетельного, но заранее запродавшего себя, состоящего на должности за жалованье: чем дороже, тем хуже.

Теперь если я не воспитал, не воплотил еще в себе недостающего нравственного чувства, недостающего истинного человеческого достоинства, достоинства разумной свободы, то воспитываю, понимаю уже что нужно и стою на этом пути. И теперь уже легче мне, я освоился со своим новым положением, легче потому, что я уже переступил первую ступень, переменил способ питания: не состою, как прежде на содержании и в распоряжении других, а сам себе хозяин и согласно со своею совестью и своим желанием кормлюсь своим трудом; и уже не стыжусь, когда меня люди благодарят, а уверенно и весело говорю: „будьте знакомы напредки"; потому что это доброе знакомство, это взаимное угождение по совести при теперешнем моем положении совершенно естественно, неизбежно и составляет фундамент материального благополучия.

Повидимому только и сделалось, что положение служащего по должности за жалованье я переменил на положение ремесленника, но Богу угодно было, чтобы сделалось это сознательно и во исполнение Его воли, и чтобы таким путем заблудившуюся душу мою через разумение привести к Себе и утвердить на вечной основе истинной веры. И я имею смелость сказать, воззвать ко всем рабам должности и жалованья: поднимитесь духом, расследуйте искренно свое положение, становитесь тверже на свои собственные ноги и выходите смело на новый путь, путь веры, личной свободы и самосовершенствования, путь непременного господства в жизни своей своего личного убеждения, путь личного религиозного сознания. Солнце правды Христовой восходит и освещает нетолько ужасающие картины цар-

ствующего насилия, но можно уже различить и главных виновников его. Виновники—это люди, имеющие в себе искру Божию, но которые вместо того, чтобы быть апостолами соблазнились обманом и сделались предателями. Зло держится не своею грубою звериною силою, которая инертна, как стихия, а держится оно покупаемою силою личнею, интеллигентною. На вас, господа, продающие свой интеллигентный труд по должности, за жалованье, лежит вина царствующего зла. Сознайте это и перестаньте продаваться, имейте мужество сложить с себя добровольно надетое ярмо; поймите, что вы в старых мехах, не на своем месте, где вы не благодетели, а язва народная, и чем усерднее будет там ваша служба, тем это хуже будет для нас, всех миллионов ваших меньших братьев, пожалейте нас; поймите, что вы, именно вы—те самые люди, которые от времени прекрасного Иосифа в Египте всегда делали и делают рабство человека. И посмотрите на пробуждающее народное движение мысли, как природа начинает делать свое дело обновления жизни; она сделает это, конечно, и без вас, но вы, идя на встречу новой жизни, любовью к братьям можете облегчить и устранить их страдания. Вы, люди, богатые духом, держите же в себе основное человеческое достоинство, достоинство духовной свободы, не продавайтесь!

Вы, наемные и присяжные специалисты человеколюбия, вы оцеживающие комара, а верблюда поглощающие, все вы слепые вожди слепых, имейте мужество проснуться и прозреть, потому что свыше, от Отца Света идет на нас день покаяния и уничижения; и пока можно делать это не безчестно, бросайте ваши службы, должности и жалованья, гнушайтесь этого рабства и делайтесь вольными братьями, делайтесь ремесленниками и земледельцами, делайтесь работниками, трудниками, но не рабами. И без колебания

берите приступом эту трудность перемены жизни, берите усилием религиозного чувства, работою для Бога. Но если вы и так уже неустанные работники в таком деле, которое нужно людям, то все равно уходите; вы в десять раз будете счастливее и праведнее, делая это же свое дело без должности на основе взаимного добровольного обмена услуг, и не будете службою, этим идолослужительством морочить народ. И не говорите, что это бесполезно, что другие все равно ваше место займут. Пусть займут! Мир живет вперед не через других, а через вас, людей убеждения, имеющих в себе искру Божию, находящих вот нужным решать про себя вопрос: служить или не служить прямо или косвенно делам насилия и обмана—решающих этот вопрос для того, чтобы в действительной жизни своей самому поступить по своему убеждению. Куда пойдете вы, за вами пойдет весь мир других. Дерево растет не всею своею массою, а едва приметными и сравнительно не многими конечными отпрысками, которые держат в себе направление и истинное начальство и за которыми двигается и разростается дерево. И дело не в вопросе о том, расти ли, двигаться ли вперед—это не может быть иначе—и не в том, чтобы двигаться как можно проворнее и успешнее; а дело все в том, чтобы нежалея себя работать, отыскивая направление наилучшее, чтобы прямо на встречу солнечному свету.

Уходите, уходите, уходите! Пусть другие ваше место займут, пусть осудят, осмеют и отвергнут вас люди; они, ведь, глупые дети, которые не знают, что им самим нужно. А вы знаете, что нужно людям прежде всего и больше всего истинное благо, благо удовлетворения высших потребностей духа: потребности свободы, потребности правды и потребности любви. Это само собою, что народу нужны ученые, и

механики, и агрономы и прочие всяких дел мастера, но поскольку они при том не праведники, постольку наравне с другими волы под‘яремные. И потому возвеличивайте в себе вышнего человека, сына человеческого и смело рубите и разрывайте все путы, связывающие его свободу, его праведность, его любовь.

Вы, искренно пекущиеся о пользе своего народа, своего семейства и делающиеся для этого рабами устава, рабами долга, рабами службы, поймите что все люди— дети духа; и вашему семейству и вашему народу больше всего нужна своя свобода, своя праведность, своя любовь. И потому делайте из себя образец возвеличения духа, давайте пищи человеческому сердцу и народ будет тогда счастлив; потому что совершенно счастлив, удовлетворен, истинно живет не тот человек, которого окружают свобода, праведность и любовь, но тот, кокоторый сам свободен, и праведен, и любит.

Тысяча восемь сот лет тому назад Великий Назореянин говорил избранным ученикам своим: (Л. VIII. 10) Вам дано знать тайны царствия Божия, а прочим в притчах, потому что грубы сердца их, так что они смотрят и не видят, слушают и не разумеют. Но теперь исполнилось время видеть и слышать и разуметь всем основу благовествования. В Ветхом Завете был особенный народ Божий, была скиния, священство, начальство, а в наше время давно уже, уже несколько сот лет, как в сознании людей началось делаться все это ненужным и теперь готовится отпадать совсем, как отпадает зимняя шелуха змеи: не нужно ни особенной народности, ни церкви, ни государства, ни правительства и никакого устава учреждения, как насилия, никакой должности, никакой службы, а на место всего того становится вот что:

Марк. IV. 3. Слушайте, вот вышел сеятель.

Мѳ. XIII. 4. И, когда он сеял, иное упало при дороге и налетели птицы и поклевали его.

5. Иное упало на места каменистыя, где немного было земли; и скоро взошло, потому что земля была неглубока.

6. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло.

7. Иное упало в терние и выросло терние и заглушило его.

8. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

9. Кто имеет уши слышать, да слышит.

16. Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат.

17. Ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели; и слышать, что вы слышите и не слышали.

Люди власти и обмана возвеличивают зло и при всем старании не могут уничтожить добро, потому что начало и конец всему у Бога. Точно также не имеет человек власти уничтожить зло, но он, уже имея в себе от Бога начало добра, сам имеет власть возвеличить его. Требуется нечто нибудь необыкновенное, невозможное, а требуется простое и каждому человеку доступное—требуется перемена взгляда. Как 1800 лет тому назад было провозглашено покаяние, т. е. перемена мыслей, так и теперь требуется все та же перемена мыслей, перемена взгляда, так чтобы достойно было почитания, уважения и подражания не служение церкви, государству, земству, богатству и прочим идолам, но служение Истине и Совершенному Добру—не идолу, но Богу и живому созданию Божию, чтобы состояние богатого для ограбления, чиновнаго для угнетения, воен-

наго для человекоубийства, судьи для мщения, церковнослужителя для обмана, чтобы все эти особенныя звания и состояния, как состояния зла были достойны не уважения и вожделения, как это есть теперь, а чтобы они были достойны презрения, как состояние унизительныя и порочныя, чтобы достойно было уважения только одно состояние добра: состояние простого рабочаго человека и брата. Уже теперь полицейские презираются и человек, послуживший в полици и, много марает тем свое доброе имя. Так вот это отношение презрения, какое теперь есть к полиции—это есть завязь благородного отпрыска на дереве жизни, которой предстоит развернуться, разростись и покрыть всех служащих по должности и за жалованье.

Луки, IV. 5. И возведши Его на высокую гору дьявол показал ему все царства вселенной во мгновение времени.

6. И сказал Ему дьвол: Тебе дам власть над всеми сими царствами, и славу их; ибо она предана мне и я; кому хочу, даю её.

7. И так если ты поклонишься мне, то все будет Твое.

8. Исус сказал ему в ответ: отойди от меня сатана; написано: Господу Богу твоему покланяйся и Ему одному служи.

Так ответил Исус. Но этот великий вопрос искушения стоит и теперь и перед каждым из нас, только нам предстоить не царствовать, а только служить. Кому же мы будем служить, что изберем? Изберем-ли мы власть царскую, власть мира сего, власть дьявола; или изберем власть Божию и ответим вместе с Исусом: **отойди от меня сатана.**

Бронница,
Московской губернии
1906 г.

А. Архангельский
(Бука).

Цена 40 руб.

Издание.

Общества Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого

и

Трудовой Общины-Коммуны „ТРЕЗВАЯ ЖИЗНЬ“.

Типография „Совместный Труд“ Б. Дмитровка д. 28|2.